

A. Mamoyan

T'AYBETMENDÎYÊN R'ÊZIMANÎ YÊN
NAVDÊR Û BINGEHÊN DESTPÊKÎ YÊN
MAK-ZIMANÊ HINDEWROPÎ
DI K'URDÎDA

S.-PÊTÊRBÛRG

A. Mamoyan

GRAMMATICAL CATEGORIES
OF A NOUN AND THE INDO-EUROPEAN
SUBSTRATUM IN THE KURDISH LANGUAGE

St. PETERSBURG

2007

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

А. Д. МАМОЯН

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ОСНОВЫ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА
В КУРДСКОМ

Историко-сопоставительное исследование
в общеиндоевропейском контексте

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

ББК 81.2-2
М22

Рецензенты: акад. Академии наук РАН *И. М. Стеблин-Каменский* (С.-Петербур. гос. ун-т), д-р филол. наук проф. *О. Дж. Джалилов* (С.-Петербур. филиал Ин-та востоковедения РАН)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Восточного факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Мамоян А. Д.

М22 Грамматические категории существительного и основы индоевропейского праязыка в курдском: Историко-сопоставительное исследование в общеиндоевропейском контексте. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. — 175 с.
ISBN 978-5-288-04464-9

В книге рассмотрены некоторые аспекты грамматических особенностей существительных, определенных артиклей, а также вопросы общеиндоевропейского субстрата в курдском языке и сопутствующие положения по этой теме. Автор следует своему собственному пониманию языка, отличному от общепринятого, потому и постулаты, выдвинутые автором, могут вызвать дискуссию.

Книга рассчитана на лингвистов-иранистов.

ББК 81.2-2

© А. Д. Мамоян, 2007

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2007

ISBN 978-5-288-04464-9

ВВЕДЕНИЕ

И все началось с чужеродного «изафетного показателя»...

К настоящему времени накоплено достаточное количество литературы по курдскому языку: изданы завершённые грамматики, монографии, словари и научные статьи. И почти каждый автор этих научных трудов по тому или иному поводу обратил внимание на вопрос «изафета» и «изафетных словосочетаний» в курдском языке. А подавляющее большинство авторов (Ю. Ю. Авалиани, К. К. Курдоев, Ч. Х. Бакаев, И. И. Цукерман, К. Р. Эйюуби, Р. Л. Цаболов и др.) в своих исследованиях рассмотрели «изафет» курдского языка, уделяя особое внимание формам его выражения.

Как известно, в иранских языках, в отличие от других индоевропейских языков, в атрибутивных словосочетаниях определяемое слово препозитивно, т. е. стоит впереди определения. При этом оно сопровождается своеобразными частицами, которые в научной литературе принято называть «изафетными показателями», или «изафетами». Эти атрибутивные словосочетания называются «изафетными словосочетаниями». В научной литературе «изафет» в курдском языке (как и в других иранских языках, в которых он «существует») характеризуется как *флективная частица, выражающая связи между определением и определяемым. Вместе с тем «изафет» даже идентифицируется с родительным падежом*. Были отмечены также грамматические особенности «изафета» в курдском языке, где он выражает род и число существительного.

Известно также, что в атрибутивных словосочетаниях индоевропейских языков, какую бы очередность членов они ни имели, определение ставится в родительном (косвенном) падеже. Именно родительный (косвенный) падеж и стал выразителем родительно-притяжательных или определительных отношений.

Научно доказанная истина — та, что во всех индоевропейских языках определяемое ставится в именительном падеже. Но, как было отмечено выше, в иранских языках родительные — определительные отношения выражаются посредством «изафетных показателей». Если это было сказано в отношении тех иранских языков (персидский, таджикский, дари — фарси), в которых нет никакой частицы, выражающей родительный падеж, в какой-то степени было бы понятно, так как в этих языках родительный падеж морфологически не оформлен. И фактически единственная «флексия», которая существует между определением и определяемым, — это «изафетный показатель». А в курдском языке существует косвенный падеж, который играет роль родительного падежа, и определение выступает в косвенном падеже (possessiver Genitiv) и выражает определительно-родительные отношения.

Кроме этих словосочетаний, «изафетные показатели» в иранских языках употребляются и в атрибутивных словосочетаниях, в которых в роли определения выступают не существительные, а прилагательные или числительные. По этой причине оба вида такого типа словосочетания (с атрибутивным определением, т. е. прилагательным, и с определением в виде существительного в родительном падеже) считаются «изафетными словосочетаниями» или «изафетными конструкциями». Тем самым мы эти два разных типа словосочетания, не считаясь с их различиями и особенностями, объединяем под общим принципом и по одной и той же схеме рассматриваем их.

Основы теории, согласно которой в *иранских языках «изафет» — показатель связи между определяемым и определением и играет роль родительного падежа*, пошат-

нулись еще тогда, когда впервые выявили до этого неизвестные особенности «изафета» (выражение рода и числа существительного) в курдском языке.¹

Но исследования материалов курдского языка показывают, что не «изафет» — выразитель родительно-притяжательных отношений, а косвенный (родительный) падеж.

И здесь возникают справедливые вопросы: Что такое тогда «изафет»? Какие функции выполняет в языке? Каким грамматическим элементом он выступает?

Научно обосновать и убедительно ответить на указанные вопросы — цель настоящего труда.

Для этого мы взяли вышеизложенное за исходную точку исследования. И с целью раскрытия настоящей сути «изафета» в курдском языке все мнения и точки зрения о нем, которые существовали до настоящего времени, мы оставили в стороне. Вначале отвлекаясь от этих мнений, мы эти слова-частицы сопоставляем с грамматическими средствами, выражающими род и число существительного в ряде индоевропейских языков (живых и мертвых). Затем, достигнутые результаты и нынешнюю характеристику «изафета» в курдском языке мы подвергаем сопоставительному анализу с уже существующими точками зрения о нем.

Такой подход позволит дать научное определение этому грамматическому элементу и найти ему подходящее название. Научное определение этого вопроса грамматики курдского языка имеет не только узко курдоведческое значение. Тем самым будут даны ответы на многие лингвистические вопросы общеиранского и индоевропейского характера, которые до сих пор не получили своего научного определения.

После рассмотрения наших научных выводов станет понятно, из какого региона земного шара распространялись индоевропейцы по всему миру. Почему, скажем, в Курдистане до сих пор существует племя Алан и регион по имени

¹ *Jardin R. F., Bahdinan Kurmanji. A Gramer of the Kurmanji of the Kurds of Mosul...* Bagdad, 1922; *Шамилов А. Ш., Цукерман А. И., Курдоев К. К.* Об изафете в курдском языке // *Революция и письменность.* I(16). М., 1933.

Дигор, а у осетинского народа есть два основных племени — тоже Алан и Дигор. Один из новоиндийских языков называется тирахи, а в Курдистане существует племя тирахи. В пакистанской провинции Синдх и индийских штатах Махараштра, Гуджарат и Раджастхан живет народ синдх (синд), и язык этого народа (синди) относится к западной группе индийских языков, а в Курдистане до сих пор живет курдское племя синди. Вместе с многочисленными идентичными корневыми словами в русском и курдском языках (жена — *jin*, нога — *nig*, врать — *vir'*, брови — *birû*, драный — *dir'yayî*, кулич — *kuloç'*, соль — *sol* (в диалекте зазза), мышь — *mişk*, баран — *beran*, кот — *kit*, рис — *r'iz* и др.) существуют и аналогии грамматических категорий в обоих языках; и то, что в русском склоняются прилагательные, не совсем соответствует грамматической сути русского языка. А в курдском и многих других индоевропейских языках существуют многочисленные аналогии корневых слов и грамматических категорий, выражающих род и число существительного.

Наконец, на основе исследования курдских материалов будет возможно найти новые доказательства, подтверждающие, что Междуречье — колыбель формирования индоевропейских народов и возникновения индоевропейской цивилизации. Само существование курдского народа, его самобытной, древней культуры и сохранение богатого общиндоевропейского языкового субстрата в курдском языке, — еще одно доказательство этого. Все перечисленное говорит о том, что индоевропейские народы со временем из Месопотамии рассеялись по всему свету. И что вывезенные ими элементы общиндоевропейской цивилизации и начальные языковые основы со временем подверглись изменениям, но на их исторической прародине и сегодня можно найти много следов их основ, в частности в Курдистане среди курдского народа.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Ученые-лингвисты, которые стали заниматься научными исследованиями в области курдского языка, обратили внимание, что многие слова и грамматические категории в этом и других языках иранской группы индоевропейской семьи или идентичны, или же происходят от одной и той же основы (Е. Рёдигер, А. Потт, Г. А. Хёрнле, Ф. Миллер). Позже некоторые исследователи даже привели примеры аналогий в курдском и других индоевропейских языках (П. Бейдар). Кроме этого, были сделаны попытки, провести сравнительно-исторические исследования в области курдского языка (В. Расторгуева, Р. Л. Цабалов).

В течение длительного исторического периода в области изучения курдского языка накопилось много ценных материалов, было опубликовано столько академических изданий и научных трудов, что сегодня уже можно в области общеиндоевропейских основ провести более глубокие и разносторонние исследования.

Уже в 80-е годы XVIII столетия ученые, в основном европейские, с большим интересом изучали этнографию, язык, культуру, быт и историю курдского народа и страну курдов — Курдистан. Для европейцев ни курды, ни Курдистан не были чем-то абстрактным или же чем-то нереальным. Так, один из пионеров российского курдоведения В. Диттель, в начале XIX в. совершивший трехгодичное путешествие по Ближнему Востоку, писал: «Путешествие через Диарбекир до границ Сирии предоставляло мне много наблюдений в географическом и этнографическом отно-

шениях. Путь мой лежал через Мардин, Диарбекир, Низибин и Урфу. *Страны, по которым я проходил, составляли часть Курдистана* и мало известны (курсив мой. — А. М.)». ¹

Европейцы, для того чтобы лучше познать эту страну, ее народ и культуру, начали изучать курдский язык и проводить научные исследования в области истории и этнографии курдского народа. Безусловно они проявили здоровый прагматизм. И это понятно: если кто-то пожелает установить экономические, торговые, политические и другие отношения с конкретной страной и его народом, реализовать там свои национальные интересы, тот должен начинать с изучения языка этого народа.

В конце XVIII столетия европейские миссионеры, вернувшись в свои страны, издали первые грамматики курдского языка, составленные на основе материалов, собранных ими в Курдистане. А самой первой была Грамматика курдского языка, составленной итальянским миссионером Гарцони, которая вышла в свет в 1787 г. в Риме. ² После Грамматики Гарцони интерес к курдскому языку в мире возрос, стал обсуждаться вопрос о важности исследований в области курдского языка. Позднее, основываясь на достигнутом в этой области, немецкие ученые Е. Рёдигер и А. Потт в своих трудах высказывались о месте курдского языка в иранской группе индоевропейской семьи языков. ³

Другой европейский ученый Г. Хёрнле пришел к выводу, что курдский — живой и преимущественно разговорный язык, сохранивший лишь ряд древнеиранских слов и форм грамматических категорий. Однако указанные точки зрения, берущие свое начало из Грамматики Гарцони, возникнут потом.

¹ *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка, М., 1978. С. 5.

² *Garzoni M. P.* Grammatica e vocabolario della lingue kurda. Roma, 1787.

³ *Rödiger E., Pott A. F.* Kurdische studien // Zeitschrift für die Kurde des Morgenlandes. Dermold, 1840. Bd III. Hft. I; 1842. Bd IV; 1844. Bd V; 1850. Bd VII.

Известный русский ученый Петр Лерх пишет, что грамматика Гарцони у западных ученых пробудила интерес к курдскому языку. Было не только опубликовано множество научных гипотез, но и проведено достаточно научно-лингвистических исследований.

Появляются мнения, что результаты исследований курдского языка целесообразно использовать в области иранской филологии, что изучение курдского языка поможет объяснить некоторые явления языка Авесты и других иранских наречий.

Ф. Мюллер, венский языковед, уверяет, что «освещение своеобразия иранских языков не было бы достаточно исчерпывающим, если ни учитывать фонетики, словоизменения и словообразования курдского языка»⁴.

Если большинство западных востоковедов изучение курдского языка проводит в контексте иранских языков, то французский ученый Поль Бейдар сосредоточивает внимание на курдско-французских языковых аналогиях. По его мнению, курдский язык по лексическому составу и некоторым грамматическим признакам имеет определенную общность с французским⁵.

Армянский просветитель Хачатур Абовян в своем труде «Курды» предлагает ученому миру приступить «к изучению этого оригинального народа и его языка, к обработке этой благодарной почвы, от которой можно ожидать столь много пользы для отечественной истории и языкознания»⁶. Неоспоримым вкладом в изучение курдского языка стали и труды курдских ученых и просветителей разных времен, таких как Джаладет Али Бадрхан, Комуран Али Бадрхан, Тоуфик Вахби, Саид Кабан, Нури Али Эмин, Араб е Шамо, Канат Курдоев, Черкез Бакаев, Керим Эйюби и др. Свою лепту в развитие курдского языкознания внесли и советские востоковеды Ю. Авалиани, И. Цукерман, К. Р. Эйюби, Р. Цаболов, И. Смирнова, З. Юсупова и многие дру-

⁴Цит. по: *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка. С. 7.

⁵Там же. С. 11.

⁶Там же. С. 5.

гие. Своими трудами в области описательной грамматики курдского языка они способствовали обогащению методологического опыта и материальной базы для дальнейших исследований в этой области.

Курдское же языкознание на основе приобретений в области иранского языкознания достигло определенного уровня. То, что до сих пор было сделано в области курдского языкознания, со всеми положительными сторонами и недостатками, составляет фундамент, опираясь на который, можно подняться на ступень выше.

По данной теме я начиная с 1971 г. выступал с докладами на научных конференциях, в разных изданиях публиковал статьи. Но, к сожалению, из-за ограниченности информационного пространства и возможности для публикации моя точка зрения была доступна узкому кругу специалистов.

И до сих пор в грамматике курдского языка так же, как и в грамматиках других иранских языков, продолжают называть слова-частицы «изафетами», или «изафетными показателями». «Изафеты» же, как известно, в иранском языкознании определяются как окончания родительного падежа. Однако имеющиеся материалы курдского языка показывают, что слова-частицы, называемые «изафетами» выражают также род и число существительного и следовательно его определенность, т. е. выступают как определенные артикли.

О точном научном определении этих слов-частиц, об их происхождении, их архаичных формах в курдском языке, а также об аналогиях в родственных языках, об их правописании и орфоэпии и многом другом пойдет речь в настоящей работе.

История каждого языка похожа на историю его носителей. В древней Руси, чтобы представить запутанность и неизвестность какой-либо истории, говорили: «Так запутана, так окружена тайнами, как история древних мидян».

Интересная ситуация. Были проведены многочисленные научные исследования, изданы научные труды. Но все же в курдской грамматике до сих пор остается множество открытых вопросов. Иногда кажется, что если найти человека, нормально знающего грамматику хотя бы одного языка, и ему поручить изучить незнакомый до этого язык и написать его грамматику, он, скорее всего, ее напишет.

Но, все же мы сегодня имеем то, что имеем. Вместе со другими трудностями в процессе изучения языкового материала мы столкнулись и со сложностями, связанными с использованием разных алфавитов (арабского, кириллицы и латинского) в курдской литературе. Кроме того, в двух курдских алфавитах (Джаладет Али Бадрхана и Араба Шамилова), созданных на основе латиницы, существует принципиальная разница. Если в алфавите Джаладет Али Бадрхана звуки ряда пар фонем обозначаются одной буквой, то в алфавите Араба Шамилова (Араб е Шамо) существуют дополнительные знаки, обозначающие звуки, не являющиеся фонемами, свойственные курдскому языку и проникшие в него вместе с заимствованными словами. Так, если в алфавите К. А. Бадрхана отсутствуют буквы *Ç', K', P', T', R'* и следующие пары фонем обозначаются соответственно одними знаками (буквами): *Ç* — для *Ç'* и *Ç* (*Ch*), *K* — для *K* и *K'* (*Kh*); *P* — для *P* и *P'* (*Ph*); *R* — для *R* и *R'* (*Rr*); *T* — для *T* и *T'* (*Th*), то в алфавите Араба Шамилова каждая из этих пар звуков имеет свои знаки обозначения, кроме того, там есть и дополнительные знаки, обозначающие звуки, изначально чуждые курдскому языку и не являющиеся фонемами. Это буквы: *E', H', X'*.

Так как алфавит Бадрхана сегодня более распространен среди курдов, мы его берем за основу. Но в этом алфавите

не хватает знаков пяти фонем, поэтому мы добавляем недостающие знаки, во избежание ошибок в чтении курдского текста.

Мы уверены, что если бы в дальнейшем были внесены соответствующие изменения в алфавит Бадрхана на этой основе, во многом бы выиграли курдские читатели. Это облегчило бы и составление словарей курдского языка и пользование ими.

Раздел I

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ВЫРАЖАЮЩИЕ РОД И ЧИСЛО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ

Курдский как один из языков иранской группы индоевропейской семьи имеет своеобразную семантическую и грамматическую структуру, которая не только отличает его от других иранских языков, но и указывает на его общеиндоевропейское происхождение. Этим он и привлекателен для научного исследования.

Один из вопросов грамматических особенностей курдского языка, который вызывает споры и сомнения, — система «изафетных показателей» или «изафетов».

Изучая разные формы выражения слов-частиц, которые в курдской грамматике принято называть «изафетными показателями», историю их образования и развития в языке, мы пришли к тому, что надо по-иному подойти к общеизвестному и общепринятому мнению.

В иранском языкознании обычно считают, что «изафет» выражает атрибутивные отношения между определением и определяемым словом, а в курдском, кроме того, еще род и число существительного¹.

¹Бакаев Ч.Х. Язык курдов СССР. М., 1973. С.93–115; Бертельс Е.Э. Грамматика персидского языка. Л., 1926. С.25–29; Jensen Hans. Neupersische Grammatik. Heidelberg, 1931. С.47 и далее; Курдоев К.К. 1) Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С.86–104; 2) Курдский язык. М., 1961. С.27–28; Նալբանդյան Գ. Մ. 1) Հին Կարսիերեն. Եր., 1963. С.35; 2) Միջին Կարսիերեն. Եր., 1962. С.30; 3) Պարսից լեզվի քերականություն. Եր.,

Также известно, что в индоевропейских языках в атрибутивных словосочетаниях с несогласованным определением, в каком бы порядке ни стояли его члены, определение всегда в родительном падеже (кроме тех языков, где родительный падеж имеет нулевую флексию, т.е. этот падеж морфологически не оформлен). А в курдском языке, где существуют только три падежа (прямой, косвенный и звательный), в роли несогласованного определенного выступает существительное в косвенном падеже. Именно этот косвенный (родительный) падеж и стал выразителем притяжательно-родительных отношений, а в индоевропейских языках определяемое всегда выступает в именительном (прямом) падеже.

В отличие от тех иранских языков, в которых падежи морфологически формально не выражены, в курдском языке наряду с прямым и звательным падежами существует еще и косвенный падеж, который и выражает притяжательно-родительные отношения (имеет также значение родительного падежа). Вот в таких словосочетаниях в роли несогласованного определения (possessiver Genitiv) выступает существительное в косвенном падеже. Например:

p'irtûk a keş'îkê — книга девочки (девочкина книга);
 av a kanîyê — вода родника (родниковая вода);

1980. С. 154; *Оранский И. М.* Иранские языки. М., 1963. С. 108 и далее; *Расторгуева В. С.* Вопросы общей эволюции морфологического типа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. М., 1975. С. 167 и далее; *Рубинчик Ю. А.* *Рубинчик Ю. А.* Современный персидский язык. М., 1960. С. 101 и далее; *Фархади Раван.* Разговорный фарси в Афганистане. М., 1974. С. 76; *Хетагуров Л. Ф.* Категория рода в иранских языках // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1939. Сер. филол. наук. Вып. 1. № 20. С. 50–64; *Цоболов Р. Л.* Очерки исторической морфологии курдского языка. М., 1978. С. 8 и далее; *Цукерман И. И.* 1) О некоторых свойствах вторичной флексии в курдском языке // Язык и мышление. Т. XI. М.; Л., 1948. С. 364 и далее; 2) Очерки курдской грамматики // Иранские языки. Т. II. М.; Л., 1950. С. 78–98; *Шамилов А. Ш.*, *Цукерман А. И.*, *Курдоев К. К.* Об изафете в курдском языке // Революция и письменность. I(16). М., 1933. С. 51–57; *Эйюби К. Р.*, *Смирнова И. А.* Курдский диалект мукри. Л., 1968. С. 25–28.

- kulîlk a ç'îyê — цветок горы (горный цветок);
 ders ên dotê — уроки дочери (дочкины уроки);
 p'arazvan ên Welêt — защитники родины.

Если бы в роли несогласованного определения выступило существительное не в родительном (косвенном), а в именительном падеже, тогда мы имели бы несогласованное сочетание слов, проще говоря, нелепицу:

- p'irtûk a keç'îk — книга девочка;
 av a kanî — вода родник;
 kulîlk a ç'îya — цветок гора;
 ders ên dot — уроки дочь;
 p'arazvan ên Welat — защитники родина.

Но, согласно принятой в иранском языкознании «теории изафета», получается, что в курдском языке притяжательно-родительные отношения выражают и «изафеты», и косвенный падеж? А если вспомнить, что «изафет» даже идентифицируется с родительным падежом², будет очевидна вся неоднозначность вопроса: выходит, что в атрибутивных словосочетаниях с не согласованным определением (possessiver Genitiv) и определение, и определяемое ставятся в косвенном (родительном) падеже?!

В курдском языке притяжательно-родительные отношения выражаются родительным (косвенным) падежом, что, как и в других индоевропейских языках, лишнего доказательств не требует. Примеры это только подтверждают (см. таблицу на с. 18).

Если это так, тогда что такое «изафет»? Насколько соответствует самой сути внутренних законов языка так называемая «теория изафета»? И вообще насколько правильно, что эти слова-частицы называются в грамматике курдского языка «изафетами» и характеризуются как таковые?

²Бертельс Е. Э. Грамматика персидского языка. С. 24; Jensen Hans. Neupersische Grammatik. S. 5, 47–50; Фархад Раван. Разговорный фарси в Афганистане. С. 76.

**Сопоставительная таблица атрибутивных словосочетаний
некоторых индоевропейских языков**

ЯЗЫКИ	СЛОВСОЧЕТАНИЯ			Несогласованное определение в именительном (прямом) падеже
	с препозитивным определяемым словом	с несогласованным определением (possessiver Genitiv)		
	Определяемое слово	Несогласованное определение (possessiver Genitiv)	Определяемое	
Русский	Книга	Ученицы	–	Ученица
Армянский	–	Աշակերտուհի (Ašakertuhu)	Գիրքը (girk'ə)	աշակերտուհի (ašakertuhi)
Курдский	P'irtûk a	şagirtê	–	şagirt
Английский	–	The people's	Book	the people
Немецкий	Das Buch	des Schülers	–	der Schüler
Французский	Le livre	De le'colier	–	de le'colier

Ведь слово «изафет» происходит от арабского слова эзафе/эзафät (اضافه / اضافت), которым в грамматике персидского языка называется *безударный грамматический показатель «э», служащий для выражения атрибутивной связи имен (изафет, изафетный показатель)*, которого даже воспринимают в качестве формы *родительного падежа*.³

Понятно, так как в персидском языке падежи морфологически не оформлены, в свое время это понятие, присущее к арабскому языку семитской семьи, привнесли в этот язык. Таким образом, единственную частицу, появляющуюся между определением и определяемым в персидском языке, называли «изафетом» и его характеризовали как таковой, т. е. каковым мы его знаем сегодня.

Но какое отношение имеет к этой грамматической категории слово «изафет»? Никакого!

Чтобы было понятно, в чем заключается суть ошибочности такого подхода, надо глубже изучить историю применения самого понятия «изафет» и соответствующей грамматической категории в курдской грамматике.

³Персидско-русский словарь: В 2 т. Т. I. / Под ред. Ю. А. Рубинчика. М., 1970. С. 94.

Известно, что частицу персидского языка, которую принято называть «изафетом», лингвисты-иранисты считают языковой формой, происходящей от древнеиранского «относительно — указательного местоимения *hya/ya*». И в дальнейшем этим частицам приписывали роль родительного падежа (см. выше).

Первые европейцы, которые описывали курдский язык, когда обнаружили слова-частицы, своими функциями похожие на персидские «изафеты», сразу же заявили об их идентичности. В дальнейшем специалисты эту грамматическую категорию с его персидским истолкованием перенесли в курдскую грамматику. И только позже выявили, что в современном курдском языке сохранились «относительно-указательные местоимения *ya, yê, yêd/yên*», которые происходят от вышеуказанных древнеиранских местоимений и до сих пор в такой же аналитической форме используются в курдском языке. Так, В. С. Расторгуева пишет: «Происхождение изафетных показателей 1-й серии, в общем, довольно прозрачно. Они восходят к относительным местоимениям, которые еще сохраняются в курманджи (хотя с очень ограниченными функциями): $-ê < yê$ 'который' (ср. др.-перс. — *hya/ya*, авеста- *ya*) $-a < ya, -êd < yêd$ ». Такой же точки зрения придерживается и Р. Цаболов.⁴ Такое же мнение бытует почти во всех академических трудах и учебных пособиях, в которых речь идет об «изафете».

О курдском «изафете» (на фоне «общеиранского»), в основном, говорилось на описательном уровне, и было указано на его грамматические особенности как «изафета» в системе иранских языков. Но вместе с этим была взята за основу идея об его полной «идентичности с персидским изафетом».⁵

⁴ *Расторгуева В. С.* Вопросы общей эволюции морфологического типа. С. 169 и далее; *Цаболов Р. Л.* Очерки исторической морфологии курдского языка. С. 9–16.

⁵ *Шамилов А. Ш., Цукерман А. И., Курдоев К. К.* Об изафете в курдском языке. С. 51–57.

Конечно, такой подход к курдскому языку весьма понятен, если иметь в виду, что еще в середине XIX в. миссионер из Базеля Г. Хёрнле, долгое время проживавший среди курдов, был убежден в общности курдского и персидского языков. Венский ученый Ф. Мюллер, который был современником Г. Хёрнле, «изафетные» формы *-a*, *-ê*, *-î*, выражающие род и число существительного в курманджи, рассматривал как форманты, соответствующие показателям родительного падежа в других иранских языках. Ф. Юсти в научной грамматике курдского языка (1880 г.) при изложении материалов курдского языка исходил из норм не самого курдского языка, а из норм древнеперсидского, новоперсидского и других иранских языков.⁶ Попыткой научного обобщения существующих описательных исследований можно считать «Вопросы общей эволюции морфологического типа» В. С. Расторгуевой и «Очерк исторической морфологии курдского языка» Р. Л. Цаболова.

Несмотря на то что оба автора высказывают взаимоисключающие мысли о «курдском изафете», о его возникновении, развитии и роли в языке, все же они пытаются подойти к курдскому языку с точки зрения сравнительно-исторического метода исследования.

Категорию «изафет» как таковую оба автора рассматривают одинаково, как и все остальные исследователи. Они констатируют тот факт, что и сегодня в курдском языке «местоимения» *ya*, *yê*, *yêd/ yên* используются в аналитических формах. Но в вопросе о роли этих «местоимений» в языке их пути расходятся, и они выражают две противоположные точки зрения. Так, В. С. Расторгуева отмечает, что изафетные показатели восходят к относительно-указательным местоимениям, «которые еще сохраняются в курманджи (хотя и с очень ограниченными функциями): *-ê* < *yê* ‘который’ (ср. др.-перс. *-hya*, Авеста — *ya*), *-a* < *ya*, ‘которая’ (ср. др.-перс. *-hyā*, Авеста — *yā*) *-ê*, *-êd* < *yêd* ‘ко-

⁶Излагается по кн.: Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. С. 3–12.

торые'». ⁷ И далее она выражает мнение, что «функция этих местоимений в современном языке весьма своеобразна и представляет собою как бы подготовительную степень к их превращению в изафетные показатели». После этого автор объясняет, что, будто «находясь в препозиции перед существительными, они придают им адъективное значение: *yê zîv* 'серебрянный', букв. 'который серебрянный' (*zîv* 'серебро'), *ya zîv* 'серебрянная', *yêd zîv* 'серебряные'; ... в препозиции перед количественными числительными, они переводят их в разряд порядковых: *çar* 'четыре', *yê çara* 'четвертый', *ya çara* 'четвертая' и т. п. Происхождение изафетных показателей 2-й серии пока не установлено». ⁸ «Архаичность изафетной конструкции в курманджи выражается в том, что основные ее изафетные показатели (1-й серии) еще достаточно явно обнаруживают свою генетическую связь с относительными местоимениями (которые здесь еще существуют и, в частности, сохраняют категорию рода). Существительные и личные местоимения, выступающие в качестве определений по принадлежности (т. е. в генитивной функции), принимают форму косвенного падежа: *mal-a bav-ê* 'дом отца' (*mal* 'дом', ж. р.; *-a* изаф. показатель 1-й серии ж. р., *bav* 'отец', *-ê* показатель косвенного падежа ед. ч.)» ⁹. После всего этого автор заключает: «Различаясь по роду и числу, изафетные показатели и 1-й и 2-й серии обычно не только служат в качестве связующих элементов, но и маркируют род и число существительных; ср.: *şagirt-ê r'ind* 'хороший ученик' (*-ê* изаф. показатель м. р., ед. ч.), *şagirt-a r'ind* 'хорошая ученица' (*-a* изаф. показатель ж. р., ед. ч.), *şagirt-êd r'ind* 'хорошие ученики' (*-êd* изаф. показатель мн. ч.)» ¹⁰.

Однако нетрудно заметить, что на самом деле приведенное ей слово *zîv* употреблено не в значении существитель-

⁷ *Расторгуев В. С.* Вопросы общей эволюции морфологического типа. С. 169.

⁸ Там же. С. 169–170.

⁹ Там же. С. 171

¹⁰ Там же.

ного *zîv* (серебро), а в значении относительного прилагательного *zîvîn* (серебряная). Существительное *zîv* здесь использовано в качестве прилагательного, исходя из тех его качеств и особенностей, которые мы называем — серебряная/ый/ое. Ср. курд.:

diran ê zêr' — *diran ê zêr'in* 'золотой зуб';
kevç'i yê dar — *kevç'i yê darin* 'деревянная ложка';
kel(a) a kevir — *kel(a) a kevirî* 'каменный замок';
p'ir(a) a dar — *p'ir(a) a darin* 'деревянный мост';

ср. также арм.:

nułh ũwɾŋ — *nułyɯ ũwɾŋ* — золотой человек;
(voski mard — voskya mard)

nułh ðɛɾɾɛɾ — *nułɛ ðɛɾɾɛɾ* — золотые руки;
(voski jerk'er — voske jerk'er)

pɯɾ uɦɾun — *pɯɾɛ uɦɾun* — каменное сердце;
(k'ar sirt — k'are sirt)

ũwɾŋ ũwɾŋ — *ũwɾŋłɯɟhũ ũwɾŋ* — человеческий человек.
(mard mard — mardkayin mard)

Формы типа *ya zîv / zîvîn* исходят от вышеприведенных атрибутивных словосочетаний и, как более поздние формы, чем предшествующие им словосочетания типа *kevç'i yê zîv / zîvîn*, есть результат атрибутивных конструкций. Прилагательные, используемые в атрибутивных словосочетаниях в качестве определения сочетаются со словами-частицами *ya, yê, yêd / yêñ*. И после того, как в речи их употребляют вместе с этими частицами, они уже являются существительными. В данном конкретном примере существительное *zîv* (серебро) в атрибутивном словосочетании употреблялось в качестве прилагательного, в значении *zîvîn* (серебряный/ая/ое). И после этого, при помощи частицы *yê* принимая грамматические категории рода и числа определяемого *kevç'i* (ложка), с которым оно находится в атрибутивных отношениях, образовало новое слово *yê zîv*. И

это производное имя уже не существительное *zîv* (серебро) вообще. Оно также и не существительное *kevçî* (ложка), как и не прилагательное *zîvîn* (серебряная), как отмечает В. С. Расторгуева. Слово *yê zîv* — новое существительное, которое подразумевает конкретный предмет: серебряная ложка, т. е. конкретная ложка, сделанная из серебра.

Такой же спорный подход со стороны В. С. Расторгуевой проявляется и в отношении числительного. По мнению автора, эти «местоимения», сочетаясь с числительными, превращают их в порядковые числительные. В примере, приведенном автором, *çar* (четыре) — количественное числительное, а *çara* (четвертый/ая/ое) без частиц *ya*, *yê*, *yêd/yên* — порядковое числительное. А с этими частицами (которые В. С. Расторгуева и другие исследователи считают «местоимениями») оно уже — конкретное существительное: *ya çara* (четвертая), которое имеет все грамматические категории, присущие существительному: род (женский) и число (единственное). Иначе говоря, речь идет о конкретном существительном, обозначающем конкретный предмет, который в ряду подобных себе четвертый. И все существительные типа *ya çara* практически могут выступать, как и любое существительное, в роли любого члена предложения.

Другой подход к тому же вопросу проявлял Р. Л. Цаболов. Он отдельно приводит прилагательные, а рядом — существительные, производные от тех же прилагательных:

прилагательные	существительные
<i>t'êr</i> (сытый)	<i>yê t'êr</i> (сытый кто-то)
<i>teng</i> (узкий)	<i>yê teng</i> (узкий что-то)
<i>tûj</i> (острый)	<i>yê tûj</i> (острый что-то)
<i>xar</i> (кривой)	<i>yê xar</i> (кривой что-то) и др.

И заключает: «... хотя само прилагательное не имеет специального, присущего прилагательным формального показателя, позволяющего выделить его как часть речи, это все-таки можно сделать потому, что его простая, не осложненная какими-либо морфологическими показателями фор-

ма противостоит существительному, образованному субстантивацией прилагательного с помощью относительно-указательного местоимения *yê*, использованному здесь как *субстантивирующий морфологический элемент* (курсив мой. — А. М.).¹¹

Правильно угадывая функциональные особенности «местоимения» *ya*, *yê*, *yêd/yên*, в конце Р. Л. Цаболов противоречит себе, отмечая, что эти прилагательные, выступающие в роли существительных (*yê têr*, *yê teng*, *yê tûj*, *yê xar*. — А. М.), используются «только в роли определения». (?! — А. М.).

Наверное, по причине существующего противоречия он в самом начале главы «Имя прилагательное» в своей книге пишет: «Оставаясь на почве морфологии, нельзя отделить прилагательное от существительного. Имеется набор морфем, образующих прилагательные, но эти образования часто лексикализуются как существительные. Многие имена имеют двойную семантику — и существительного, и прилагательного, например: *zor* ‘сила’ и ‘сильный’, *kal* ‘старик’ и ‘старый’, *r’ind* ‘красавец’ и ‘красивый’ и т. д. С другой стороны, существительные, употребленные в изафетном сочетании в качестве определения, могут выступать в адъективном значении. Обычный для выделения прилагательных в отдельную часть речи критерий — способность прилагательного в отличие от существительного образовывать степени сравнения, здесь оказывается неэффективным, как нередко и в других современных иранских языках, потому что имя существительное способно принимать суффикс сравнительной степени *-tir*, выступая в этом случае в значении прилагательного. По большей части это бывает равносильно метонимическому употреблению существительных в других языках, где существительные не могут иметь сравнительной степени».¹²

После изложения данного мнения, автор заключает:

¹¹ Цаболов Р. Л. Очерки исторической морфологии курдского языка. С. 14–16; к цитате. С. 16.

¹² Там же. С. 14.

«Первопричина недифференцированности прилагательного в иранских языках должна, видимо, лежать в древнеиранских языках».¹³

Но материалы курдского языка показывают, что эти прилагательные, а также другие части речи, употребляясь в речи со словами-частицами *ya*, *yê*, *yêd/yên*, выступают в качестве существительных. И тогда они выражают не качество, свойство или принадлежность предмета, а конкретные предметы, со всеми присущими существительному грамматическими категориями (род и число), а в качестве самостоятельного существительного выполняют все его функции (роли) в предложении. Например:

- Ya sipî hat.* — Пришла белая (*Ya sipî* — подлежащее);
Ya sipî anîn. — Привели белую (*Ya sipî* — прямое дополнение);
Min nan da ya sipî. — Я хлеб отдал белой (*Ya sipî* — косвенное дополнение/indirekt Dativobjekt);
Per'ê ya sipî şkest. — Крыло белой сломалось (*Ya sipî* — несогласованное определение).

Кроме того, если лингвистически анализировать всю грамматическую систему прилагательного и существительного курдского языка, то их дифференциация как части речи не представит большой проблемы. При определении прилагательного на помощь приходят, в первую очередь, грамматические категории прилагательных — их степени сравнения. А в вопросе определении существительного на помощь приходят те же слова-частицы, которые принято называть «изафетными показателями», «относительными местоимениями» и т. д. Эти слова выражают грамматические категории существительного как части речи — род, число и значение (определенность).

¹³Там же.

Надо отметить, что примеры, приведенные Р. Цаболовым (*zor* ‘сила’ и ‘сильный’, *kal* ‘старик’ и ‘старый’, *r’ind* ‘красавец’ и ‘красивый’), — это прилагательные, причем, качественные, которые имеют степени сравнения:

положи- тельная степень	сравни- тельная степень	превосходная степень
(positive)	(comparative)	(superlative)
<i>zor</i>	<i>zortir</i>	<i>here zor, ji teva zortir</i>
<i>kal</i>	<i>kaltir</i>	<i>heri kal, ji hemûyan kaltir</i>
<i>r’ind</i>	<i>r’indtir</i>	<i>here r’ind, ji hemûyan r’indtir</i>

Список примеров можно продолжить...

А вот слова, употребляемые в речи как прилагательные, которые в своих работах привели В. Расторгуева и Р. Цаболов (*zîv, hesinî, kevirî*), не могут иметь степени сравнения, потому что это относительные прилагательные или же существительные, использованные в роли определения. Поэтому и нельзя сказать: *zîvtir, here hesinî, ji hemûyan kevirîtir* и пр.

Далее, чтобы в речи ни повторять словосочетание в целом, в которых прилагательное употреблено в качестве определения (*pênûs a sor, kevç’î yê darîn*), вместо него приводится только его определительная часть (прилагательное) со словами-частицами, выражающими род и число существительного: *ya sor, yê darîn*. Эти производные аналитические слова не прилагательные, а существительные и обозначают конкретные предметы.

Для наглядного примера приведем следующий диалог:

Bêrîtan: — *Çi pênûs ên te hene?*

(**Беритан:** — Какие карандаши у тебя есть?)

Zozan: — *Ya sor, ya k’esk û ya sût.*

(**Зозан:** — Красный, зеленый и фиолетовый.)

Bêrîtan: — *Tu ya sor dikarî bidî min?*

(**Беритан:** — Ты можешь отдать мне красный?)

Zozan: — *Fermo!*

(**Зозан:** — Пожалуйста!)

Как мы видим, прилагательное *sor* (красный) в речи сочетается со словом-частицей *ya*, которое показывает род, число и определенность существительного *pênûs* (карандаш). И в этом случае оно уже ни прилагательное *sor* (красный), и ни существительное *pênûs* (карандаш). Это уже комплексное существительное, которое наряду со своими неотъемлемыми грамматическими категориями рода и числа, имеет и конкретное свойство: *sor* — красный, и обозначает конкретный предмет — карандаш красного цвета.

Конечно, понятно, что прилагательные в качестве комплексного существительного употребляются в конкретном контексте, где они уже до этого использовались с существительными в атрибутивных словосочетаниях. А дальше они выступают в роли конкретного существительного, а не существительного вообще, и обозначают конкретный предмет. И только после прохождения таких этапов они могут в конкретном контексте восприниматься в качестве конкретного существительного. И когда в последующем тексте встречаются производные существительные, типа *ya sor* (красный), всегда подразумевается то существительное (*pênûs* — карандаш), которое было основой для образования этого производного существительного, или же читатель (собеседник) мысленно ищет существительное, которое могло бы стать основой для образования этого производного существительного.

Однако надо отметить, что в языке существуют прилагательные, которые используются только в сочетании с конкретными существительными. Например, слова: *kal* — старый и *pîr* — старая, употребляясь с существительными *mêr* — мужчина, *jin* — женщина или *merî* — человек, со временем на себя берут семантическое значение тех слов, с которыми они вступают в атрибутивное отношение в роли определения. Таким образом, со временем в ряду существительных появились новые, производные от прилагательных, существительные: *yê kal* — старый (мужчина), старик,

ya pîr — старая (женщина), старуха. Кроме того, так как изначально подразумевается, что только люди (мужчина или женщина) могут быть старыми (*kal* и *pîr*), в языке появились также формы *kalê* (старик) и *pîrê* (старуха). Эти существительные образовались на более позднем этапе, уже после существования форм *yê kal* и *ya pîr*, путем семантического преобразования.

Конечно, слова *kal* и *pîr* в ряде прилагательных параллельно продолжают существовать. И при этом они в виде производных лексических форм *kalê* и *pîrê* используются в качестве существительных и пополняют ряды существительных (ср. также в курдском языке: *mêrxas* < *mêrê mêrxas*; *syarî* < *mirovê syarî*; *tirsonek* < *mirovê tirsonek*; *aqil* < *mirovê aqil* и др.).

Итак, анализируя атрибутивные словосочетания с несогласованным определением, а затем говоря о трудах В. Расторгуевой и Р. Цаболова, мы невольно возвращались к атрибутивным словосочетаниям с определением, выраженным прилагательным, так как приведенные этими авторами примеры были таковыми.

Как известно, в курдоведческой литературе эти два типа словосочетания называются атрибутивными. Даже авторы не всегда припоминают об их разных определениях и объединяют их под общим названием: «атрибутивные словосочетания», «изафетные словосочетания» или же «изафетные конструкции».

В одних словосочетаниях определение выражается существительным в косвенном (родительном) падеже: *keç'îkê*, *kanîyê*, *ç'îyê*, *dotê*, а в других — прилагательным: *sor*, *kal*, *pîr*. Если несогласованное определение, в основном, передает принадлежность или отношение одного предмета к другому или же происхождение, то определение, выраженное прилагательным, показывает качество, свойство определяемого.

Мы здесь имеем два разных типа словосочетаний, которые в свое время называли «изафетными». Но в этих двух конструкциях общее только то, что определяемое выраже-

но существительным в прямом (именительном) падеже. И так называемые показатели *-a*, *-ê*, *-êd* относятся к этим существительным, показывая их род и число. Вот, в иранской лингвистике и эти показатели принято называть «изафетами» или «изафетными показателями». Эти «показатели», как уже было сказано, якобы выражают притяжательность, принадлежность, происхождение. Иначе говоря, им приписывают почти все особенности родительного (косвенного) падежа.

Вот что по этому поводу пишет И. Цукерман: «Изафетный формант уточняет функцию косвенного падежа имени в качестве определения (имеется в виду несогласованное определение. — А. М.). Форма косвенного падежа в курманджи имеет различные функции в предложении, каждый раз уточняемые каким-либо **одним или несколькими способами выражения падежных отношений**. Изафет — один из этих способов, причем он выступает главным образом как показатель атрибутивного отношения».¹⁴

Возникает вопрос, если этот показатель выражает притяжательные отношения, тогда для чего косвенный (родительный) падеж в языке? Ведь без косвенного падежа в атрибутивных словосочетаниях никаких родительно-притяжательных отношений не может быть. Потом, если «изафет» выражает родительно-притяжательные отношения, какое отношение он имеет к определяемым, которые он сопровождает и выражает их род и число? А если еще раз вспомним, что ни в каком индоевропейском языке определяемое не подвергается никакому падежному изменению (не склоняется), т. е. выступает в именительном (прямом) падеже, выявится вся абсурдность такого определения.

Другой советский курдовед К. Курдоев, характеризуя «изафеты», приписывает им все функции родительного падежа: «Основная функция изафетных показателей заключается в выражении атрибутивных (имеет в виду родитель-

¹⁴Цукерман И. И. О некоторых свойствах вторичной флексии в курдском языке. С. 364.

но-притяжательные. — А. М.) отношении<...> При этом в зависимости от семантики, характера и форм слов, находящихся в именном комплексе, функции изафетных показателей дополнительно могут быть еще следующие: именительно-определятельные, родительско-определятельные, происхождение, назначение, кроме того, они могут играть роль предлогов и относительных местоимений (?! — А. М.)».¹⁵

Однако же, несмотря на такие характеристики «изафета», в курдоведческой литературе и косвенный падеж признается выразителем функции родительного падежа.¹⁶

Получается, что специалисты противоречат законам лингвистики, друг другу и самим себе? Да, к сожалению, так и есть. Языковые материалы курдского языка говорят одно, исследователи же — другое. В чем же причина?

Так как в персидском языке склонения существительных морфологически не проявляются, несогласованное определение никакого флективного форманта не получает (не имеет никакого падежного окончания) и единственная частица (морфологическое изменение), которая проявляется между определяемым и несогласованным определением, это — «изафет». Например:

دل مادر (*del- e madär*) — сердце матери;

کتاب دختر (*ketab- e doxtär*) — книга дочери.

Вот он и воспринимается в качестве форманта, выражающего притяжательно-родительные отношения. Почему? «Изафетный показатель» в персидском языке считается прибавленной частицей, которая проявляется только в условиях атрибутивных словосочетаний, отсюда и восприятие его функций родительного падежа. Однако, как мы видели, в курдском языке иное положение.

И все же исследователи смотрели на курдский язык через персидскую «призму». Об этом еще в 30-е годы XX в. со-

¹⁵ Курдоев К. Грамматика курдского языка. С. 101–103.

¹⁶ Курдоев К. К. Курдский язык. С. 25; Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР. С. 87; Эйюби К. Р., Смирнова И. А. Курдский диалект мукри. С. 133.

ветские известные курдоведы А. Шамилов, И. Цукерман и К. Курдоев в статье «Об изафете в курдском языке» пишут, что как только исследователи обнаружили в курдском языке частицу, похожую на «изафет», поторопились ее сравнить с персидским «изафетом». Авторы правы в том, что когда какой-то иностранный капрал или капитан курдский «изафет» на слух воспринимал, несмотря на все его своеобразие, его идентифицировали с персидским изафетом и даже обозначили арабским знаком _ как, в персидском.¹⁷ Да, эти авторы критиковали мнение иностранных капралов и капитанов. Они отметили, что курдский «изафет» выражает также род и число существительного, и это тогда уже был шаг вперед! Но до сих пор тот же чужеродный «изафет», придуманный иностранными капралами и капитанами, «функционирует» в научных трудах и учебных пособиях курдского языка.

Однако история вопроса пусть остается историей, а мы возвращаемся к основной проблеме.

После такого историко-лингвистического экскурса и исследования материалов курдского языка на основе сравнительно-исторического метода можно будет ответить на основной вопрос: «А чем же являются те самые слова-частицы, которые иранисты-лингвисты в свое время называли изафетами?».

Как анализ вышеприведенных примеров, так и исследования системы грамматических категорий существительного и строение атрибутивных словосочетаний в соответствии с внутренними законами курдского языка показывают, что слова-частицы (*ya*, *yê*, *yêd/yên*) — не что иное, как определенные артикли. И как важные элементы языка, они сочетаются с существительными и показывают их род, число и определенность.

Эти артикли в зависимости от конкретного контекста могут быть постпозитивными или препозитивными. Их

¹⁷ Шамилов А. Ш., Цукерман А. И., Курдоев К. К. Об изафете в курдском языке. С. 51–52.

постпозитивные формы в свое время называли «изафетами», а препозитивные аналитические формы — «относительно-указательными местоимениями».

Сравним следующие примеры:

- Yê ahil bext ê wî pêr'ane.* — У старого человека своя доля (судьба).
Yê dîn û serrweş yek in. — Что сумасшедший, что пьяный.
Yê diz t' irê dinya t'ev dize. — Вору кажется, что весь мир ворует.
*Ya can nedîn ya pêr e, ya pêr kêr naê.*¹⁸ — Молодую не заменяй на старую, старая не годится.
Kal ê zemana. — Мудрый старик.
Dîn ê nav mala. — Сумасшедший, идущий по домам.
Diz ê Şamê. — Дамасский вор (Багдадский вор).
Pîr a malê. — Бабушка семьи.

Такого рода выражения можно слышать на каждом шагу в курдском обществе.

Характер использования артиклей в курдском языке говорит о том, что в каком-то историческом прошлом эти слова-частицы ставились перед существительными и обозначали (показывали) их род, число и определенность. Это была их естественная форма выражения, как, например, в немецком: *das Buch, der Schüler, die Feder* и другие.

Для убедительности рассмотрим следующие примеры.

Существительные

Û Egît got: "Yê mirov herdem mirov dimîne!..." — И Агит сказал: «Человек всегда остается Человеком!...»

Из какой части речи преобразовались

Существительное *mîrov* (человек) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определения (в значе-

¹⁸Масэлок у хэбэрокед шьмаэ'та к'ёрда. Ереван, 1985. С. 178–193, 215–254.

Pîrejîné gustîlk a zêr' danî, ya zîv hilda û got... — Старая женщина положила золотой перстень, взяла серебряный и сказала. . .

Ewê çar gulên sor û yeke sipî anîbûn. Di nav yên sor da ya sipî wek sembol a paqîjî û bêgunehîyê dixwîya — Она принесла четыре красных и одну белую розу. Среди красных белая выглядела как символ чистоты и невинности.

Du r'ê li pêşîya wan hebûn, yek p'ir' dirêj bû, ya din kin bû. Ya dirêj p'ir' xweş bû, lê ya kin li gelî û gebozanm hasê dibû. — Перед ними стояли две пути: один был очень длинным, другой — коротким. Длинный был очень хорошим, а короткий проходил через ущелья и пропасти.

— *Ji berê — pêş da pêşî yên me gotine: “Ji dijminan yê herî baş yê mirî ye”.* — Еще давно наши предки сказали: «Самый

нии прилагательного «человечный»), а после вместе с артиклем выступает в значении существительного, показывающего вечного человека: *yê mirov* (вечный).

Существительное *zîv* (серебро) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определения (в значении прилагательного «серебряный»), а после вместе с артиклем выступает в значении существительного, показывающего серебряный предмет (кольцо): *ya zîv* (серебряный).

Качественное прилагательное *sor* (красный) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определения (в значении прилагательного «красный»), после с артиклем выступает в значении существительного, показывающего красные предметы (розы): *yên sor* (красные).

Качественное прилагательное *kin* (короткий) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определения (в значении прилагательного «короткий»), после с артиклем выступает в значении существительного, показывающего короткий предмет (дорогу): *ya kin* (короткая).

Качественное прилагательное *mirî* (мертвый) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве опреде-

хороший враг — это мертвый враг».

— *Tu wan hevt keç'an dibînî, ku li ber kanîyê r'êz bûne, ya çaran keç' a Amed ê kurmet' ê min e, p'ir' baş hîn dibe.* — Ты видишь этих семерых девочек, что стоят в очереди у родника, четвертая дочь Амада, моего двоюродного брата, она отличница.

— *Ev çar p'irtûk ji me r'a şandine, li ser jî nivîsîne, k'a k'îjan ya k'ê ye. Ev hersêk ên we ne, ev jî ya min e.* — Эти четыре книги нам послали, и на каждой написано, какая для кого предназначена. Эти три ваши, а эта — моя.

Heya naha seredaneke me jî pêk hatibû, encama wê jî baş bû, lê ya vê jî ya wê çêtir bû. — До сих пор у нас еще один визит состоялся, и его результаты были хорошими, но этот был лучше того.

Min ev p'irtûk ji xwend, balkêş bû, lê ya han jî vê balk'êştir bû. — Я прочел и эту книгу,

ления (в значении прилагательного «мертвый»), после с артиклем выступает в значении существительного, показывающего мертвого человека (врага): *yê mirî* (мертвый).

Порядковое числительное *çara* (четвертый) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определения (в значении порядкового числительного «четвертый»), после с артиклем выступает в значении существительного, показывающего предмет, который в ряду подобных себе является четвертым (дочь Амада): *ya çara* (четвертый).

Личное местоимение 1-го лица *ez* (я) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определения (в значении личного местоимения «я» в родительном падеже — *min*), после с артиклем выступает в значении существительного, показывающего предмет, принадлежащий 1-му лицу: *ya min* (моя).

Указательное местоимение *ev* (эта) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определения в родительном падеже — *vê*, после с артиклем выступает в значении существительного, показывающего предмет, принадлежащий 3-му лицу: *ya vê* (у этой).

Указательное местоимение *han* (та) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в каче-

интересная книга, но та была интереснее.

Ev nevîya te ye? Çi zar'okek a r'indik e!.. Du dotên te hebûn, ne? Ev keç'îka ya k'îjanê ye? — Эта твоя внучка? Какой хороший ребенок! У тебя были две дочери, не так ли? Она дочери которой из них является?

Kalkê Meter berç'avkên xwe r'astkirin û pirsî: "Ev wêneyê Bêrivanê ye, ev Bêrîtan e, ev Leyla Qaso ye, lê ev wêneyê k'ê ye?" — Zozanê weha bi pirs li kalê zemanan nihêr'i û got: "Ev serbilindîyeke me ya din e — Zilan e, ya ku xwe kir bombe û di baregeha dagirkêran da teqand û tirs kire dilê neyar!" — Дедушка Метер поправил свои очки и спросил: «Этот портрет Бериван, это Беритан, это Лейла Касо, а вот этот чей портрет?». — Зозан с удивлением посмотрела на старца и сказала: «Это другая наша гордость — это Зилан. Она себя превратила в живую бомбу и взорвалась среди захватнических пол-

стве определения (в значении указательного местоимения «та» в именительном падеже), после с артиклем выступает в значении существительного, показывающего конкретный предмет — книгу, которая определенно имеет род и число: *ya han* (та).

Вопросительное местоимение *k'îjan?* (которая?) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определения (в значении вопросительного местоимения «какой?» в родительном падеже — *k'îjanê*), после с артиклем выступает с вопросом о предмете, принадлежащем 3-му лицу: *ya k'îjanê?* (чья?)

Относительное местоимение *ku* (которая) сначала в именном комплексе употреблено как звено (в значении относительного местоимения «который»), выражающее отношения между существительным в именительном падеже и определительным комплексом слов. После с артиклем выступает в значении того же существительного, с его грамматическими категориями и определительными свойствами вместе взятыми: *ya ku* (которая).

чищ, устранив недругов нашего народа!».

Dema ku amadek'arîyên danîna dîwarên xênî dikirin, Dara li çar cîyan stûne nikandibûn: yek li vî milî, yek li wî milî, dudu jî li milê hanê. Piştr'a ewê ya vir r'akir û li dera han nikand. — Когда вели подготовительные работы для строительства дома, Дара в четырех местах воткнул по одному колу: одним на эту сторону, одним на ту, а две — на другую. Позже он снимал кол вот отсюда и воткнул вон там.

Wê demê r'ewşa welêt tişteki din bû. Hingê em desthilatdar bûn. Ya hingê hingê bû, ya îro îro ye! Wisa ye, bavê min! — Xalê Xudêda gotina xwe bire sêrî, balgîyê berp'ala xwe k'i'şand bin milê xwe, axînek r'ahişt û cîxara xwe pêç'a... — В ту пору положение страны было совсем другим. Тогда мы были у власти. Тогда было одно, а сегодня — другое! Такова жизнь, батюшка мой! — дядя Ходеда, завершил свое слово, подушку притянул себе под плечо, ахнул и завернул табак...

— *A, li vî fotoyê binihêr'e! Dibînî, çawa dor li min girtine. Yek li pişt min sekinye, yek — li pêş min. Ev ê han jî, yê r'ex yê han, dema van li min didan, alik'arî dida wan.* — Вот посмотри на эту фотокар-

Наречие места *vir* (здесь) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определенного (в значении наречия места «здесь»), после с артиклем выступает в значении существительного, показывающего предмет, с определенным местонахождением: *ya vir* (здешний).

Наречие времени *hingê* (тогда) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определенного (в значении наречия времени «тогда»), после с артиклем выступает в значении существительного, показывающего предмет в определенном временном отрезке: *ya hingê* (тогдашний).

Наречие места *r'ex* (рядом) сначала в атрибутивном словосочетании употреблено в качестве определенного (в значении наречия места «около, у»), после с артиклем выступает в значении существительного, показывающего

<p>точку! Видишь, как окру- жили меня. Один стоит за мной, другой — передо мной. Вот этот, который находится рядом с тем, когда они меня били, он помогал им.</p>	<p>предмет, с конкретным местона- хождением: <i>yê r'ex</i> (который ря- дом).</p>
---	--

И такие примеры в курдском языке можно встретить на каждом шагу. При помощи этих определенных артиклей можно другие части речи превращать в новые производные существительные.

Хотя кроме этих форм и сегодня есть в курдском языке существительные, обозначающие предметы и женского, и мужского рода, т. е. существительные-эпицены (*epicene*). И когда речь идет о конкретном предмете (личности), когда требуется использовать существительное в определенном значении, с определенным родом и числом, они употребляются с конкретным артиклем, показывающим конкретный род и число существительного. Например:

<i>Yê bijîşk</i> — <i>ya bijîşk</i>	— доктор — докторша;
<i>Yê şivan</i> — <i>ya şivan</i>	— пастух — пастушка;
<i>Yê gundî</i> — <i>ya gundî</i>	— сельчанин — сельчанка;
<i>Yê xwendk'ar</i> — <i>ya xwendk'ar</i>	— студент — студентка;
<i>Yê şoreşger</i> — <i>ya şoreşger</i>	— революционер — революционерка;
<i>Yê dersdar</i> — <i>ya dersdar</i>	— учитель — учительница;
<i>Yê leheng</i> — <i>ya leheng</i>	— герой — героиня;
<i>Ya p'adişah</i> — <i>yê p'adişah</i>	— король — королева и другие.

А то, что эти артикли в атрибутивных словосочетаниях в отношении того или иного существительного, которое они определяют, занимают постпозитивную позицию, вытекает из структурных особенностей этих словосочетаний. Например:

Ya bijîşk hat. — Докторша пришла.

Bijîşk a me hat. — Наша докторша пришла.

Yê leheng bîranîn. — Вспоминали героя.

Gel leheng ê xwe bîranî. — Народ вспоминал своего героя.

Ya dersdar ji dibistanê derk'et. — Учительница вышла из школы.

Dersdar a dibistan a me gotar xwend. — Учительница нашей школы выступила с докладом.

Такие позиционные изменения можно встретить и в разных сферах других языков. Так, в армянском говорится:

— *Մշակէրուն է գիրքը կարդում:* (— *Aşakertn ē girk'ə kardum.*) — Ученик читает книгу.

Но при анализе предложения задают вопрос:

— *Ո՞վ է կարդում:* (— *Ov ē kardum?*) — Кто читает?

— *Մշակէրն:* (— *Aşakert!*) — Ученик!

— *Մշակէրուն ի՞նչ է անում:* (— *Aşakertn inč ē anum?*) — Ученик что делает?

— *Կարդում է:* (— *Kardum ē!*) — Читает!

А не говорят:

— *է կարդում:* (— *Ē kardum!*).

И в немецком глагол *aufstehen*, который в своей основе имеет устойчивое словосочетание, в предложении, расщепляется, и две части сложного глагола меняются местами: *Stehen sie auf!* Но при этом две части сложного глагола выступают одним единым значением. Они в речи могут меняться позициями в отношении друг друга, но все же выражаются в едином значении, т. е. выполняют роли единой семантической единицы.

Как видим, слова или слово и морфема, объединенные общим семантическим значением, в зависимости от конкретного контекста могут меняться местами. Здесь сразу же может возникнуть вопрос: если так называемые изафеты первой серии¹⁹ — это определенные артикли, понятно, а как быть с «изафетами второй серии»?

¹⁹В курдовеческой литературе принято «изафетные показатели» делить на «изафеты первой серии» (-a, -ê), а их фонетические варианты — «изафетами второй серии» (-e, -î). См.: Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 69–78, а также отделы трудов и других специалистов курдского языка по «изафету».

И здесь то же самое, вторые — те же артикли, только в несколько видоизмененной форме, т. е. эти формы представляют собой фонетический вариант первых. Практика курдского языка — тому свидетельство:

*Wexta şer' destpê bû, Î. Sûkêrman xebatçiyê ulmîyî sere bû li înstîtûta zimîne ser navê N. Mar' ya akadêmîa T'R'SS ulma.*²⁰ — Когда началась война, И. Цукерман был старшим научным сотрудником в Институте языка имени Н. Марра Академии наук СССР.

Как видно, когда словосочетание бывает очень длинным и загроможденным следующими друг за другом определениями (в том числе и несогласованными), автор в каком-то месте прерывает речевую цепь и находившийся на этом стыке определенный артикль уже выступает без фонетического изменения. Например, прерванная часть вышеприведенного предложения могла бы быть с фонетически измененным артиклем, и получилось бы: «... *zimîne ser navê N. Mare akadêmîa T'R'SS ulma*». Таких примеров можно привести много. Но возвратимся к другому любопытному факту. В литературном языке курдов юго-западной (сирийской) части Курдистана, как свидетельствует К. Курдоев, в атрибутивных словосочетаниях (расширенных) «изафетные показатели» не подвергаются фонетическим изменениям. И притом они с существительным составляют аналитическое сочетание (слов).²¹ Так, если для говора курдского языка определенных районов северной части Курдистана и Армении типичны расширенные словосочетания типа: *kur'ê Seyranêyî mezin* (старший сын Сейран), то у курдов юго-западной части Курдистана такого рода словосочетания выглядят так: *kur'ê Seyranê ê mezin*; *kur'ê cînar ê bedew* (красивый сын соседа); *serê xwe ê por'sipî* (свою седоволосую голову); *destê xwe ê ç'epê* (свою левую руку). А формам типа: *zebera dya mine belengaz* (сведения моей бедной матери) в говоре сирийских курдов соответствуют словосочетания

²⁰Р'яа т'эээ. 1985. 27 апреля. С. 4.

²¹Курдоев К. К. 1) Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 95-97; 2) Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 70-75.

типа: *kitêba xort a qalîn* (толстая книга юноши); *bejna te ya horî* (твоя ангелиная талия); *cenga mezin a pêşîn* (Первая мировая война).

Наши наблюдения показали, что и в других частях Курдистана в устах большинства курдов, говорящих на диалекте курманджи, эти же слова-частицы в аналогичных текстовых ситуациях не подвергаются таким фонетическим изменениям.

Надо отметить, что как в курдском языке «изафетных показателей» не существует, также не существуют никаких серий (вариантов) этих показателей. Просто в курдской грамматике, как это на определенном этапе исторического развития бывает и в других языках, соблюдение грамматических законов правописания и орфоэпии осталось без нужного внимания. Поэтому и в пособиях курдского языка и научных грамматиках одну форму той же грамматической категории отнесли к одной, а другую — к другой категории.

Но эти слова-частицы, где бы они ни использовались, остаются теми же. Только при письме следует соблюдать законы правописания и орфоэпии. Одно дело кто как произносит, а другое, как пишут — с соблюдением законов правописания или без. Во всех языках с более развитой грамматикой читают по нормам орфоэпии, а пишут в соответствии с законами правописания. Иначе говоря, в данном случае эти частицы надо написать так, как они пишутся, и читать так, как они написаны. Другое отклонение от общих законов языка находится на уровне региональных говоров.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что и так называемые формы «второй серии изафетных показателей» — это только фонетические варианты этих же показателей.

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. По традиции, принятой в грамматиках иранских языках, понятие «изафетные показатели» было внесено и в курдскую грамматику.

2. В атрибутивных словосочетаниях курдского языка притяжательно-родительные и атрибутивные отношения выражают не «изафеты», а соответственно косвенный падеж существительного и прилагательное или же другие части речи, использованные в качестве определения.

3. В курдском языке слова-частицы *ya*, *yê*, *yêd/yên*, которые в курдоведческой литературе до сих пор считаются «относительными местоимениями», на самом деле являются определенными артиклями и выражают род, число и определенность существительного.

4. Частицы, названные «изафетами» разных серий — это фонетическое проявление артиклей. В зависимости от синтаксической ситуации (контекста) и от той функции, которую выполняет существительное, они могут занимать постпозитивную или препозитивную позицию. В таких случаях в зависимости от его позиции в отношении существительного, в устной (разговорной) речи эти артикли в определенных говорах могут подвергаться фонетическим изменениям.

Ареал употребления определенных артиклей в курдском языке довольно широкий. Наверное, как вся грамматическая система курдского языка, так и эта грамматическая категория в общей морфологической системе существительного нуждается в глубоком изучении. Такое всеобъемлющее изучение станет основой для проявления всех сторон лингвистического строя курдского языка вообще и его грамматического своеобразия в частности.

Конечно, лингвистическое исследование определенных артиклей можно проводить еще более глубоко и всесторонне в сравнительно-историческом плане, и тем самым проследить их историческое развитие, уточнить их место и роль в языке.

Исследования такого плана дадут возможность точно охарактеризовать грамматические категории существительного, точное разделение существительных и других частей речи, переходы слов из одной части речи в другую, систему склонения, правописание, орфоэпию и т. д.

На данном этапе на основе результатов научного исследования можно четко определить грамматические особенности этих артиклей в системе частей речи и их функции в курдском языке. А это в свою очередь становится основой для упорядочения вопросов, связанных с их лексическим значением, фонетическим изменениям в разных синтаксических ситуациях и др. То есть, будут решены вопросы, связанные с их прикладным значением. Тем самым будут отработаны правила их употребления в речи сугубо в соответствии с грамматическими правилами курдского языка.

На основе анализа материалов курдского языка и трудов иранистов-лингвистов можно дать грамматическую характеристику определенных артиклей с тем учетом, чтобы в дальнейшем в грамматике курдского языка применять грамматические правила употребления этих артиклей как в устной, так и в письменной речи.

Определенные артикли — это односложные вспомогательные слова-частицы, которые, сочетаясь с существительными, показывают их род, число и грамматическое значение (определенность).

Определенные артикли курдского языка следующие:

-*a/ya* — употребляется с именами женского рода единственного числа;

-*ê/yê* — употребляется с именами мужского рода единственного числа;

-*êd/yêd (ên/yên)* — употребляется с именами всех родов во множественном числе, не различая грамматического рода.

Определенные артикли — вспомогательные слова и не имеют собственного ударения. Как их существование, так и их употребление в языке связаны с существительными. В речи они сочетаются в основном с существительными. Определенные артикли курдского языка изначально были препозитивными. Например:

ya dê — мать;

yê mîr — король;
ya mamosta — учительница;
yê berxvan — пастух ягнят;
ya bijîşk — докторша;
yê r'êwî — путешественник; пассажир;
yê hesink'ar — кузнец;
yê helbestvan — стихотворец, поэт;
yên bêwar — бездомные, не имеющие крыши над головой, обездоленные;
yên leheng — герой;
yê şahzade — принц, аристократ;
ya şahzade — принцесса, аристократка;
ya şahandot — принцесса;
yê mîrza — принц.

Но со временем, в процессе исторического развития языка, в атрибутивных словосочетаниях в отношении существительного артикли стали занимать постпозитивную позицию. Точнее, их стали ставить между определяемым и определением, как бы на основе именных свойств существительного объединяют все словосочетание, снабдив его грамматическими категориями существительного рода и числа. Например:

а) — *Mîr derî yê jûr a mîrza vekir, mîrza yê biç'ûk, hema ku bav ê xwe dit, ji cî r'abû û berbi wî va bezî.* — Король открыл двери комнаты принца, маленький принц, увидев отца, встал с места и побежал ему навстречу.

б) — *Herçar law ên mamosta Amed jî wê r'ojê li malê berev bibûn. Yê nuxurî, nav ê wî Sîyabend bû, ji Almanîyayê hatibû. Ewî û yê biç'ûk ji zû va hev nedîtibûn, ji bo wê jî ji yên din cuda bibûn û k'etibûn nav a galegalan <...> Herdu dot ên mamosta jî li wir amade bûn. Ya bijîşk gotûbêj a germ bi ya dê r'a dikir, lê ya din — ya mamosta, bi bira yê biç'ûk r'a t'evayî bi bavê xwe va gîro bûn. Dema yên biç'ûk di gotûbêj a xwe da xwe ji bîrkiribûn, ya dê bi ç'avan mamosta da serwestkirin û çû, ji wan r'a çayê bîne... — Все четыре сына преподавателя Амеда в этот день собрались дома. Старший, его звали (дословно: его имя) Сиабанд, приехал*

из Германии. Он и младший давно не виделись, потому и отделились от других и беседовали (дословно: вступили в беседу) <...> И обе дочери преподавателя присутствовали там. Та, которая была врачом, вела теплую беседу с матерью, а другая — учительница, с младшим братом ухаживала за отцом. Когда младшие самозабвенно вели беседу (дословно: в своей беседе забыли себя), мать глазами отцу дала понять, и пошла, принести им чая. . .

А теперь эти примеры подвергнем грамматическому анализу. Определенные артикли в следующих словосочетаниях постпозитивные: *'derî yê jûra mîrza* (двери комнаты принца), *mîrza yê biç'ûk* (маленький принц), *bav ê xwe* (своего отца), *law ên mamosta* (сыновья учителя), *nav ê wî* (его имя), *nav a galegalan* (в беседу), *gotûbêjek a germ* (теплую беседу), *bira yê biç'ûk* (младший брат), *dot ên mamosta* (дочери учителя) и *gotûbêj a xwe* (своей беседе). Здесь они, сочетаясь с существительными *derî* (дверь), *jûr* (комната), *mîrza* (принц), *bav* (отец), *law* (сын), *nav* (имя), *nav* (в, среди), *gotûbêj* (беседа), определяют их по роду и числу. *bira* (брат), *dot* (дочь) и *gotûbêj* (беседа). А в словосочетаниях *yê nuxurî* (старший), *yê biç'ûk* (младший), *yên din* (другие, остальные), *ya bijîşk* (докторша), *ya dê* (мать), *ya din* (другая), *ya mamosta* (учительница), *yên biç'ûk* (младшая) и *ya dê* (мать) эти артикли препозитивно сочетаются с существительными *bijîşk* (врач), *dê* (мать), *mamosta* (учитель) и выполняют ту же функцию, т. е. их определяют по роду и числу. А сочетаясь с прилагательными *nuxurî* (старший), *biç'ûk* (маленький, младший) и *din* (другой/другая), снабдив их грамматическими категориями рода и числа, придают им значение существительного.

Примечание:

В курдском языке параллельно со словом *ya dê* (мать) употребляется и форма *ya bo* (отец). Форма *ya bo*, скорее всего, является уподоблением формы *ya dê*. В курдской разговорной речи существует и форма *êbo* (отец). Например:

— Батюшка, оставь, не занимайся пустяками, ну!

— *Êbo, ca bihêle, bila ev ciwan hinekî serbest bîna xwe bikişînin, malavao!*

— Батюшка, оставь, ну пусть эти молодые свободно подышат, ради Бога!

Здесь, что интересно, эти архаичные формы сегодня уже не употребляются для обращения к отцу, а стали формами обращения к личностям мужского рода вообще. Сегодня часто обращаясь даже к мальчишкам (скажем, своему сыну или внуку), говорят:

— *Ba-bavo(ê bo), te jî me xêr e, ev k'ar ê zar'okan nîne, her'e k'arê xwe, kur' ê min, her'e!*

— Батюшка, ты, что хочешь от нас, это не детское дело, иди по своим делам, иди!

Также обращаясь к девочкам, говорят:

— *Dêya min (ya dê), ca jî k'ereta xwe, jî me ra avekê bînî?*

— Матушка, будь доброй, подай мне воды!

Эти формы обращения употребляются для подчеркивания или своей любви и уважения к собеседнику, или же, наоборот, иронического, неуважительного отношения.

В устной разговорной речи, как мы уже выше отметили, идет процесс изменения некоторых языковых форм путем редукции. Кроме этого, разговорная речь склонна к упрощению форм, при этом сокращая не только окончания слов, но иногда и грамматические категории. Например, у подавляющей части курдов, говорящих на говоре курманджи, в разговорной речи часто пропускаются предлоги. Так, вместо того, чтобы говорить:

— *Ez li malê me.*

— Я нахожусь дома.

— *Ew jî gund çû bajêr'.*

— Он из деревни уехал в город.

— *Gulgez dî dibistanê da bû, dema şagirt vegeryan.*

— Гульгез находилась в школе, когда ученики возвращались.

— *Ew hemû bi serî birayê xwe yê mezin bûn xwedî xwendin.*

— Все они благодаря своему старшему брату получили образование.

— *Ewê jî dayîk a xwe p'ir' hezdikir.*

— Она очень любила свою мать.

— *Bahoz jî ç'îyayên K'urdistanê jî malbata xwe r'a nameyek şandibû.*

— Багоз из гор Курдистана письмо послал своей семье.

— *Bêrîvan ji xew hişyar bû, ser — ç'avê xwe şûşt û berê xwe da p'irtûkxanê...*

— Бериван проснулась, умылась и отправилась в библиотеку...

Говорят:

— *Ez malê me.*

— *Ew gund çû bajêr'.*

— *Gulgez dibistanê da bû dema şagirt vegeryan.*

— *Ew hemû serî birayê xwe yê mezin bûn xwedî xwendin.*

— *Ewê dayîka xwe p'ir' heizdikir.*

— *Bahoz ç'iyayên K'urdistanê malbata xwe r'a nameyek şandibû.*

— *Bêrîvan xew hişyar bû ser — ç'avê xwe şûşt û berê xwe da p'irtûkxanê...*

Как видно из вышеприведенных примеров, в разговорной речи часто пропускаются предлоги, а именно *li, ji, di, bi*.

Примечание:

Надо иметь в виду, что форма *ji*, употребленная в четырех примерах, — это форма двух разных предлогов-омонимов. В одних случаях (*ji gund, ji ç'îya yên K'urdistanê* и *Bêrîvan ji xew hişyar bû...*) эта форма употреблена как предлог *ji* в значении «из», «от»; в других (*ji dayîk a xwe* и *ji malbat a xwe ra*) вместе с существительными соответственно выражают значения винительного и дательного падежей, т. е. мы здесь имеем два различных предлога, которые являются разными словами, имеют разное происхождение и разные значения.

С одной стороны, действует тенденция упрощения и сокращения в языке, с другой — переход множества слов из ряда других частей речи в ряд существительных и влияние чужеродной языковой среды приводят к тому, что в определенных случаях, когда существительное употребляется отдельно, определенные артикли пропускаются, а именно:

а) когда по естественному, семантическому признаку род и число конкретного существительного и без определенных артиклей известны; например:

jîn — mêr (женщина — мужчина), *pîr — kal* (старуха — старик), *dê — bav* (мать — отец), *xûşk — bira* (сестра — брат),

dot — law (дочь — сын), *xatî — xal* (тетя — дядя), *bûk — zava* (невеста — жених), *mî — beran* (овца — баран), *ç'êlek — ga* (корова — бык), *bizin — nêrî* (коза — козел), *mirîşk — dîk* (курица — петух);

б) когда речь идет о незнакомом предмете впервые, неопределенно; например:

K'arker, gundî û mamostayan gilî yê xwe dikin yek û r'êxistin a xwe ya p'arastina çanda netewê dadimezirînin. — Рабочие, крестьяне и учителя договорятся, и создадут свою организацию по сохранению национальной культуры.

Heval, hogir, xûşk û bira, xal û xarzî, kes û kinêz, xerîb û dost, der û cinar, hemû hatibûn li wir berev bibûn û hîvîya axavtin a nûner ê xwe bûn — nûner, ê ku di nav wan da gihîstibû, mezin bibû, ji gund çûbû bajêr û piştî panzdeh salan vegeryabû gundê xwe yê kal û bava. — Товарищи, друзья, сестры и братья, дяди и двоюродные братья, кузены и кузины — все пришли и собрались там и ждали выступления своего представителя. Представитель вырос среди них, стал взрослым, из села переехал в город и спустя пятнадцать лет вернулся в село своих предков.

в) когда существительное склоняется в косвенном и звательном падежах; например:

— *Keç'îkê name ji dayîkê r'a şand.* — Дочка послала матери письмо.

— *Kezîzerê dikir hewar û gazegaz: "Hey, hewar, gundîno, ca hûn deng ê xwe derxin, van hov û haran em t'alan kirin!"* — Кезизер кричала, вызвала на помощь: «На помощь, сельчане, хоть вы поднимаете свой голос, эти бешеные дикари ограбили нас!».

— *Keç'ê, P'erîşanê, tu di k'u da winda bûyî?* — Дочка, Паришан, куда ты исчезла?

— *Kur'ò, Lewendo, la-lawo, xwe bi P'erîşanê r'a bigihîne, eskerên R'oma r'eş êdî xwe bi Ç'iyayê R'eş r'a gîhandin!..* — Эй, Лаванд, сынок, доберись до Паришан, воины Черного Рома уж добрались до Черной Горы!..

А, в остальном, когда существительное в речи употребляется в определенном значении, оно сопровождается опре-

деленным артиклем препозитивно или постпозитивно; например:

Hersê kur' ên met' a Nenê wê r'ojê bi hev r'a derk'etibân gîhadirûnê. Yek ji yê dinê ciwantir û bi hêztir bû. Yê biç'ûk ketibû ser ê honê û serk'êşî li koma k'êlendî'kêşan dikir. Heya nîvro hersê bira k'ar kirin, Jêhat, birayê nuxurî, ji dê r'a dot: "Yadê, bibêje êbo, emê berî r'ojava k'arê xwe li ser hev da bînin, bila amade be, pişt r'a em divê bi t'evayî r'êbik'evin, ma ne divê em sibê li Amedê bin. — В этот день все три сына тѣти Нене вместе вышли на сенокос. Один красивее другого. Младший шел впереди и возглавлял группу косарей. До заката трудились три брата, Жеат, старший брат, сказал матери: «Мать, скажи отцу, мы до заката завершим свою работу, пусть готовится, после мы должны выйти в путь, ведь мы завтра должны быть в Амаде».

Раздел II

О СУЩЕСТВОВАНИИ СРЕДНЕГО РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕКУРДСКОМ ЯЗЫКЕ

(А утеряны ли полностью следы среднего рода
существительного в курдском языке?)

В I разделе мы рассмотрели разные формы выражения рода и числа существительного в курдском языке и подробно остановились на формах слов-частиц *a*, *ê*, *êd/ên*.

Эти слова-частицы в курдоведческой литературе были определены в соответствии с теми законами, которые были приняты для других иранских языков, а именно: это флективные форманты, выражающие атрибутивные отношения (определяемое — определение), и их называли «изафетами». Было высказано мнение, что эти слова-частицы курдского языка так же, как и «изафеты» персидского языка, происходят от древнеиранского «относительно-указательного местоимения *hya/ya*».¹ И в дальнейшем этим частицам приписывали роль родительного падежа. В иранском языкознании также принято считать, что курдский вариант этого форманта отличается от персидского. И главным различием было признано то, что он выражает также род и число

¹Подробнее см.: Бертельс Е. Э. Грамматика персидского языка. Л., 1926. С. 20–29; *Նախնական Գ. Մ.* 1) Պարսից լեզվի բերականություն. Եր., 1980. С. 154; 2) Հին պարսկերեն. Եր., 1963. С. 35; 3) Միջին պարսկերեն. Եր., 1962. С. 30; а также раздел I, с. 15–18.

существительного.² Вместе с этим аналитические формы этих слов-частиц (*ya, yê, yêd/yên*) специалисты курдской грамматики считали «относительно-указательными местоимениями» (см. раздел I).

Однако анализ материалов курдского языка, сопоставление их с материалами других индоевропейских языков и рассмотрение научных выводов лингвистов в области курдоведения, иранистики и общей индоевропеистики разных времен привели к другому мнению.

Материалы курдского языка показывают, что эти слова-частицы никакого отношения не имеют к той характеристике, которую приписывают им исследователи. На самом деле они являются определенными артиклями курдского языка (раздел I). Эти определенные артикли различают грамматические категории существительного — рода (женского и мужского) и числа (ед. и мн.).

На этой основе в научных трудах по курдскому языку, а также в пособиях и учебниках принято полагать, что в курдском языке существуют два рода существительного: мужской и женский. И что грамматическую категорию женского рода в единственном числе выражает определенный артикль *a*, мужского рода — *ê*, которые в научной литературе принято называть «изафетами».

На этой же основе и по тому же принципу в курдоведческой литературе об этих «изафетных показателях», и их основных формах (выражающих род и число существитель-

² Шамилов А. Ш., Цукерман И. И., Курдоев К. К. Об изафете в курдском языке // Революция и письменность. I (16). М., 1933. С. 51–57.; Курдоев К. К. Грамматика курдского языка, М.; Л., 1957. С. 86–104; Цукерман И. И. 1) О некоторых свойствах вторичной флексии в курдском языке // Язык и мышление». Т. XI. М.; Л., 1948. С. 363–378; 2) Очерки курдской грамматики. Глагольные формы курманджи. М., 1962. С. 78–98; Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР. М., 1973. С. 93–115; Эйлоби К. Р., Смирнова И. А. Курдский диалект Мукри. Л., 1968. С. 25–28; Цаболов Р. Л. Очерки исторической морфологии курдского языка. М., 1978. С. 8–14; Хетагуров Л. А. Категория рода в иранских языках // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1939. Сер. филол. наук. Вып. I. № 20. С. 50–64.

ного), и о словосочетаниях, в которых они используются, подробно писали различные курдоведы-лингвисты.

Однако в курдском языке существует и другая частица, во многом по своему характеру, функциям и роли в словосочетаниях похожая на определенные артикли, которые, как мы выше сказали, в литературе по иранистике принято называть «изафетами». Это частица *î*.

И специалисты-лингвисты об этой частице, как и о словосочетаниях, в которых она используется, вспоминали лишь мимоходом от случая к случаю.³ Часто этот показатель идентифицировали с фонетическим вариантом определенного артикля ед. числа мужского рода *ê*, который в некоторых случаях переходит в *î*.⁴ Однако о частице *î*, о сфере ее употребления, особенностях и, что очень важно, о самом ее значении отдельно и подробно нигде ничего не сказано. Потому до сих пор многие важные вопросы, связанные с этой частицей, остаются открытыми: Какую лексическую форму представляет собой частица *î* в курдском языке? Какое отношение существует между этой частицей и определенными артиклями, принятыми называть «изафетными показателями» в курдоведческой литературе? Какую роль играет эта частица в курдском языке? Какие особенности имеют словосочетания, в которых она используется?

Чтобы ответить на эти и другие вопросы, мы рассмотрим сферу употребления этой частицы в курдском языке, ее функции и лексический характер.

Известно, что определенные артикли, в основном, употребляются в субъектной части предложения, а именно в атрибутивных словосочетаниях, образованных членами предложения, выраженными существительным, местоимением, а также другими частями речи, использованными в качестве существительного. А частица *î* употребляется в

³ *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 267—270; *Авалиани Ю. Ю.* Материалы по сложному глаголу курдского языка. Самарканд, 1962. С. 71—97.

⁴ *Авалиани Ю. Ю.* Материалы по сложному глаголу курдского языка. С. 93.

основном в предикативной части предложения, где член словосочетания, с которым сочетается эта частица, не есть существительным.

По-видимому, это и послужило причиной того, что почти все исследователи, говоря о «изафетных показателях», выражающих род и число существительного, и о словосочетаниях, где они используются, проходили мимо частицы *î* и словосочетаний, образованных при ее участии. Когда же приходилось по другому поводу и в другом аспекте говорить о словосочетаниях, в которых используется *î*⁵, эту частицу называли просто «изафетным показателем» постольку поскольку. Иначе говоря, никто из ученых не обращал внимания на эту грамматическую категорию и не раскрыл ее настоящее значение и функции.

Так, к какой же части речи относится эта частица и показателем какой грамматической категории она является? Какую семантическую характеристику имеет эта частица, и какие грамматические функции выполняет она в курдском языке?

Вот тот круг вопросов, отвечая на которые, мы сможем ответить и на остальные, связанные с частицей *î*.

Предположим, что действительно эта частица — одна из фонетических форм определенного артикля. Но против такого предположения говорят следующие обстоятельства:

а) эта частица используется не в атрибутивных словосочетаниях, а в предикативной части предложения;

б) в иранской лингвистике принято «изафетами» (определенными артиклями) называть те грамматические показатели, которые используются между двумя существительными или же существительным, прилагательным, числительным и местоимением при атрибутивных отношениях, чего нельзя сказать о частице *î*;

в) если в атрибутивных словосочетаниях определяемое выражается существительным, то первый член словосоче-

⁵ Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. С. 267–270; Авалиани Ю. Ю. Материалы по сложному глаголу курдского языка. Самарканд, 1962. С. 71–97.

тании типа “*nêzîkî yekî/tiştêkî* (близко к кому-то/чему-то), с которым сочетается частица *ê*, выражается не существительным, а другой частью речи.

Но все же продолжим анализ расширенного круга языкового материала. Сопоставим две группы примеров и анализируем их результаты.

Рассмотрим примеры I группы:

1) *Xeber a çûyîn a Memê belav bû di nav bajêr*.⁶ — (Весть об отъезде Маме распространялась по городу.

2) *Gotinên dê ya mine belengaz ji bîra min nedîçûn*.⁷ — Слова бедной моей матери не выходят из головы.

3) *Kur'ê Seyranêyî mezin*.⁸ — Старший сын Сейран.

4) *Serk'ar ê malêyî mezin*.⁹ — Старший руководитель семьи.

Как видно из примеров (1)–(4), в I группе мы имеем атрибутивные словосочетания, в которых употреблены определенные артикли *ya, yê, yêd/yên*.

А теперь рассмотрим примеры II группы:

1) — *Lê vî cîyê xalî, dûr î şênlika, ev çi syar in?*¹⁰ — А в этих безлюдных местах, далеко от поселений что это за всадники?

2) *Ber destê bavê û apê hînî herfa bûye...*¹¹ — У отца и дяди учился грамоте.

3) *Alîyê Îranê k'ew — k'ewê sivê p'êberjêrî gelîyê Mexso bûn*.¹² — В стороне Ирана к рассвету спустились в ущелье Махсо.

4) *Lê duh me eskerê wî xapand, kire xelegê, nêzîkî sed mêrê wan kuşt*.¹³ — А вчера мы заманили его солдат, окружили их, у них убили около сотни мужчин.

⁶ Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. С. 94.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ Там же. С. 95.

¹⁰ Шэмо Ә'. Дьмдъм. Ереван, 1966. С. 88.

¹¹ Т'уманян Н. Ә'франдънед бжарэ. Ереван, 1970. С. 3.

¹² Ә'вдыр'әһ'ман Ә'. Гөнде мерхаса. Ереван, 1968. С. 56.

¹³ Шэмо Ә'. Дьмдъм. С. 85.

5) *Serdar avtomak'îne pêşberî mala bavê Zerîfê dabû sekandinin.* — Сардар поставил автомашину напротив отчего дома Зариф.

6) *Kalkê Mexso qut'îya t'itûnê dervîst û dirêjî me kir.* — Дедушка Махсо достал табачницу и протянул нам.

7) *Qîzikê got: — De, wekî usane, syar bin, birano, ezê bê m t'evî we.*¹⁴ — Девушка сказала: «Ну, если так, давайте по коням, братья, я еду с вами».

8) *Domatê, ç'evê te agir û şemal in, // Mînanî* ç'evkanyên Armixanê.*¹⁵ — Любимая, твои глаза — огонь и пламя, // Похожи на источники Ахмахана.

Словосочетания II группы своей структурой похожи на словосочетания из I группы. Но в этих словосочетаниях вместо известных нам атрибутивных артиклей используется частица 'î'.

Примечание:

*Словосочетание *Mînan î yekî/tîşteki* имеет также вариант *Mîna yekî/tîşteki*. Например: *Tu zanî, çar birê min hene, ewê te mîna r'âvîya p'ostkin, p'ak bide aqilê xwe*¹⁶ — Ты знаешь, у меня два брата, они с тебя, как с лисы, снимут шкуру, хорошо подумай. Но *mînan* — первоначальная форма, которая происходит от древнеиранского прилагательного **nîman*. От этой же формы происходит армянское слово *hufuh/nman*.¹⁷ Иначе говоря, слово *mînan* — это форма слова **nîman*, с перестановкой согласных *n* и *m*, а форма *mîna* — это усеченная форма первого. Однако сегодня гласный звук *a* конца сокращенной формы *mînan* в словосочетании *mîna yekî/tîşteki* воспринимается как определенный артикль *a* ед. числа, женского рода.

Чтобы разобраться, какая разница существует между определенными артиклями и этой частицей и что есть у них общего, мы подвергнем лингвистическому анализу приведенные выше примеры.

1. *Xebera çâyîna Metê* — Весть об отъезде Маме. Слово *xeber* (весть) — существительное женского рода, ед. числа,

¹⁴Курдские эпические песни-сказы. М., 1962. С. 183.

¹⁵*Շնճու Ի'.* Դեփտեղ. Ереван, 1963. С. 40.

¹⁶*Շեմո Փ.* ԴյմԴյմ. С. 21.

¹⁷*Աճաղախ Ջր.* Հայերէն արմատական բառարան. Երեւանի պետական համալսարան. III-հ. Երեւան, 1977. С. 459.

a — определенный артикль женского рода, ед. числа; *çûyîn* (отъезд) — существительное женского рода, ед. числа, образовано от неопределенной формы глагола *çûyîn* (уйти, уходит, отъехать, *a* — определенный артикль женского рода, ед. числа; *Metê* — существительное, собственное имя мужского рода.

2. *Xeber ê dê ya min* (Слова моей матери). Слово *xeber* (зд.: слово) — существительное женского рода, использовано во мн. числе, *ê* — усеченная (сокращенная) форма определенного артикля мн. числа *êd/ên*; *min* — форма косвенного падежа, ед. числа личного местоимения 1-го лица *ez*.

3. *Kur'ê Seyranêyî mezin* — Сейранин старший сын; *букв.*: Старший сын Сейран. Слово *kur* (сын) — существительное мужского рода, ед. числа; *ê* — атрибутивный артикль мужского рода, ед. числа; *Seyranê* — форма косвенного падежа ед. числа собственного имени женского рода *Seyran*; *-ê* — окончание косвенного падежа женского рода ед. числа; *yî* — фонетический вариант определенного артикля мужского рода, ед. числа *yê*, относится к существительному *kur* (сын); *mezin* — качественное прилагательное, положительная степень.

4. *Serk'arê malêyî mtzin* (*букв.* Старший руководитель семьи). Слово *serk'ar* (руководитель, управляющий, начальник) — существительное мужского рода, ед. числа; *ê* — атрибутивный артикль мужского рода, ед. числа; *malê* — форма косвенного падежа, ед. числа существительного женского рода *mal*; *-ê* — окончание косвенного падежа женского рода, ед. числа; *yî* — фонетический вариант определенного артикля мужского рода, ед. числа *yê*, относится к существительному *serk'ar* (руководитель); *mezin* — качественное прилагательное (большой, старший), положительная степень.

Как видно из примеров I группы, в этих атрибутивных словосочетаниях в качестве определяемого выступают существительные *xeber*, *kur'*, *serk'ar*. А «определяемое»¹⁸ в

¹⁸Имея в виду, что в курдском языке порядок слов и в атрибу-

словосочетаниях второй группы, где между членами этих словосочетаний стоит частица *î*, является не существительным. Это определение, естественно, не может иметь род и число, и, аналогично, сочетающаяся с ними частица *-î* тоже не может выражать несуществующие род и число.

Рассмотрим словосочетания из примеров II группы: *dûrî şênlika* (... далеко от поселений); *hînî herfa bûye* (учил грамоту, букв. ...учил буквы); *p'êberjêr î gelî yê Mexso bûn* (... спустились в ущелье Махсо); *nêzîkî sed mêtê wan kuşt* (... у них убили около сотни мужчин); *pêşber î mal a bav ê Zerîfê* (... напротив отчего дома Зарифь); *dirêjî me kir* (... протянул нам); *ezê bê m t'evî we* (... я еду с вами); *Mînanî ç'evkanyên Armixanê* (... Похожи на источники Ахмахана).

В этих словосочетаниях «определяемые» выражены не существительным, а прилагательными (**hîn*, *p'êberjêr*, *dirêj*, *mînan*), наречиями (*dûr*, *nêzîkî*, *pêşber*) и предлогом (*t'ev*).

Из сопоставлений словосочетаний I и II групп видно, что словосочетания обеих групп по структуре идентичны. Но если в словосочетаниях I группы определяемое — существительное, то в словосочетаниях II группы — нет.

Как видно из сопоставления примеров, единственное различие состоит в том, что первый член словосочетаний II группы не существительное. Это и стало причиной, почему к вопросу атрибутивности словосочетания типа *nêzîkî yekî/tîşteki* относились с сомнением.

Но в курдском языке существуют конструкции типа словосочетаний *nêzîkî yekî/tîşteki*, в которых вместо частицы *î* выступают определенные артикли.

Для убедительности рассмотрим следующие предложения и сопоставим их соответственные словосочетания со словосочетаниями II группы, рассмотренными выше:

тивных словосочетаниях и в словосочетаниях типа *nêzîkî yek/tîşteki* устойчивый: определяемое ставится на первом месте, а определение — на втором, мы первый член этих словосочетаний условно называем определяемым.

а) *Vê berbangê mala me da t'ivdarek ê k'oç'ê didîtin.*¹⁹ — Этим утром в нашем доме готовились к переселению.

б) *Sibê ewê çawa cab a dya xwe bidin?*²⁰ — Завтра как они будут отвечать матери?

в) *Ewê gur' a xanimê kir.*²¹ — Он послушал госпожу.

г) *Wana de'w a heqzêdekirinê kirin.*²² — Они потребовали повысить зарплату.

В курдоведческой литературе принято считать, что в курдском языке составные части сложных глаголов, образованных от имени и вспомогательных глаголов *dan*, *bûn*, *kirin*, *anîn*, при спряжении расщепляются.²³ И между двух частей расщепленного глагола ставится изначально подразумеваемый объект, с которым и посредством «изафетных показателей»²⁴ «связывается» именная часть сложного глагола, имеющая основное значение действия.

Примечание: Мы говорим «изначально», потому что сложные переходные глаголы, изначально использовались в аналитическом виде, т. е. до образования сложного глагола было словосочетание, в состав которого входили косвенное дополнение, объект и вспомогательный глагол. Со временем эти словосочетания постепенно осознаются как сложные глаголы, на основе дополнения и вспомогательного глагола. Но и после того, когда они уже воспринимались как самостоятельные сложные глаголы, в них всегда подразумевается присутствие объекта в его расщепленном — аналитическом составе.

Вопрос образования сложных глаголов — тема другого разговора. Однако мы здесь не можем согласиться с тем заключением, согласно которому «именная часть» сложного глагола «связывается» с объектом посредством «изафетных показателей» (определенных артиклей).

¹⁹ *Авалиани Ю. Ю.* Материалы по сложному глаголу курдского языка. С. 83.

²⁰ Там же. С. 94.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 79–97; *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка. С. 266–270.

²³ *Авалиани Ю. Ю.* Материалы по сложному глаголу курдского языка. С. 92–94.

²⁴ *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка. С. 266–267.

Дело в том, что определенные артикли никак не связывают именную часть сложного глагола с объектом. Здесь действует то же грамматическое правило, согласно которому для выражения грамматических категорий существительного между сочетающимися существительными или существительным и другим именем всегда ставится изначально подразумеваемый соответствующий определенный артикль, который выражает только род и число существительного. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Но для выяснения самого значения частицы *î*, ее развития и преобразования, а также ее функции в современном курдском языке мы определенные артикли («изафетные показатели») и частицу *î*, а также словосочетания, в которых они использованы, подвергаем сравнительному анализу:

1. ... *t'ivdarekê k'oç'ê didîtin* (> *t'ivdarek ê tiştêkî dîtîn* > *t'ivdarekdîtîn*);

2. ... *caba dêya xwe didin* (> *cab a yekî/yeke dayîn* > *cabdayîn*);

3. ... *gur'a xanimê kir* (> *gur'a yekî/yeke kirin* > *gur'êkirin*);

4. ... *de'wa heqzêdekirinê kirin* (> *de'wa tiştêkî kirin* > *de'wkirin*);

и:

1) ... *hînî h'erfa bûye* (> *hînî tiştêkî bûn* > *hînbûn*);

2) ... *p'êberjêrî gelîyê Mexso bûn* (> *p'êberjêrî çikî bûn* > *p'êberjêrbûn*);

3) ... *qut'îya t'itûnê dirêjî me kir* (> *tiştêk dirêjî yekî/yeke kirin* > *dirêjkirin*);

4) ... *Lewend ji cîyê xwe r'abû, çû û nêzîkî t'extê nivîsarê bû* (> *nêzîkî tiştêkî bûn* > *nêzîkbûn*);

и другие.

Сопоставление этих примеров показывает, что в словосочетаниях I группы мы имеем не сложносоставные глаголы, а сложноаналитические комплексы выражения действия в виде словосочетания в составе предложения. И что из этих словосочетаний еще не образовались сложносостав-

ные глаголы. А их формы *t'ivdarekdîtin*, *cabdayîn*, *gur'êkirin*, *de'wkirin*, скорее всего, — производные существительные и не могут в такой же форме как самостоятельные глаголы спрягаться. Например, нельзя сказать: *Ez t'ivdarekdibînim*; *Tu cabdidî*; *Ew gur'dike*; *Ewan de'wdikin*.

В предложениях же эти формы в качестве существительного могут быть использованы в роли именного члена предложения. Например:

T'ivdarekdîtina cejnê ya vê carê serk'evtî bû, ji bo wê ji ew hêjayî pesinên r'êvebirîya bajêr bûn. — На этот раз подготовка к празднику была успешна, потому они и удостоились поощрения руководством города.

Serleşkerê t'irk cabdayîneka wisa hêvî ntdikirin. — Турецкий военачальник такого ответа не ожидал.

Ewî hert'im gur'a jina xwe dikir. Lê ew gur'êkirina wî ya wisa hîç birayê wî xweş nedihat. — Он всегда слушался жену. Но такое послушание совсем не нравилось его брату.

K'arkeran de'wa zêdekirina heqdestê xwe dikirin. Lê rêvebirîya k'argehê de'wkirina wan ber guhê xwe ra avît, û r'ewşa k'arkeran dîsa wisa ma, heya r'ojekê, ew r'abûne serhildanê. . . — Рабочие требовали повышения зарплаты. Но руководство завода не обратило внимания на их требования, положение рабочих осталось то же, и они восстали. . .

Как видно из приведенных примеров, формы *t'ivdarekdîtin*, *cabdayîn*, *gur'êkirin*, *de'wkirin* в предложениях использованы в качестве существительного и соответственно выполняют роль подлежащего, объекта.

Вместе с тем в предикативной части спрягается только глагольная составляющая комплекса (*dan*, *bûn*, *kirin*, *anîn*). И в этом случае комплекс фактически представляет собой полноценное предложение, где есть подлежащее, сказуемое, дополнение, объект и т. д. Например:

Ez t'ivdarek ê (tişteki) dibînim;

Tu cab (a yekê/î) didî; или: *tu cabê didî (yekê/î)*;

Ew gur'ê dike; или: *ew gur' (a yekê/î) dike*;

Ewan de'wê dikin; или: *ewan de'w (a tişteki) dikin*.

А так как в такой форме словосочетания неполнозначные, то в их составе всегда предполагается наличие какого-то дополнения:

Ez t'ivdarekê sejna Newroz dibînîm;
Tu cabê didî hevala; Tu caba dijmin didî;
Ew gur'a dayka xwe dike?

Только после такого предложения с вопросом, если следует ответ, он будет в такой форме:

—*Ew gur'ê dike (gur'ê < gur' a wê).*
Ewan de'w a maf ê xwe dikin?

Только после такого предложения, с вопросом, если следует ответ, он будет в такой форме: *Ewan de'wê dikin (de'wê < de'w a wê).*

Эти предикативные комплексы и в курдоведческой литературе называли расщеплением сложносоставного глагола. А между тем, как мы выше сказали, здесь мы имеем сложную конструкцию, которая содержит и предикацию, и дополнение. Вот между сочетающимися дополнениями и ставятся определенные артикли («изафеты») ²⁵ для выражения их рода и числа. И не больше того! Иначе говоря, на данном этапе развития языка мы имеем дело с предикативными комплексами, которые консервировались и до какой-то степени превратились в устойчивые словосочетания. И если их рассматривать отдельно, то только с большой долей условности, так как они представляют собой словосочетания, именную часть предикативных комплексов.

Идентичную же структуру имеют и словосочетания типа: *nêzik î tişteki bûn*. Структуры, безусловно, идентичные, но у них есть и принципиальная разница. Первый член этих словосочетаний, с которым сочетается частица *î*, не есть существительные. И, как мы уже выше отметили, если эта частица сочетается со словом (не существительным), не имеющим рода и числа, естественно, и она не будет выражать эти категории существительного.

²⁵ *Авалиани Ю. Ю.* Материалы по сложному глаголу курдского языка. С. 94; *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка. С. 267.

И еще. Если во всех случаях словосочетания I группы не могут в предложении использоваться в качестве единой лексической фрмы, то из словосочетаний типа *nêzik î yekî/tiştêkî bûn* образуются полноценные глаголы. Например: *hîn î tiştêkî bûn > hînbûn; p'êberjêr î cîkî bûn > p'êberjêrbûn; tiştêk dirêj î yekî/yekê kirin > dirêjkirin; nêzik î tiştêkî bûn > nêzîkbûn.*

В отличие от форм, образовавшихся от словосочетаний I группы, формы *hînbûn, p'êberjêrbûn, dirêjkirin, nêzîkbûn* могут спрягаться самостоятельно, как полноценные глаголы. Например:

Настоящее время

Ez hîndibim, p'êberjêrdibim, dirêjdikim, nêzîkdibim.
Tu hîndibî, pêberjêrdibî, dirêjdikî, nêzîkdibî.
Ew hîndibe, pêberjêrdibe, dirêjdike, nêzîkdibe.

Прошедшее время

Ez hînbûm, pêberjêrbûm, nêzîkbûm. Min dirêjkir.
Tu hînbûyî, pêberjêrbûyî, nêzîkbûyî. Te dirêjkir.
Ew hînbû, pêberjêrbû, nêzîkbû. Wi/wê dirêjkir.

Несмотря на то что эти сложные глаголы как единое целое самостоятельно спрягаются, но все же при их спряжении всегда подразумеваются «изначально» употребляемые дополнения.

Вроде бы, тут все ясно. Но до сегодняшнего дня в курдоведческой литературе частица *î* не получила своего окончательного научно обоснованного определения. Одни авторы называют ее «изафетным показателем», но определенно не характеризуют ее как таковую.²⁶ Другие лингвисты эту частицу считают фонетическим вариантом «изафетного показателя» мужского рода, ед. числа *ê*. У третьих мы уже

²⁶ *Абалиани Ю. Ю.* Материалы по сложному глаголу курдского языка. С. 95–97; *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка. С. 267.

встречаем «другой» показатель \hat{i} ,²⁷ который тоже определенно не характеризуется.

Такая неопределенность может стать (и уже стала!) основной для путаницы. Исследователь, не говоря о рядовом читателе, не может разобраться, где о чем идет речь — о частице или же показателе. Наверное, из-за отсутствия четкой научной характеристики этой частицы и точного научного определения ее роли в курдском языке как грамматической категории сегодня трудно отличать эту частицу от ее омонимов или случайных фонетических совпадений.

Сначала рассмотрим вопрос сходства частицы \hat{i} с фонетическим вариантом определенного артикля мужского рода, ед. числа. Такие варианты произношения определенного артикля \hat{e} , как \hat{i} , иногда встречаются в разговорной речи у сказителей народного устного творчества и певцов народных песен-сказаний. Эти варианты не имеют никакого отношения к частице, объекту нашего исследования. Идентичность этих форм кажущаяся и обманчивая. Изучение материалов курдского языка показывает, что многие атрибутивные словосочетания, часто используя в разговорной речи с той же определенной структурой, приобретают свойства устойчивых словосочетаний. И так как эти словосочетания с той же устойчивой структурой употреблялись только в узком ареале, со временем в них произошли фонетические изменения, и определенный артикль мужского рода, ед. числа \hat{e} перешел в гласный \hat{i} . Например:

— *T'êlî H'emze xwe bi Îbo yê Çopir'oxlî r'a — syar î bînbaş r'a digihîne,*

şûr ê şîn ber xwe di'kişîne,

Qeyd û çîdar ê lingê bîstûçar girtya difir'îne,

E'li yê xarzya nava dest — p'ê syar î bînbaş derdixîne...²⁸

²⁷ Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР. С. 94; Цаболов Р. Л. Очерки исторической морфологии курдского языка. С. 6–11; и др.

²⁸ *Շննդի հ'.* Դեօարի. Երևան, 1967. С. 277.

*Ezdîn go: — Gewr î miraro, bixwe, paşê bişêkirîne — ne ezî va me.*²⁹

*Anîn dan destê H'ekîm î Loqman.*³⁰

Но:

*Dişîne pey H'ekîm ê Loqme, tîne.*³¹

Go: — Mêvan mêvan ê Xwedê ye,

*Ev hesp ê xerîb î çolê ye...*³²

Подобные примеры встречаются также в одном древнем письменном памятнике курдской литературы — в сулейманийском пергаменте:

*Gewreî gewrek'an...; gunê p'ale...*³³

И сегодня в курдском устном творчестве параллельно встречаются варианты таких оборотов с гласными *ê*, или *î*:

1. *R'ostem ê Zal — R'ostem î Zal.*

2. *Qiral ê K'afir — Qiral î K'afir.*

3. *Loş ê R'ewan — Loş î R'ewan.*

4. *Kek ê K'oroxlî — Kek î K'oroxlî.*

5. *Kek ê Keko — Kek î Keko.*

6. *Bav ê Bava — Bav î Bava.*

Сегодня курдские плакальщицы, когда оплакивают усопшего, определенный артикль мужского рода, ед. числа *ê* произносят как *î*. Например, вместо того чтобы сказать:

— *Ezê Kek ê Seyranê r'a t'abûtekê çêkim*

Dar ê çamê, t'ext ê r'eng e!

говорят:

— *Ezê Kek î Seyranê ra t'abûtekê çêkim*

Dar î çamê, t'ext î r'tng e!

²⁹Г'ькйатед шьм'э'та к'ордийе. К'ьтеба III / Бэрнвисар, пешхэбэр у ньвисарнаси йа Н'. Шьнди. Ереван, 1969. С. 109.

³⁰Там же. С. 184.

³¹Там же. С. 181

³²Курдские эпические песни-сказы. С. 144.

³³Хамоян М. У. О двух изустных вариантах текста сулейманийского пергамента VII века // Вопросы фразеологии, семантики и грамматического строя восточных языков (Учен. зап. Самарканд. гос. ун-та. 1972. Нов. сер. Вып. 225). Самарканд, 1972. С. 82–84.

Конечно, не только в атрибутивной ситуации гласный *ê* подвергается фонетическому изменению и переходит в *î*. В курдской литературе встречается множество примеров других случаев фонетического изменения гласного *ê*. Рассмотрим следующие примеры:

1. *T'a k'engî di zindana da bibin h'ebsî û girtî. . .*
T'a k'engî bixun ev beg û axa me bi xurtî,
T'a k'engî emê dey li wekin her we bi şirtî. . .
2. *Ev r'enge biratî me neve ger t'imî wa bin,*
Hevsar ê me girêdayî bi k'urtan ê k'erabin.
3. *Çawa ku dizanim, tu t'mî şer'k'ar û mêrî,*
Deng daye di şerqê, de bi xwe fêriz û şêrî. . .
4. *K'anî bav ê te, R'ostem ê meydan?*
5. *Zincîrê jî gerdên bişkîn, zû were meydan,*
Îdî tu metirs, pişt û bira Leşkerê Sore.³⁴

Итак, на данном этапе наших исследований выяснилось, что в курдском языке существуют словосочетания, в которых используются частицы *a*, *ê*, *yêd/yên* и *î*. Как мы ранее отметили, первые три из них — это определенные артикли. Они выражают род и число существительного, которое в комплексе с ним выполняют роли разных членов предложения и особенно важна их роль в построении атрибутивных словосочетаний. Кроме того, сочетаясь с другими частями речи, они придают им значение существительного. Частица *î* в курдском языке близка к атрибутивным артиклям, используется в предикативной части предложения и сочетается с теми словами, которые не являются существительными. В этом состоит главное отличие от первых трех частиц.

Однако продолжим анализ примеров. Возьмем примеры, в которых одно и то же слово сочетается с разными определенными артиклями («изафетными показателями»). Возникают вопросы такого характера. Артикли, сочетаясь с одними и теми же словами, придают им новые значения

³⁴ Щелли О. Поезия Шэгэрхвинэ бажарванийе. Ереван, 1966. С. 41, 109, 62, 51.

или смысловые оттенки? Сходство или идентичность этих слов — только кажущееся или они имеют совсем разное происхождение?

Для точной этимологической характеристики этих частей и слов, с которыми они сочетаются, проведем сравнительный лингвистический анализ следующих примеров.

1) *Destê yekî/ê* — чья-то рука. Например: *Ewî destê xwe dirêjî pêñûsê kir u k'ete nava mitala...* — Он протянул руку к ручке и начал думать...

2) *Dest a yekî/ê* — чья-то группа, чей-то отряд. Например: — *R'ûspî, hûn bi desta xwe va ser ç'avan r'a hatine.* — Уважаемый, добро пожаловать вам и вашей группе.

В этом примере употреблено не слово *dest* в значении рука, а слово *deste* (букет, пучок, связка, группа, отряд). В атрибутивном словосочетании, находясь рядом с определенным артиклем *a*, конечный гласный *e* подвергся редукции.

3) *Bi (ji) destî yekî/ê* — через кого-то, при помощи кого-то. Например:

а) *Wê dema şer' û de'wa da Bayram ê adirbêcan bi dest î şairê ermenî tê xilazkirinê.*³⁵ — В этот период войны азербайджанец Байрам был спасен руками армянского поэта.

б) *Ewî gundî da du cime't hebûn:
Yeke ermenî, lê ya dinê k'urd,
Ji dest î maldar — zulmk'ar êd gund
Herda bê hesab k'orlîxî dibûn.*³⁶

В этой деревне два народа жили:
Один армянский, а другой курдский,
От рук богатых порабитителей деревни
Оба видели безграничные злодеяния.

II. 1) *Ser ê yekî/ê* — чья-то голова. Например: *Wê r'ojê ser ê wî p'ir' dêşya, û wî nikaribû k'arekî bike.* — В этот день у него сильно болела голова, и он не мог ничего делать.

³⁵ Т'уманян Н. Эфрандънед бжарэ. Ереван, 1970. С. 81.

³⁶ Cindî H'. Destegul. Yêrêvan, 1963. С. 62.

2) (*Bi*) *ser î yekî/ê* — благодаря кому-то/чему-то. Например: — *Xwendin, ew mecalek e, bi ser î k'îjanê xort û qîz êd k'urda wê daha haj t'erîq û şer'k'arî ya cime't a xwe ye pir'qu'rne hebin.*³⁷ — Учеба — это средство, благодаря которому курдские девушки и парни еще глубже изучат многовековую историю своего народа и его борьбу.

Здесь, как и в примере *Bi (ji) destî yekî/ê, î*, — фонетический вариант определенного артикля мужского рода *ê*.

Примечание: В курдском устном народном творчестве существует и словосочетание типа *Sera p'adşê* — Дворец короля, или *k'oçik — sera p'adşê*. Однако надо иметь в виду, что мы здесь имеем случайное совпадение. Употребленная форма *ser (a)* лишь омоним слова *ser (ê)*. Слово, употребленное в первом примере, усеченная форма курдского слова *serî* (голова), а во втором примере — усеченная форма слова *seray* (дворец), которое имеет тюркское происхождение. Закономерно, что в атрибутивных словосочетаниях существительные, оканчивающиеся на гласный *a*, или *ê*, при сочетании с определенным артиклем женского рода, единственного числа конечный *a*, или *e* ассимилируются и сливаются с артиклем *a*. И потому этот артикль в таких словах воспринимается как окончание: *p'îra, sera, ç'îra, dik'a*. Так что по законам правописания эти словосочетания должны были выглядеть так: *p'îra ya darîn, sera ya p'adşê, ç'îra ya malê, dik'a ya t'êatroyê* и совсем другое, что по законам орфоэпии (еще — народной!) должны были читать как *p'îra darîn, sera p'adşê, ç'îra malê, dik'a t'êatroyê*.

III. 1) *Ber ê yekî/ê* — чье-то лицо; взгляд; обращение; (ср. также: *Sîng û berê kewa gozel Elegez e!*). Например: — *Ew ji hev xeyîdî bûn, û Dilberê ber ê xwe ji wî guhast.* — Они были в ссоре, и Дилбар отвернулась от него.

Слово *ber* в курдском языке имеет еще два омонима — оба тоже мужского рода:

a) *ber* — камень, скала. Например: — *Ew wek ber û zinar di cî yê xwe da sekinibû û nedilivya. Te ber ê han dîtuye, a, wek wî?! — Он стоял на месте, как камень и скала и не двигался. Ты увидишь ту скалу, вот, как она.*

b) *ber* — плод, урожай; добро; результат. Например: — *Xwedê bike, tu ber ê wan ewledan bixwî. — Xatîya Zînê gote xudan ê malê, û em derk'etin, me ber ê xwe da ç'îya yên*

³⁷ Celîl O. Poêziya Cegerxwîne bajarvaniyê. Yêrêvan, 1966. С. 79.

K'urdistanê. — Дай Бог, чтобы ты вкусил плоды своих детей, — сказала хозяйну дома тетя Зине, и мы отправились в горы Курдистана.

Слово *ber*, использованное здесь, происходит от древнеиранского корня **bher* — принести, нести; ср. санскрит: *bhar*, *bharami*; Зенд-Авеста: *barami*; др.-перс. *barantiy*.³⁸

2) *Ber a yekî/ê* — чье — то племя (род). Например: *Berê — pêş da dutîretî k'etibû nava k'ûrdan, bera* wan û yên din li hev nedikirin*. — Издавна между курдскими племенами были распри, их племя и другие не дружили.

Примечание:

*Слово *ber*, использованное в этом предложении, образовалось от основы глагола *berevîkirin* — *berev* и словообразовательного аффикса существительного *-k* (*berek* < *berev* + *k*), с последующей редукцией согласного *v*. А на более позднем этапе и конечный слог *ek* производного слова *berek* тоже подвергается редукции и осталась та форма, которую мы сегодня имеем: *ber*. Параллельно этой форме в курдском языке еще сохраняется и употребляется форма *berek*. И это слово изначально означало: группа, собор — в смысле общество, на основе родовых отношений.

3) *Ber î yekî/ê (tişteki)* — до кого-то, чего-то; прежде, первой очереди. Например: *Ber î her tiştî mirov divê mirovî ya xwe ji bîr neke, wekî din, her tişt dibe...* — Прежде всего, человек должен не забывать о своей человечности, все остальное образуется.

Здесь мы имеем слово, которое по своему происхождению различается от первых двух форм (*ber*). Это усеченная форма наречия *berê* — раньше, в прежнее время, до, прежде. В этом слове конечный гласный *ê* подвергся редукции, и в словосочетании типа *ber î yekî/ê (tişteki)* оно уже выступает в форме, где *ê* редуцирован.

IV. 1) *Pîşt a yekî/ê* — чья-то спина. Например: *Pîşt a pîrik a Nenê dêşya û ji bo wê jî ew h'evtêk bû, ku ew haş jî çûyîn — hatina malê nênbû*. — У бабушки Нане спина болела, потому уже неделю она была не в курсе домашних событий.

³⁸ Աճառյան Հր. Հայերեն արմատական բառարան, Երևանի պետական համալսարան. Երևան. I հ. 1971. С. 440–441.

2) *(Bi) pişt î yekî/ê* — при чьей-то помощи, благодаря чьей-то помощи. Например: — *Keso r'êvebirekî baş bû, û hemû gundîyên me bi pişt î wî bûn xwedî mal û hebûn*. — Касо был хорошим управленцем, и все наши односельчане благодаря его помощи стали богатыми.

В первом примере этой группы использовано существительное женского рода, ед. числа *pişt* (спина); оно сочетается с артиклем женского рода, ед. числа *a*, а во втором предложении слово *pişt* сочетается с частицей *î*, принадлежность которой к какой-то конкретной части речи неизвестна.

Если в данном предложении мы имеем слово *pişt*, в значении 'спина', которое в курдском языке женского рода, то оно должно было сочетаться с определенным артиклем *a*, а не с частицей *î*, которая не выражает никакого рода существительного. А если это слово не существительное, и оно, и существительное *pişt* — только омонимы, тогда оно не должно было использоваться в атрибутивном словосочетании, еще и с предлогом: *bi (bi piştî wî)*.

Однако сегодня в курдском языке используются параллельно словосочетания *bi serî yekî/ê* и *bi piştî yekî/ê*, т. е. возможны варианты принадлежности второй формы *pişt* к конкретной части речи: а) существительному женского рода; б) другой части речи.

Рассмотрим оба варианта.

В первом варианте формально сочетание *pişt* с частицей *î* само исключает возможность говорить о существительном женского рода. В курдском языке есть отыменный (именной) предлог *pişt*, который имеется также в некоторых иранских языках,³⁹ и переводится как «за, после». Например: *Pişt î vêna bi xebata ji bo k'urda te şewq veda. . .*⁴⁰ — После этого ты своей работой для курдов засверкал. . . Если предположим, что предмет нашего разговора слово *pişt* — это отыменный предлог, то словосочетание *bi pişt î yekî/ê*

³⁹Персидско-русский словарь: В 2 т. / Под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. I. М., 1970. С. 301.

⁴⁰*Щелл О.* Поезия Щэгэрхвинэ бажарванийе. С. 26.

не имело бы значения «благодаря» и не употреблялось бы с предлогом *bi* (ср.: ... *lê me bi piştî Xwedê struê wî şkênand*⁴¹), потому что предлог *bi* сочетается только с существительным и вместе с этим существительным в предложении становится дополнением сказуемого — косвенным дополнением орудия действия.

Если формально подходить, то вопрос останется открытым.

Так как эти словосочетания по сути — устойчивые (фразеологизмы), то надо и причины такого несогласия искать в этой сфере. В курдском языке есть и другие фразеологические обороты, образованные на основе значения слова *pişt* (спина; тыл, защита, опора, защитник). Например: *Eger hevalên me nehatana piştta me, dijminê em bişkêndana*. — Если наши товарищи не пришли бы нам на помощь, то враг сломал бы нас.

Lao, Xwedê piştovanê te be, ez çî dikarim bikim? — Сынок, пусть Бог будет твоим защитником, что я могу сделать!?

Eger k'urd piştta hev bigirin, tu kesê nikaribe wan tengav bike. — Если курды будут защищать друг друга, никто не сможет их притеснять.

Li zikê yekî xistin, got: "Wey li min pişt!" — Били одному в живот, он кричал: «Ой, моя спина!».

Так как смысловые истоки фразеологического оборота *bi pişt î yekî/ê* исходят из значений вышеприведенных оборотов, значит, и здесь использовано существительное *pişt*. А то, что оно сочетается с частицей *î*, надо полагать, что это было по аналогии с фразеологическими оборотами *bi ser î yekî/ê* и *bi dest î yekî/ê*.

Сравним:

1. *Pişt î vênâ bi xebata ji bo k'urda te şewq veda*. . .⁴² — После этого ты борьбой за курдов загорелся.

Здесь мы имеем отыменный предлог *pişt*.

⁴¹ Шэмо Э. Дьмдм. С. 159.

⁴² Щелл О. Пoesия Щэгэрхвинэ бажарванийе. С. 26.

2. *Lê bi pişt î Xwedê eşîr a me, me nehîşt lek'e bê ser...*⁴³ — Но с Божьей помощью мы не допустили, чтобы запятналось наше племя.

3. *Gelek qîz û bûk ê me ye bedew bi dest î zorê xwe r'a birin.*⁴⁴ — Многих девушек и невест нашей деревни насильно увели.

4. *Xwendin, ew mecalek e, bi ser î k'îjanê xort û qîz êd kurda...*⁴⁵ Учеба — одно средство, благодаря которому курдские девушки и парни...

В последних трех примерах использованы существительные: *pişt* (спина), *serî* (голова) и *dest* (рука), которые вместе с предлогом *bi* в этих предложениях стали косвенным дополнением орудия действия. Вместе с тем в качестве определяемого посредством определенного артикля *ê/î* сочетаются с другим существительным (определение).

Сравнение примеров, приведенных здесь и выше, показывает, что частица *î* в предложении, будучи сопоставима с определенными артиклями *ê* и *a* (причем, часто и определенной системой, и смысловозначительностью), дает все основания полагать, что в древнекурдском языке различался и средний род существительного. Безусловно, этот момент важен и должен исследоваться более глубоко и разносторонне.

Однако и на данном этапе, основываясь на имеющихся языковых материалах и накопленном опыте лингвистического анализа, можно научно обосновать это определение.

В курдоведческой литературе принято считать, что в атрибутивных словосочетаниях определяемое должно быть именем существительным или словом из числа других частей речи, которые использованы в этом качестве. Вместе с тем в примерах с оборотами *bi pişt î yekî/ê*, *bi ser î yekî/ê* и *bi dest î yekî/ê* мы имеем фразеологические обороты, которые по своей структуре идентичны атрибутивным слово-

⁴³ Шэмо Ә. Дьмдъм. С. 81.

⁴⁴ Ә'әдълр'әһ'ман Ә'. Гөнде мерхаса. С. 72.

⁴⁵ Щелмл О. Поезия Щэгәрхвинэ бажарванийе. С. 79.

сочетаниям. Ведь частица *î* сочетается только с «определяемым» — несуществительным, которое, понятно, не имеет категории рода и числа. И здесь, естественно, возникает вопрос. Если существует «определяемое», не имеющее грамматических категорий рода и числа, тогда должен с ним в атрибутивном словосочетании сочетаться артикль, который нейтрален в отношении рода. Сам язык нового определенного артикля, который был бы нейтрален в отношении к грамматическому роду, заново не создает, потому что такой в курдском языке уже существовал. Такой артикль был, потому что в древнем языке существовали существительные среднего рода. И вместо (и по аналогии) них в атрибутивных словосочетаниях использовались слова — несуществительные. Так как эти слова были использованы в атрибутивных словосочетаниях, то, естественно, по аналогии с существительными они использовались с определенным артиклем *î*, так как эти слова — несуществительные и не различают грамматического рода.

Как показывает сравнительное исследование атрибутивных словосочетаний, где бы ни были они образованы, в субъектной или в предикативной части предложения, все равно они по своей структуре атрибутивные. В субъектной части атрибутивные словосочетания расширяются, и в них чередуются определенные артикли разных грамматических родов, такая же картина наблюдается и в предикативной части предложения. Ср., например, атрибутивные словосочетания в субъектной части (— *Kur'ê Seyran a dot a Serdar ê Meter bû xwendk'ar*) и в предикативной части (— *Mamosta ji cî r'abû, çû, nêzik î şagirt ê dersxane ya çaran bû.*) Как видно из этих примеров, члены атрибутивного словосочетания, образованного в субъектной части, сочетаются с определенными артиклями *ê a*, *a* и *ê*, а в предикативной части с *î*, *ê* и *ya*. Есть ли какое-либо отличие у рассматриваемых двух словосочетаний? Никакой! Только во втором примере первый член словосочетания *nêzik* — это наречие, не имеет грамматического рода и, естественно, сочетается с артиклем *î*, который не выражает никакого рода.

Сегодня в курдском языке употребляются и такие атрибутивные словосочетания, в которых существительное сочетается с артиклем *î*. Эти существительные в предложении используются в значении носителя смысла действия и выступают в качестве именной части сказуемого. И, сочетаясь с косвенным дополнением, по законам строений атрибутивного словосочетания, они выступают вместе с определенным артиклем *î*. Конечно же, эти существительные в этом случае показывают не конкретный предмет, а выражают образ действия, потому и сочетаются с артиклем, не различающим грамматического рода.

Рассмотрим некоторые такие примеры.

1. *E'frandin êd vê berevokê me bi hizkirin a dil ji na-va bedewnivîsar a cime'ta ermenîya ye bira bijart, nav ê wê "Destegul" danî û bi wê hizkirinê ji îk'ram î xwendevan ê xwe dikim.*⁴⁶ — Произведения этого сборника мы от всей души и с любовью выбрали из художественной литературы братского армянского народа, назвали его "Destegul"/«Букт цветов» и с этой же любовью преподносим своему читателю.

2. *Ew çend car bûn, melle dihatin cem Xano, wekî qulix î meçîtê bike, lê Xano ew qebûl nedikirin.*⁴⁷ — Уже несколько раз к Хану приезжали муллы, чтобы он служил мечети, но Хану их не принимал.

3. *Mîrze Meh'mûd kevç'î ji cêva xwe derxist û p'êşk'êş î p'adşê kir.*⁴⁸ — Мирза Махмуд из своего кармана достал ложку и подарил королю.

4. *Meha baharê bû, her bedewetîk e t'ebyetê teê bigota bi însanet r'a şa dibû, bengz ê xwe nîşan î wan dikir.*⁴⁹ — Была весна, и природа будто радовалась с людьми и показывала им свою красоту.

В этих примерах существительные *îk'ram*, *qulix*, *p'êşk'êş*, *nîşan* выражают смысл (образ) действия и вместе с опреде-

⁴⁶ *Шнди Н'.* Дэстэгөл. С. 4.

⁴⁷ *Шэмо Ә.* Дьмьдм. С. 23.

⁴⁸ Н'ькйатед шьмэ'та к'өрдийе. К'ьтеба III / Бэрнвисар, пешхэбэр у ньвисарнаси йа Н'. С. 4.

⁴⁹ Ә'вдыр'әһ'ман Ә'. Гөнде мерхаса. С. 10.

ленным артиклем *î* вступают в атрибутивные отношения с косвенными дополнениями (как несогласованные определения).

Словосочетания, в которых использованы существительные, выражающие образ действия, сравним с теми словосочетаниями, в которых они употреблены как существительные, в качестве определяемого, или же в которых употреблены неопределенные формы глаголов. Тогда мы будем иметь следующую различительную картину.

A.	1.	<i>Tişték</i> <u><i>îk'ramî yekî/ê</i></u> <i>kirin</i>	— что-то преподнести кому-то.
	2.	<u><i>Îk'rama yekî/ê</i></u>	— чей-то преподнесенный (предмет).
	3.	<u><i>Îk'ramkirin a yekî/ê</i></u>	— чье-то преподнесение (в смысле процесса действия).
B.	1.	<i>Tişték</i> <u><i>p'êşk'êş î yekî/ê</i></u> <i>kirin</i>	— что-то подарить кому-то.
	2.	<u><i>P'êşk'êşa yekî/ê</i></u>	— чей-то подарок.
	3.	<u><i>P'êşk'êşkirina yekî/ê</i></u>	— чье-то дарение.
	1.	<i>Tişték</i> <u><i>nîşanî yekî/ê</i></u> <i>kirin</i>	— что-то показать кому-то.
	2.	<u><i>Nîşana yekî/ê</i></u>	— чей-то знак, примета, свидетельство.
	3.	<u><i>Nîşankirina yekî/ê</i></u>	— чье-то показание (в смысле процесса действия).

Итак, в трех группах примеров, в каждой из которых три словосочетания, все первые, вторые и третьи словосочетания по своей структуре идентичны.

В первых словосочетаниях в качестве определяемых использованы слова *îk'ram*, *p'êşk'êş* и *nîşan*, выражающие образ действия, которые в определенных словосочетаниях вместе с артиклем *î* сочетаются с косвенным дополнением: *yekî/ê*.

Во вторых словосочетаниях в роли определяемых выступают существительные *ik'ram*, *p'êšk'êş* и *nîşan*, которые вместе с определенным артиклем женского рода *a* сочетаются с несогласованным определением: *yekî/ê*.

В третьих словосочетаниях неопределенные формы глаголов *ik'ramkirin*, *p'êšk'êşkirin* и *nîşankirin* употреблены в роли существительных, которые в качестве определяемого и вместе с артиклем женского рода *a* сочетаются с несогласованным определением *yekî/ê*.

Как видно из приведенных примеров, в первых двух словосочетаниях всех трех групп в роли определяемого использованы одни и те же существительные *ik'ram*, *p'êšk'êş* или *nîşan*. И если эти существительные в первых словосочетаниях сочетаются с определением вместе с определенным артиклем *î*, то во вторых словосочетаниях — вместе с определенным артиклем женского рода *a*.

Иначе говоря, определенные артикли *a* и *î* выполняют смыслоразличительные функции, так как различные значения существительного зависят от определенных артиклей.

Однако смыслоразличительная роль этих артиклей связана с конкретной синтаксической конструкцией и с тем смысловым значением, в котором употреблено существительное. То есть востребованность конкретного артикля зависит от того смыслового значения, которое имеет существительное в конкретном контексте. Согласно основам лингвистики, если на данном этапе исторического развития возникают новые грамматические понятия, которые до этого в языке не существовали, то они приобретают (получают) свое соответствующее грамматическое оформление. Однако же в конкретном случае этот артикль (в древнекурдском языке он различал средний род существительного) в связи с новой потребностью в языке, появившейся в определенный период, был заново востребован и употреблен в словосочетаниях типа *nêzîk î yekî/tîştêkî*. В новом синтаксическом сочетании с этими словами он находится в диалектической взаимосвязи. А этим объясняет-

ся другая, словообразовательная функция данного артикля. Словосочетания *bi (ji) dest î yekî/ê*, *bi ser î yekî/ê* и *bi pişt î yekî/ê* — это фразеологические обороты со значениями «при помощи...» и «благодаря...». И выраженные значения этих оборотов прямого отношения не имеют ни к существительным: *dest* — рука, кисть; *serî* — голова, *pişt* — спина, поясница, талия, ни к частице *î*.

В оборотах: *tîstek îk'ram î yekî/ê kirin*, *tîstek p'êşk'êş î yekî/ê kirin*, *tîstek nîşan î yekî/ê kirin* и *tîstek dirêj î yekî/ê kirin* существительные *îk'ram*, *p'êşk'êş* и *nîşan*, а также прилагательное *dirêj* преобразовались в формы выражения образа действия и вместе с частицей *î* становятся составной частью сказуемого.

Таким образом, из изложенного материала следуют следующие выводы.

Во-первых, частица *î* — это определенный артикль, а словосочетания, в которых он употребляется, по своему характеру атрибутивные.

Во-вторых, артикль *î* сочетается со словами-существительными, а также с существительными, использованными в качестве других частей речи.

В-третьих, артикль *î* не различает грамматические категории рода и числа существительного.

В-четвертых, если словосочетания с определенными артиклями (*ê* и *a*), различающие (выражающие) род и число существительного, образуются в субъектной части предложения, то словосочетания, в которых использован артикль *î*, образуются в основном в предикативной части, при наличии определенных синтаксических отношений.

В-пятых, словосочетания типа *nêzik î yekî/tîstekî* представляют собой только часть возможного расширенного определенного словосочетания. Например: *Bêrîtan nêzik î t'ext ê nivîsarê yê Zanîngeh a dewletê ya navendî bû û spartîna mamosta yê xwe pêk anî.* — Беритан подходила к письменной доске Центрального государственного университета и выполняла задание своего преподавателя. *Kezîzer pêûsê ji berîk a xwe derdixe î*

dirêj î dot a xal ê xwe ya biç'ûk dike. — Кезизер из своего кармана достает ручку и протягивает младшей дочке своего дяди.

В-шестых, в курдской грамматике необходимо четко отличать артикль *î* от фонетического варианта определенного артикля мужского рода, ед. числа *ê*, который в определенных ситуациях произносится как *î*.

В-седьмых, определенный артикль *î*, который сегодня используется только в словосочетаниях типа *nêzik î yekî/tiştêkî* и сочетается с несуществительными, — архаизм артикля среднего рода в древнекурдском языке. И так как со временем определенный артикль мужского рода *ê* в отдельных областях устной разговорной речи произносился, как *î*, и этот процесс на определенном историческом этапе становился тенденцией, разница между артиклями мужского и среднего родов постепенно исчезает. И тем самым дифференциация среднего рода перестает существовать в курдском языке. Таким образом, имена среднего рода постепенно переходят в состав существительных мужского рода, и со временем кончается период существования среднего рода существительных в курдском языке. Об этом свидетельствует тот факт, что в южном диалекте (сорани) курдского языка со временем перестала существовать категория грамматического рода, и сегодня в этом диалекте имеется только определенный артикль *î*, который не различает грамматического рода.⁵⁰

⁵⁰ *Авалиани Ю. Ю.* Материалы по сложному глаголу курдского языка. С. 93; *Курдоев К. К.* Курдский язык. М., 1961. С. 28; *Цаболов Р. Л.* Очерки исторической морфологии курдского языка. С. 8–11; *Эйюби К. Р., Смирнова И. А.* Курдский диалект Мукри. С. 25.

Раздел III

ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ СУБСТРАТ В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ

Об исторических связях между курдским и другими индоевропейскими языками разные лингвисты широкого профиля и курдоведы высказали интересные мнения. И все же они свои исследования в области курдского языка провели в соответствии с той теорией, которая образовалась на основе исследования материалов других иранских языков, лингвистические особенности курдского языка объясняли фактически грамматическими законами других иранских языков. Поэтому своеобразие курдского языка и богатство его лексических и грамматических форм и категорий остались в тени. Это послужило причиной того, что многие грамматические основы общеиндоевропейского праязыка, которые могли бы быть объяснены при помощи материалов курдского языка, доньше ждут своих исследователей. А курдский язык, который так богат разнообразными лексическими формами, грамматическими категориями и имеет своеобразный синтаксический строй, представляет собой бесценный источник с точки зрения исследования общеиндоевропейских и общеиранских основ.

Настоящая работа — только подготовка научной основы для дальнейшего исследования общеиндоевропейского языкового пространства путем изучения и сопоставления индоевропейского субстрата, сохранившегося в курдском языке, и материалов других индоевропейских языков. В ней представлен новый подход рассмотрения общеиндоевропейско-

го языкового пространства, общих основ и межъязыковых параллелей в родственных языках на основе курдского материала. Такое изучение языка предоставит возможности научно более точно охарактеризовать особенности каждого языка, отдельной группы языков и языков всей индоевропейской семьи вместе взятых, определить место каждого языка в составе общей семьи.

Изучение научной литературы в области индоевропейской лингвистики дает возможность полагать, что удастся ответить на многие вопросы в области иранского и общеиндоевропейского языкознания.

Если исследования курдского языка провести на основе сравнительно-исторического метода, то появится возможность осветить многие стороны начальных основ индоевропейского праязыка, но для этого потребуется несколько поколений лингвистов-курдоведов. Поэтому в настоящем разделе мы остановимся на двух группах основных аналогий в курдском и других индоевропейских языках: во-первых, это определенные артикли (*article indikatif*) и их архаичные формы в курдском и других индоевропейских языках; во-вторых, это слова, которые составляют часть основного словарного запаса курдского и другого индоевропейского языка — русского.

Сначала рассмотрим архаичные формы определенных артиклей, которые в виде архаизмов форм индоевропейского праязыка сохранились в курдском языке. Это слова-частицы, аналогии которых имеются и в курдском, и в других индоевропейских языках. Речь идет о словах-частицах *lê, la, lê*, которые сохранились в определенной части архаичных оборотов курдского языка.

В атрибутивных словосочетаниях (*attribute word combination*) типа *p'irtûk a balkêş* (интересная книга), *sazî yên civakî* (общественные структуры) и *xort ê leheng* (герой юноша) слова-частицы: *a, ê, ên* в них показывают род и число существительных. Частица *a* в словосочетании *p'irtûk a balkêş* указывает на существительные женского рода, ед. числа *p'irtûk* (книга); *yên* в словосочетании *sazî yên*

civakî — на существительное во мн. числе *sazî* (учреждение, организация); *ê* в словосочетании *xort ê leheng* — на существительное мужского рода в ед. числе *xort* (юноша, молодой парень).

Однако в курдском языке сохранились и архаичные формы определенных артиклей, которые более древние, чем упомянутые так называемые древнеиранские относительно-указательные местоимения. Эти артикли в процессе исторического развития подверглись определенным изменениям, но их первоначальные формы, использовались в определенной узкой сфере языка, законсервировались, сохранились и в такой же форме дошли до нас в виде архаизмов.

Эти формы определенных артиклей в курдском языке в основном сохранились и используются в разных жанрах устного народного творчества, таких как песни, шутки-анекдоты, проклятия, молитвы, сказки и разного рода архаичные жаргонные выражения. Это слова¹ *lê, la, lê*.

Если рассмотрим эти слова в соответствии с грамматическими категориями курдского языка и той ролью, которую они играют в языке, то станет очевидным, что они, как и определенные артикли *ê(yê), a (ya), ên(yên)*, показывают род и число существительных. Например,

L^e domama te ji te r'a gorî bûyî!

La tu dayîka min bûye!

L^e stûyê we şkestina, nemerдно, çawa destê we girt, hûn vî k'arê k'irêt pêk bînin! — Чтобы у вас шея сломалась, подлещи, как у вас руки не дрогнули совершать такую мерзость!

В курдоведческой литературе эти формы принято называть местоименными частицами, а их формы звательного падежа *lo! (ro!, yo!), lê! (rê!, yê!)* — междометиями

¹Наверное, эти формы можно только условно называть словами, потому что их основное значение со временем ослабло, они превратились в неполноценные слова и сегодня уже как вспомогательные формы или же как морфемы используются в языке.

(interjectione). Например,

Lo bavo, hûn çî jî vê zar'okê dixwazin? — Эй вы! Что вам нужно от этого ребенка?

Hey, l'e daê, dilê minê k'îne-k'îne!.. — Ах, мама, у меня сердце ноет!

В связи с тем, что, с одной стороны, аналогии архаичных форм (*lê, la, lê*) и сегодня существуют в ряде других индоевропейских, в основном, неиранских языков и используются как определенные артикли, а с другой стороны, архаичные формы в курдоведческой литературе называют местоименными частицами или же междометиями, возникает парадокс. Каким образом эти «местоименные частицы» и «междометия» в курдском языке выражают род и число существительных и имеют аналогии в других индоевропейских языках в качестве артиклей? Притом в языках неиранских! Возникают многочисленные вопросы, на которые требуются ответы. Что это за слова? К каким частям речи курдского языка они принадлежат? Какая связь существует между этими словами-частицами курдского языка и их аналогией в других индоевропейских языках, которые по своему фонетическому составу или идентичны, или схожи? Какая связь есть между этими и теми словами, которые в курдском языке определяют (выражают) род и число существительного, т. е. определенными артиклями?

На эти и другие вопросы можно дать исчерпывающий ответ, если лингвистические исследования в этой области провести на основе сравнительно-исторического метода. Мы же здесь постараемся ответить на них, исходя из тех материалов курдского языка, которые имеются в нашем распоряжении.

Исследования, проведенные в области курдского языка, в основном были описательного характера (*descriptive linguistics*), в соответствии с чем язык рассматривали в его статическом состоянии (синхронное исследование). Вместе с тем накопленный опыт сравнительно-исторических исследований в области индоевропейских языков позволяет про-

следить динамику исторического развития курдского языка в соответствии с принципами диахронической лингвистики.

В этой области на основе научного опыта, накопленного в области исследований иранских языков, советский курдовед Р. Цаболов выполнил определенную обобщающую работу.²

Однако мы в его трудах об интересующих нас архаичных формах ничего не встретили. Иначе говоря, обе его книги служили только вспомогательными источниками, хотя они содержат интересные примеры научного подхода сравнительно-исторического исследования языкового материала.

В истории курдоведения великий армянский просветитель Хачатур Абовян первым обратил внимание на вышеупомянутые архаические формы слов в курдском языке. Говоря о народном песенном творчестве курдского народа, он пишет, что певец, готовясь к пению . . . начинает распевку слогами *lo- lo- lo!*.³ Абовян не был лингвистом, но на слова-морфемы он обратил внимание и сравнивал их с рефренами *la- la- la!* у европейцев. Но не более того! И все же он как бы обозначил проблему изучения и научного определения этих слов.

В настоящее время существуют разные точки зрения, бытующие в курдоведческой литературе, две группы слов — *lê, la, lê* и *lo, lê, lo*. Причем каждую из этих групп лингвисты называли по-разному — и местоименными частицами, и междометиями и др. Часто даже один и тот же автор в разных местах эти слова-частицы называл по-разному и о них высказывал противоположные мнения.

Так, Ч. Бакаев в своем курдско-русском словаре первую группу этих слов (*lê, la, lê*) называет местоименными части-

²Цаболов Р. 1) Очерк исторической фонетики курдского языка. М., 1976. С. 3–8; 2) Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978. С. 3–5.

³Մրովյան Խ. Երկերի ժողովածու. Զ. VIII. Եր., 1958. С. 247.

цами и говорит, что они используются в выражениях, обозначающих проклятие, сожаление, пожелание и т. п. И далее пишет, что местоименная частица *la* употребляется при обращении к существительным женского рода, а *lê* — для обращения к существительным мужского рода.⁴ А в своем грамматическом очерке, помещенным в конце того же словаря⁵ и в книге «Язык курдов СССР»,⁶ он вторую группу этих слов рассматривает как междометия или же, как звательно-междометийные частицы и переводит их как «эй!». К. К. Курдоев эти слова называет или междометиями,⁷ или же частицами, «являющимися специальными формами обращения».⁸ Здесь нельзя не заметить очевидные противоречия! Итак, попробуем найти их истоки!

Вначале оба автора показывают, что эти слова-частицы (*la*, *lê*, *la*) используются в предложении «перед именами в формах звательного падежа, выражают категорию рода и числа».⁹ При таком заявлении возникает естественный вопрос: если они частицы, тогда как они могут склоняться? Ведь склоняются только существительные, местоимения и другие части речи, которые употребляются вместо существительного, в его роли, а также артикли, которые дополняют существительное. А ведь частицы (фонемы) — форманты словоотносительного, словообразовательного и словоизменительного характера! В языке такими функциями обладают также формальные слова.

Как бы то ни было, в науке о языке частицы, каким бы образом ни были охарактеризованы, всегда рассматривались как неполноценные слова, да и словами их называли

⁴ Бакаев Ч. Х. Курдско-русский словарь. М., 1957. С. 221 и 223.

⁵ Там же. С. 585–586.

⁶ Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР. М., 1973. С. 39.

⁷ Курдоев К. К. Курдско-русский словарь, М., 1960. С. 491, 505–506, 582, 890.

⁸ Курдоев К. К. 1) Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 59–61; 2) Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 57–59.

⁹ Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР. С. 93; Курдоев К. К. 1) Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 59–60; 2) Грамматика курдского языка. М., 1978. 57–59.

условно. А неполноценные слова только служат изменениям, а сами не изменяются. В лингвистике они были приняты как части речи, которые не склоняются и получили свое научное определение на этой основе.¹⁰

И другое, если *lo!*, *lê!*, *lo!* — это формы звательного падежа, тогда они должны были иметь и свои формы прямого (именительного) падежа?! А это несомненно формы *lê*, *la*, *lê*, которые были названы местоименными частицами.

А если они являются междометиями, тогда почему, подобно существительному, склоняются и показывают его род и число? Ведь междометия та часть речи, которая не склоняется и не может показывать род и число существительного? Междометия не могут быть членами предложения и только выражают эмоции, чувства автора: радость, скорбь, зависть, пожелания, гнев и возмущение.¹¹

К. Курдоев, хотя и считает эти слова-частицы «частицами обращения», все же пишет: «Частицы обращения *lê* и *lo* перед именами в формах звательного падежа выражают категорию рода и числа: *lo* служит для выражения мужского рода и множественного числа, *lê* — для выражения женского рода».¹² Здесь очевидно, что К. Курдоев эти слова признает средствами, выражающими род и число существительного. Однако далее в своей грамматике автор пишет: «Перед частицами *lê* и *lo* употребляется междометие (*interectiōne*) *wey!*, выражающее сожаление, огорчение. Это сочетание часто в песнях повторяется как рефрен: *Weylê delalê*, *weylê delalê!* “Ой, красавица, ой, красавица!”, *Weylo delalo*, *weylo delalo!* “Ой, красавец, ой, красавец!”».¹³ Если эти слова сами являются междометиями, или «звательными-междометийными частицами», то почему для выражения скорби, грусти, сожаления, вместе с ними использу-

¹⁰ *Պէտքընդուն շ. Զ. և նրիշնէր. Ըեզվաբանական բնութիւն. Երևան, 1975. Ս. 200; Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Швецова. М., 1999. С. 877.*

¹¹ Там же. С. 211; Там же. С. 348.

¹² *Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 58.*

¹³ Там же.

ются междометия *wey!* и *hey!*.¹⁴ Например, *Weylê delalê!* — Ах, любимая! *Heylo êt'imo!* — Эй ты, сирота! Как здесь понять какие слова выражают обращение, чувство, вызов, а какие — род и число существительного?!

Для полной ясности продолжим сопоставление примеров, взяты у К. Курдоева: *Lê Gulîzerê!*; *Lê keç'ikê!*; *Lê jinê!*; *Lo Casimo!*; *Lo birano!* и другие. Или же: *La marûmê!*; *La (tu) mirar bâyê!* и другие.

Как видно из этих и других примеров, правда, эти слова-частицы употреблены в конкретных предложениях, но не они выражают обращение. Для большей убедительности попробуем, эти предложения прочитать с этими частицами и без них.

La tu xûşka min bâyê! — Чтобы ты была моей сестрой!

Tu xûşka min bâyê! — Чтобы ты была моей сестрой!

Lo bavo, çi bâye!? — Батюшка, что случилось!?

Bavo, çi bâye!? — Батюшка, что случилось!?

Lê daê, de r'abe! — Матушка, вставай, ну!

Daê, de r'abe! — Матушка, вставай, ну!

Или:

La tu mirê!

Tu mirê!

La ez qir'ik bâyê..!

Ez qir'ik bâyê..! и другие.

Из этих примеров хорошо видно, что обращение выражают те существительные и местоимения (*tu, bavo, daê, ez*), которые с этими частицами (*lê, la*) или без них выступают в звательном падеже, т. е. эти существительные и местоимения показывают, кому (чему) адресовано обращение, имеют основное ударение. Формы этих же слов-частиц в именительном падеже не имеют никакого ударения и не могут выражать обращение. Они только тогда имеют слабое, второстепенное, ударение, когда вместе с существительными

¹⁴ Курдоев К. К. 1) Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 59–60; 2) Курдско-русский словарь. М., 1960. С. 491–493, 505–506, 890; Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 21, 57–59.

склоняются в звательном падеже:

Hey (↑), *lo*(↓) *bavo* (↑), *lo*(↓) *bavo*(↑)!

Hey(↑), *lê*(↓) *daê*(↑), *lê*(↓) *daê*(↑)!¹⁵

В словосочетаниях и предложениях типа приведенных выше примеров восклицание выражают междометия. А эти вспомогательные слова-частицы, о которых идет речь, выражают только род и число, вместе с этим и определенность существительного. Такие предложения сегодня можно составить и без этих слов-частиц. И в этом случае эти предложения с точки зрения обращения ничуть не страдают. Здесь единственное, что немного страдает, это — выражение рода и числа существительного и местоимений. Но и это, пусть не в полном объеме, восполняется за счет того, что некоторые глаголы в повелительном наклонении косвенно выражают род и число существительного (*mirê! gulvedayê! xwîška min kiribûyê!* и другие). А существительные в звательном падеже выражают зов и обращение. И только определенность существительного немного «ослабляется». Например, сопоставим два варианта таких предложения — с вышеуказанными частицами и без них:

Ax, lê xweyê, la tu kor û k'otî bûyê! — Эх, сестра, чтобы ты была незрячей и нездоровой!

Ax, xweyê, tu kor û k'otî bûyê! — Эх, сестра, чтобы ты была незрячей и нездоровой!

Hey, lê, keç'ikê, bûka mala bavê minê! — Эй, девушка, невеста моего отчего дома!

Hey, keç'ikê, bûka mala bavê minê! — Эй, девушка, невеста моего отчего дома!

Lo bavo, çi bûye? — Батюшка, что случилось?

Bavo, çi bûye? — Батюшка, что случилось?

Lê daê, de bêje! — Эй, матушка, скажи!

Daê, de bêje! — Эй, матушка, скажи!

Lê xweê, de r'abe! — Эй, сестричка, вставай!

Xweê, de r'abe! — Эй, сестричка, вставай!

¹⁵В этих примерах знак ↑ означает основное ударение, а ↓ — второстепенное, слабое.

Lê Gulîzerê, tu li k'u mayî!? — Эй, Гюлизар, ты где отстала!

Gulîzerê, tu li k'u mayî!? — Эй, Гюлизар, ты где отстала!

La tu mirê! — Чтоб ты умерла!

Tu mirê! — Чтоб ты умерла! и другие.

Как видно из приведенных примеров, когда те же предложения приводятся без слов-частиц *lê*, *la*, *lê*, это влияет не на повелительность, воззвание или обращение, а на определенность (род и число) существительного и местоимения.

В некоторых случаях эти слова-частицы имеют повелительно-восклицательный оттенок. Это происходит оттого, что когда они с существительными склоняются, в звательном падеже у них под влиянием ударения существительного появляется слабое, второстепенное, ударение.

И другое немаловажное обстоятельство. Так как в речи слова-частицы *ê*, *la*, *lê*, употреблялись с междометиями *wey!*, *hey!*, *ax!*, то со временем они образовали с ними новые составные слова: *weylê!* *axlo!* *heylo!* и другие, которые сегодня стали самостоятельными междометиями. И эти слова, конечно же, выражают чувство, эмоции автора. После появления в языке этих составных слов, когда слова-частицы *lo!*, *lê!*, *lo!* употребляются отдельно от этих производных составных слов, то они воспринимаются вместо всего составного слова. Иначе говоря, здесь они уже приводятся не в качестве прежних вспомогательных слов-частиц (*lo!*, *lê!*, *lo!*), а как части этих производных слов (*weylê!* *axlo!* *Heylo!*) — вместо них. И в этом случае их особенности выражения рода и числа существительного постепенно ослабевают и забываются.

Но со временем лексическое значение этих форм расширяется, они приобретают новые особенности и в народных песнях используются в качестве рефренов для создания музыкального колорита. Вот, например, что об этом пишет К. Курдоев: «В песнях в качестве частиц обращения параллельно с частицами *lo*, *lê* часто употребляются (слова обращения): *weylo* (для мужского рода), *weylê* (для женского рода), образованные от соединения частиц

lo, lê к междометию *wey*, выражающему сожаление, огорчение. При этом частицы *lo, lê* в песнях часто повторяются как припевы, и между повторами появляется слово *wey*».¹⁶

Как мы уже указывали в начале раздела, Х. Абовян в курдских песнях обнаружил эти рефрены и сравнивал их с рефренами *la!, la!, la!* у европейцев.

Кроме этого, тут и другое обстоятельство играет определенную роль. Когда эти слова используются только в устной речи (в народном устном творчестве, а также в некоторых устойчивых словосочетаниях, связанных с жизнью предков, такие как молитвы, благословение, проклятия, скороговорки, и др.) и в узком речевом кругу, значение этих слов подвергается изменению и расширяется. При этом основное значение сужается, ослабевает и отступает на второй план, а на первый план выходит их новое, приобретенное значение. Итак, в таких условиях непосвященному читателю трудно разбираться, какие формы этих слов принадлежат каким конкретным частям речи.

Но, как мы выше убедились, эти слова в курдском языке выражают род и число существительных и их определенность. Эти грамматические особенности эти слова идентифицируют с определенными артиклями курдского языка. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить формы *lê, la, lê* с определенными артиклями курдского языка *yê, ya, yên/yêd*.

Как видно из приведенных примеров, обе группы слов по своему фонетическому составу близки. Их разделяют начальные звуки *l* и *y*. Но нетрудно заметить, что оба эти звука являются звонкими согласными (sonore). Еще в конце XIX — начале XX в. в научной литературе появилось мнение, что индоевропейский *l* в иранских языках переходил в *r*, а позже заново — в *l* (*l — r — l*) и что звук *l* отсутствует в обоих древнеиранских языках: древнеперсидском и авестийском языке, что также в письме этих языков нет ука-

¹⁶ Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 60.

заний на то, где следует читать *l*, а где *r*.¹⁷ И в ряде других языков даже некоторые звуки этого ряда считаются фонетическими вариантами одной и той же фонемы (например, звуки *r* и *l* в корейском языке).¹⁸ В курдском языке и сегодня время от времени звуки *r* и *l* параллельно используются как фонетические варианты одной той же фонемы. Например,

lo — *ro!*, *lê* — *rê!*;

gilêş — *girêş*, *çelx* — *çerx*;

gilê — *girê*, *bila!* — *bira!*;

gustîlk — *gustîrk*, *kulîlk* — *kulîrk* и другие.

А от слабого и мягкого *r* до полугласного *y* ничего не остается. . .

И в ряде *l* — *r* — *y* мягкий согласный *r* является как бы переходным звеном. В процессе исторического развития языка в формах *lê*, *la*, *lê* по такой же схеме происходили фонетические изменения. И звонкий согласный *l* перешел в *r*, а последний — в полугласный *y*. И сегодня в курдском языке параллельно с формами *lo* и *lê* используются и формы *rê*, *ro* и *yo*. Например,

De, yo xalo, dilê minê k'îne — *k'în e!*

Lo-ro-ro, şivano, şivanê berx û mîyano!

Lê-rê-rê, keç'ika delalê, te serê xwe hildaye, wa k'uda diçî!?

De, yê-yê, de, lê daê!

Таким образом, в курдском языке тысячелетиями происходили фонетические изменения, которые вполне соответствуют естественным законам как общего развития языка, так и его внутренним законам.

А некоторые формы этих слов использовались как в ряде устойчивых словосочетаний (*phrase*), так и в повседневной (живой) речи, их ареал пользования остался ограниченным, они законсервировались и в курдском языке свою

¹⁷ *Horn P.* Neupersische Schriftsprache // CI Ph. Bd I. Abt 2. Strassburg, 1898–1901. S. 55; *Salemman* Mittelpersisch // Ibid. S. 268; *Абаев В.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 35–41 и 81; *Цаболов Р. Л.* Очерк исторической фонетики курдского языка. С. 72–75.

¹⁸ *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975. С. 56–66.

жизнь продолжают в качестве архаизмов древних закономерностей. И тот процесс, который в динамическом развитии живого языка совершался, сегодня с опозданием повторяется (еще раз сопоставим формы *lo*, *ro* и *yo!*).

Как видно из приведенных примеров, формы *lê*, *la*, *lé* в курдском языке существовали до форм *yê*, *ya*, *yên/yêd*. И последние формы, как свидетельствуют древние источники, были в древних индоиранских (арийских) языках еще во втором тысячелетии до рождения Христа. То есть, выходит, что формы этих слов, со звонким согласным *l* существовали в индоевропейском праязыке до второго тысячелетия, так как в ряде индоиранских языков начальный согласный *l* ко второму тысячелетию уже переходил в полугласный *y*. К этому времени, например, слова-частицы в древнеарийских языках имели такую картину: авеста — *ya*, *yā*, санскрит — *ya*, *yā*, древнеперсидский — *hya/ya*.

А в ряде европейских языков, а также в индийском языке тирахи и сегодня существуют определенные артикли, которые или идентичны этим архаичным частицам в курдском языке, или же близки им по форме.

Итак, сопоставим примеры из ряда европейских языков и новоиндийском языке тирахи: французский — *le*, *la*, *les*;¹⁹ итальянский — *il*, *la*, *le*;²⁰ испанский — *el*, *la*, *los/las*;²¹; тирахи — *le*, *la*.²² А в португальском, который входит в ту же индоевропейскую семью языков, и в европейской группе ближе стоит к испанскому языку, началь-

¹⁹ Աճառյան Խ. Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. Հ. III. Եր., 1957. С. 946; Катагощина Н. А., Гурьчева М. С., Аллендорф К. А. История Французского языка. М., 1976. С. 26–70; Доза А. История французского языка. М., 1956. С. 295 и 300–301; Ганшина К. А. Французско-русский словарь. М., 1962. С. 463 и 471.

²⁰ Աճառյան Խ. Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. С. 946; Розенталь Д. Э. Итальянский язык. М., 1949. С. 397–400.

²¹ Աճառյան Խ. Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. С. 946; Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. М., 1972. С. 63–67; Канонич С. И. Артикль в испанском языке. М., 1967. С. 5–33; Кельмина Ф. В. Испанско-русский словарь. М., 1966. С. 350, 520 и 541.

²² Աճառյան Խ. Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. С. 938.

ный согласный *l* в этих артиклях со временем вообще выпал. И сегодня в этом языке имеются формы *o*, *a*- для единственного числа и *os*, *as*- для множественного числа.²³

Итак, изложенный материал позволяет констатировать следующие положения:

а) формы *lê*, *la*, *lê*, которые существуют в курдском языке, в древнекурдском были определенными артиклями; в процессе исторического развития в них происходили фонетические изменения, в результате чего образовались их сегодняшние формы *yê*, *ya*, *yên/yêd*;

б) так как ареал использования форм звательного падежа этих артиклей (*lo!*, *lê!*, *lo!*) был ограниченным, в зависимости от их роли и места в языке со временем у них появились новые, второстепенные значения;

в) аналогии архаических форм определенных артиклей и сегодня существуют в ряде других индоевропейских языков;

г) наличие архаических форм в курдском и их аналогий в некоторых современных индоевропейских языках свидетельствует о том, что они существовали еще в индоевропейском языке.

Как мы видели выше, древние формы определенных артиклей в виде архаизмов сохранились в современном курдском языке, которые или идентичны, или же близки определенным артиклям ряда других индоевропейских языков по своей форме.

Проведенные нами научные изыскания подтвердили наличие аналогии сегодняшних форм определенных артиклей (*yê*, *ya*, *yên/yêd*) курдского языка в русском, с незначительными фонетическими изменениями. Эти артикли в русском языке прошли такой же исторический словоизменительный путь, что и в курдском языке. Исследование материала русского языка проводилось по той же схеме, что и в курд-

²³Там же. С. 946; *Старец С. М., Феерштейн Е. Н.* Португальско-русский словарь. М., 1972. С. 9 и 575; *Никонов Б. А.* Грамматика португальского языка. М., 1981. С. 8–33.

ском языке: за основу были взяты атрибутивные словосочетания. Исследование показало, что существует большое сходство систем прилагательных обоих языков, а также наличие рода, числа и склонения прилагательных в курдской и русской грамматиках, а также форм тех частиц, которые в русском принято называть аффиксами прилагательных (адъективирующие аффиксы).

Эти частицы в русском языке прошли такой сложный путь, что с трудом можно определить их принадлежность к конкретной части речи. Но сопоставление этих частиц русского языка с определенными артиклями курдского языка в контексте сравнительно-исторических исследований в области индоевропейских языков предоставляет возможность раскрыть основы их происхождения.

Как известно, атрибутивные словосочетания (attribute word combination) в индоевропейских языках имеют два варианта очередности слов. В таких словосочетаниях некоторых языков на первом месте ставится существительное в роли определяемого, а на втором — прилагательное или существительное и местоимение в родительном падеже — в роли определения. Такая расстановка слов присуща иранским языкам. А в других индоевропейских языках такие словосочетания имеют обратный порядок слов: на первое место ставится определение. **Иранские языки:** курдский: *gul a sor*; персидский: گل سرخ (*gol- e sorx*); **другие индоевропейские языки:** русский: *красная роза*; немецкий: *die rote Rose*; армянский: շիրիփր շիրիփր (*karmir vard*).

Сравним примеры — курдский: *gul a sor* и русский: *красная роза*. Приведенные атрибутивные словосочетания отличаются порядком слов, т. е. структурно; морфологически у них много общего. В курдском примере *gul a sor* слово *gul* (роза) — существительное, *a* — артикль ед. числа женского рода, выражает род и число существительного (*gul*), *sor* (красный) — прилагательное. В русском примере, если прилагательное оставляем то же самое (красная), а существительное-определяемое заменяем на другое, то в соот-

ветствии с сочетающимся с ним существительным меняется окончание прилагательного, точнее, то, что считается окончанием: *красная роза; красный флаг; красное яблоко; красные розы*. Иначе говоря основа прилагательного остается неизменной, а «окончания» в соответствии с родом и числом существительных, меняются и выражают род и число этих существительных (-ая — ед. число, женский род; -ый — ед. число, мужской род; -ое — ед. число, средний род и -ые — мн. число), а не прилагательного. В русской грамматике принято эти частицы называть аффиксами прилагательных, которые показывают род и число (?!). Кроме того, по правилам русской грамматики прилагательные склоняются. Здесь сразу же возникает вопрос: какое отношение имеют род и число к прилагательному? Ведь род и число как грамматические категории относятся к существительному!? То же самое относится и к склонению как грамматической категории! Если род, число и склонение являются грамматическими категориями, присущими существительному, тогда как прилагательные могут склоняться и иметь род и число? Разве это не противоречит общей логике научной грамматики?

Во многих языках, чтобы выражать род и число существительного, имеются вспомогательные слова, которые, как принято в лингвистике, называются артиклями. А получается, что в русском языке и прилагательные, наподобие существительных, склоняются и имеют род и число? Если к вопросу подойти в соответствии с внутренними законами языка, то так не должно было быть. Если это так воспринимается, тогда здесь что-то не так! Каждый язык имеет свои внутренние законы, и мы должны в соответствии с этими законами рассмотреть системные особенности каждого из них, изучить и распознать их.

Аналогичное неправильное восприятие грамматических особенностей прилагательного бытует и среди исследователей курдского языка.

Что же является причиной такого обманчивого восприятия?

В курдском языке атрибутивные словосочетания — особые конструкции. Поэтому они часто в предложении воспринимаются как единое целое, как самостоятельная аналитическая семантическая единица. Иногда даже их рассматривают как коллективные члены предложения. И в этом решающую роль играют определенные артикли. Они ставятся между двумя компонентами этих словосочетаний и как бы их объединяют на общей смысловой основе как единой семантической единицы. Такие словосочетания, где определяемое и определение выступают как единая семантическая единица, объединяют в себе значение и свойства обоих компонентов. Иначе говоря эти словосочетания показывают конкретные предметы с конкретными качествами. Поэтому, когда определение (прилагательное или существительное в косвенном/родительном падеже) используется отдельно от конкретного атрибутивного словосочетания, компонентом которого оно являлось, оно берется с определенным артиклем:

Benstû ya sor (красный галстук) — *ya sor* (красный);

Derî yê biç'ûk (маленькая дверь) — *yê biç'ûk* (маленький);

Gulî yên dirêj (длинные косички) — *yên dirêj* (длинные);

Gotin ên dersdarê (слова учительницы) — *ên dersdarê* (учительницыны слова).

На этой основе специалисты курдского языка предполагали, что в курдском языке прилагательные имеют род и число и склоняются. И это мнение сегодня доминирует в курдоведческой литературе.

В чем заключается суть такого заблуждения?

Когда конкретное прилагательное извлекается из конкретного атрибутивного словосочетания и притом с определенным артиклем, выражающим род и число, оно уже выступает в качестве конкретного существительного, а не прилагательного. И здесь оно уже как производное существительное обладает всеми грамматическими особенностями, присущими существительному и имеет род, число и склонение. С этого момента, употребляясь с определенными

ми артиклями, прилагательные в языке выполняют роль существительного.

В приведенном выше словосочетании *gul a sor*, слово *gul* (роза) существительное, а *sor* (красный) прилагательное и обозначает свойство существительного *gul* (роза) — красный (*sor*) цвет. Такие слова, когда в атрибутивных словосочетаниях используются в качестве определения, со временем как бы из состава одной части речи (имя прилагательное) переходят в состав другой (имя существительного). И так как они выступают в роли определения в отношении к конкретному существительному, только в конкретном контексте смогут восприниматься в качестве конкретного существительного. Потому что они своим значением существительного связаны с конкретным существительным и только в конкретной текстовой ситуации могут восприниматься как таковые. И в примерах типа *gul a sor* (*красная роза*) *ya sor* (*красная*) подразумевает конкретное существительное — *gul* (роза), которая по цвету красная, ед. числа, женского рода.

Аналогичный процесс происходил и в русском языке. Несмотря на то что здесь в атрибутивных словосочетаниях (attribute word combination) определение препозитивно (ставится на первом месте), все же процесс, о котором выше шла речь, аналогичным образом происходил и в русском языке, но своеобразно.

Для убедительности рассмотрим вышеприведенное словосочетание *красная роза*.

В этом словосочетании, как выше было сказано, частица²⁴ *-ая* относится к существительному (*роза*) и обозначает его род и число. Возникает вопрос: если так, тогда почему эти частицы произносятся и пишутся слитно с прилагательными и воспринимаются как окончания этих слов? В атрибутивных словосочетаниях слова, связанные между собой на определенной основе, произносятся

²⁴Мнение редакции не совпадает с мнением автора по поводу признания окончаний прилагательных частицами.

ся как единая цепь (единый ряд) слов, и все вместе воспринимается как единое целое. И в этой цепи слов словосложение происходит в основном с конца слов, так как произносятся вместе, сокращая расстояние между звеньями этой цепи. И, кроме этого, эти слова-частицы на общем поле семантического единства словосочетания относятся и к прилагательному — определению. И на этой основе они в определенных словосочетаниях примыкают к ним. По этой причине и сегодня эти частицы воспринимаются как аффиксы прилагательных. Такой процесс происходил и сегодня продолжает происходить и в других индоевропейских языках. Например, в курдском языке от словосочетаний типа *ber bi yekî/tiştêkî* образовался предлог *berbi*, в армянском языке от словосочетаний типа *դեպի ի տուն* (*depi i tun*) образовался предлог *դեպի* (*depi*; ср. также армянский: *Դեպի վեր, սարն ի վեր, անվեհեր զինվոր* // *depi ver sarn i ver, anveher zinvor!*).

Это является общезвоническим процессом, и аналогичные примеры можно встретить в любом языке. Одним примером такого процесса и является образование сегодняшней формы прилагательных русского языка. Нынешние формы прилагательных русского языка образовались после их использования в атрибутивных словосочетаниях. Находясь в составе атрибутивного словосочетания, прилагательные сочетались с существительными, которые сопровождали слова-частицы (**ая, ое, ые**) и показывали их род и число (*красная роза, зеленое поле, добрые отношения*). В разговорной речи (а устная речь предшествует письменной и является более динамичной) постепенно эти частицы произносились все более и более близко с прилагательными, нежели с существительными, к которым они относятся. И со временем эти частицы русского языка воспринимались как словообразовательные аффиксы прилагательных, несмотря на то что никакого отношения к ним не имеют.

После рассмотрения выше приведенных примеров можно уверенно сказать, что частицы, считающиеся словообразовательными аффиксами прилагательных в русском языке

ке, являлись определенными артиклями,²⁵ так как:

а) эти частицы, несмотря на то что с конца смыкаются с прилагательным, обозначают род и число существительного и являются архаизмами древнерусского определенного артикля;

б) употребляясь с прилагательными, они их преобразуют в существительное и при чтении (слушании) собеседник из контекста уже догадывается, какое существительное подразумевает (обозначает) конкретное прилагательное в конце с частицей, или же ожидает, пока затем произносится и существительное;

в) в русском языке, когда прилагательное в качестве именной части образует сказуемое, оно выступает без вышеупомянутых «аффиксов» (-ая, -ый, -ое, -ые): *Он был чист и невинен. Наг и бос, пойдешь в царстве небес. Он очень красив. Флаг так красен, что!..* и другие; в данных предложениях без аффиксов особенности прилагательного (выражение качества, свойства существительного) ничуть не ослабевают;

г) выходит, что в русском языке эти частицы в процессе исторического развития языка воспринимались как словообразовательные аффиксы, но на самом деле являлись определенными артиклями (article indikatif), которые своими фонетическими формами, значением и семантической основой совпадают с определенными артиклями курдского языка.

Для убедительности сопоставим формы артиклей курдского и русского языков:

Определенные артикли курдского языка	Определенные артикли русского языка
<i>ya</i>	-ая
<i>yê</i>	-ый/-ий
<i>*(î)</i>	-ое
<i>yên/yêd</i>	-ые

²⁵Мнение редакции не совпадает с мнением автора по поводу признания окончаний прилагательных артиклями.

Это только одна грамматическая категория языка! А еще сколько других категорий и слов существует, которые параллельно имеют свои аналогии и в других индоевропейских языках и ждут своего исследователя?! И, причем, это часто бывают такие слова, которые не могли бы быть заимствованы курдским из других индоевропейских языков или наоборот.

В этой области можно искать и найти много общего, которое могло бы пролить свет на наше общеиндоевропейское историческое прошлое. Для дальнейшего исследования огромную научную ценность предоставляет существование множества аналогий корневых слов в курдском и русском языках. И здесь самое интересное состоит в том, что оба народа не могли заимствовать эти слова друг у друга, так как страны обитания обоих народов находятся на тысячекилометровом расстоянии и каких-либо контактов их не зафиксировано. И если до XVIII столетия несколько раз военные представители царской России или же дипломаты-исследователи и миссионеры побывали у курдов, эти посещения не могли стать основой для стольких заимствований корневых слов. Для этого требовались бы многосторонние и разнообразные взаимоотношения в течение длительного исторического периода.

Исторические данные не свидетельствуют ни о географическом соседстве курдского и русского народов, ни о регулярных и активных торгово-экономических, политических, культурных и других связях между ними. Только в конце XVIII и начале XIX вв. намечается некоторая активность во взаимоотношениях между двумя народами. А такие отношения не могли бы стать основой для возникновения (образования) стольких общих аналогий в этих языках.

И здесь, естественно, возникает вопрос: откуда столько аналогий слов и грамматических категорий?

Накопленный опыт сравнительно-исторических исследований в области индоевропейских языков, которые проводились до сегодняшнего дня, а также история образо-

вания и распространения этих народов в мире и общность начальных языковых основ предоставляют возможности, чтобы лингвистика ответила на эти и другие вопросы.

Сегодня уже можно уверенно констатировать, что курдский и русский языки имеют общую основу не только как два индоевропейских языка. И наличие многих особенностей, присущих обоим языкам, говорят о том, что в длительный исторический период они развивались в составе общей языковой семьи, на одной общей для обоих языков основе.

Но все же и здесь возникают вопросы: Какова была эта основа? Где осталась принадлежность курдского к иранским, а русского к славянским группам языков? В каких областях языка общая основа осталась единой, а где очевидны расхождения? Те формы, которые возникли позже, на какой основе развивались? Если в курдском языке существует такое множество аналогий лексических и грамматических форм, которые есть в других неиранских индоевропейских языках, не означает ли это, что ученые-лингвисты должны еще определить место курдского языка в индоевропейской семье языков?

Все эти вопросы относятся к другому кругу проблем и нуждаются в научно обоснованном ответе. И, естественно, проведение разностороннего научного исследования для освещения данной проблемы — единственное условие.

Частью предмета будущего лингвистического исследования могли бы быть аналогии корневых слов в курдском и русском языках, которые мы предлагаем вниманию специалистов.

Курдский язык

bav
bê
beran
ber(-av)
bîlqîn
bira

Русский язык

батя
без
баран
берег
бульканье, вулкан
брат

<i>birû</i>	брови
<i>bit (bibitin)</i>	быть
<i>çar</i>	четыре
<i>çax</i>	час
<i>ç'êlek</i>	теленок
<i>çima</i>	почему
<i>çors</i>	черствый
<i>dar</i>	дерево
<i>deh</i>	десять
<i>derî/ çvêr</i> (в диалекте заза)	дверь
<i>dir'yayî</i>	драный
<i>dot</i>	дочь
<i>dotin</i>	доить
<i>du</i>	два
<i>ez</i> (личное местоимение I лица)	аз (личное местоимение 1-го лица в древнеславянском)
<i>gotin (goutin)</i>	говорить
<i>ga</i>	говядина
<i>jîn</i>	жена/женщина
<i>jî nûva</i>	снова
<i>jîyan</i>	жизнь
<i>kat</i>	→ час
<i>K'awa</i>	ковать
<i>kevîr</i>	камень
<i>kit</i>	кот
<i>kuloç</i>	кулич
<i>kurdi-kî</i> (в диалекте заза)	курдский
<i>lîqîn</i>	ликовать
<i>tak</i>	мать
<i>meh (mange)</i>	месяц
<i>mêş, moz</i>	муха
<i>mêş (a tişteki/keseke girtin)</i>	↘
<i>(mirov ê) mêşindar</i>	→ мишень
<i>mêşingeh</i>	↗
<i>mîşk</i>	мышь
<i>na</i>	нет
<i>ne</i>	не
<i>nig</i>	нога
<i>nizm/nimiz</i>	низкий
<i>nû/nuh</i>	новый
<i>petin</i>	печь
<i>pênc</i>	пять
<i>qalbûn</i>	закаляться
<i>qas</i>	час
<i>qasik</i>	каска
<i>qaz</i>	гусь

<i>qul</i>	<i>укол, уколоть, колоть</i>
<i>r'azan</i>	<i>роизать</i>
<i>riz</i>	<i>рис</i>
<i>se(g)</i>	<i>собака</i>
<i>sê</i>	<i>три</i>
<i>sêlav</i> (< <i>sêl</i> + <i>av</i>)	<i>сель</i>
<i>sol</i> (в диалекте заза)	<i>соль</i>
<i>-stan</i> (<i>Kurdistan, gulistan</i>)	<i>стан (станция)</i>
<i>şeş</i>	<i>шесть</i>
<i>şêst</i>	<i>шестьдесят</i>
<i>tenik</i>	<i>тонкий</i>
<i>tîrs</i>	<i>трус</i>
<i>tîr</i> (<i>û kevan</i>)	<i>тир</i>
<i>toraq</i>	<i>творог</i>
<i>verg</i> (в диалекте заза)	<i>волж</i>
<i>vir</i>	<i>вратъ</i>
<i>vînitên</i> (в диалекте заза)	<i>видеть</i>
<i>westyan</i>	<i>уоставать</i>
<i>xaşîl</i>	<i>каша</i>
<i>zanîn</i>	<i>знание</i>
<i>zewal</i> (<i>a darê</i>)	<i>завалить/завал</i>
<i>zîrîçk</i> (<i>a çavan</i>)	<i>зрение, зрачок</i>
<i>zivistan</i>	<i>зима</i>

Этот список аналогий можно еще продолжать.

В книге были рассмотрены только некоторые аналогии грамматических категорий и корневых слов курдского и других индоевропейских языков. Мы высказали общие соображения об исследованиях общих начальных основ индоевропейских языков и привели ряд совпадающих пар корневых слов курдского и русского языка. Подобные примеры имеются и в других индоевропейских языках, которые нуждаются в научных исследованиях! Мы надеемся, что поднятая нами проблема будет достойна внимания тех лингвистов-исследователей, которые занимаются вопросами общеиндоевропейской лингвистики, и станет основой для научного диалога и результативного сотрудничества специалистов в этой области.

Есть разные народы, которые тысячелетиями в одном регионе живут в близком соседстве, даже в некоторых местах их представители живут смешанно. В истории известны совместное народное творчество и фольклор этих народов, но аналогии грамматических категорий или корневых слов в языках этих народов не замечались. И если даже какие-то общие слова существуют, они являются языковыми заимствованиями. Но русский и курдские народы, хотя и живут за тысячи километров друг от друга, в их языках — множество аналогий грамматических категории и корневых слов. Как свидетельствует современный русский ученый В. В. Макаренко, в курдском и русском языках существуют более трех тысяч общих корневых слов.²⁶

И еще одна интересная деталь: великий армянский просветитель Хачатур Абовян, когда пишет о курдском танцеворыве (*govend*), отмечает, что он похож на русский хоровод.

Интересно, не так ли?! Курды для армян не являются незнакомым народом, они тысячелетиями жили в тесном соседстве, но армянский писатель курдский *govend* сравнивает с хороводом другого (русского) народа, который живет за тысячи километров от них! А это является другим аспектом подхода к исследованию общих начальных основ индоевропейских языков.

И кроме этого, курдский язык и Курдистан сохранили ряд этнических и географических названий, изучение которых раскроет новые возможности для познания нашего общиндоевропейского исторического прошлого.

²⁶ Макаренко В. В. 1) Откуда пошла Русь. М., 2005. С. 114–117, 260–280; 2) Ключи к дешифровке истории древней Европы и Азии. М., 2006. С. 20, 148, 155, 193–197 и др.; 3) У русского и курдского народов более трех тысяч родственных слов // Свободный Курдистан. 2006. № 6 (39).

В Курдистане существует курдское племя *тирахи*²⁷.

В Курдистане существует курдское племя синди.

В Курдистане существует курдское племя *алан*.

На севере Курдистана есть район с названием *Дигор*.

В Афганистане существует язык *тирахи*, который входит в индоиранскую группу языков (даргские языки), восходящую к ответвлению индийских (индоарийских) языков.²⁸

В провинции Синдх Пакистана и штатах Махараштра, Гуджарат и Раджастхан Индии живет народ синдх (синд), а их язык называется синдхи.²⁹

В Осетии есть племя *алан*.³⁰ (Осетины, так же, как и курды, являются иранским народом.)

В той же Осетии существует племя *дигор*.³¹

И, в заключение, по этому поводу.

Говорят, что Междуречье (Месопотамия) — это колыбель образования индоевропейских народов и индоевропейской цивилизации. Сегодня курды и Курдистан, существование курдского языка, национальной культуры и сохранение начальных основ (субстрат) индоевропейского праязыка в курдском языке свидетельствуют об этом. Несмотря на

²⁷ Feqî Huseyîn Saznîç. Şêxadi // Laliş. 2004. № 21. P. 24–26.

²⁸ Պէտրոսյան Հ. Զ. և ուրիշներ. Լեզվաբանական բանաբան. Երևան, 1975. С. 294; Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой и др. М., 2002. С. 127.

²⁹ Там же. С. 273; там же. С. 178–179 и 445.

³⁰ Созаев К. Г. Кто мы родом: осетины или аланы. Владикавказ, 2000. С. 4, 36–39, 41–43; Осетия: Историко-этнографический справочник / Сост. В. А. Торчинов, М. Ш. Кисиев. СПб.; Владикавказ, 1998. С. 8; Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 4–5.

³¹ См.: сн. 30.

то что индоевропейские народы рассеялись по всему свету и во многих общих основах и ценностях у них произошли существенные изменения, но на их исторической родине сохранилось много следов общеиндоевропейских начальных основ.

И все следы этих основ надо искать среди курдов в Курдистане.

А это в области общей индоевропеистики само по себе представляет важную научную основу для серьезного исследования.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Об исторических и культурных связях между курдами и армянами было написано достаточно. По этой теме, особенно в советский период, было опубликовано множество статей, проведены конференции, изданы отдельные книги и даже были защищены диссертации. Наверное, в регионе редко можно назвать два таких народа, которые тысячами годами были соседями и имели столько общего. Даже в истории известны такие понятия, как курдско-армянский фольклор, курдско-армянские песни, курдско-армянские танцы. Многие курдские сюжеты лежат в основе произведений армянских писателей (Раффи, Сирас, Кочар, Шираз и др.). Между прочим Рачья Кочар свои первые рассказы написал на курдскую тему. Великие армянские композиторы обращались к курдской музыке (Комитас, Хачатурян и др.). А корифей армянской музыки великий Комитас свою дипломную работу в конце XIX в. в Берлине защитил по курдской музыке. Художники, кинематографисты... всех не перечислишь. И сегодня армяне и курды живут по соседству, и не только в Армении...

Но о курдско-армянских языковых связях почти ничего не известно.

Наверное, таким связям можно было посвятить серию серьезных научных работ, особенно, когда в научных библиотеках есть столько трудов об армянском языке в сравнительно-историческом плане. И везде доминирует мнение о влиянии иранских языков на развитие армянского язы-

ка, и особенно ученые обращают внимание на то, что в армянском языке сегодня существуют тысячи корневых слов, которые заимствованы из иранских языков, особенно из пехлеви.

Но в рамках этой работы представим для специалистов только параллели нескольких слов в обоих языках и дадим некоторые начальные сведения о них:

курдский язык

yê r'eng
yê r'ewan
ya dê (слово, в значении *pîredî*)
ç'epik
zêp
birinc(в мидийском: *brîndz*)
piştovan
hesper'êz
ga
freparak
fermandar
Frat (< *Yê Frat*)
parzûn (*parzinandin, tûrparzk*)

(berx/golik a) hilî
frêştê
lawik
çors
êzdî (*ê ezdaî* < *yê ez dayî*)

bira < (*yê bira* < *yê birader* <
lê birader)

армянский язык

երանգ (*erang*)
 Երևան (*Erewan*)
 ադե (*ade* — диалектное)
 ծափ (*cap'*)
 ծեփ (*cep'*)
 բրինձ (*brinj*)
 պաշտպան (*paštran*)
 ասպարեզ (*aspsrez*)
 կով (*kov*)
 հրապարակ (*hraparak*)
 հրամանատար (*hramanatar*)
 Եփրատ (*Ef'rat*)
 պարզ (*parz-* в значении «ясный, чистый»)
 հղի (*hγi* — беременная)
 հրեշտակ (*hreštak*)
 լամուկ (*lamuk*)
 չոր (*çor*)
 Աստված (< *asu tված* // *as tvac* — в значении курдского слова *ez dayî*)
 երայր (*eγbayr*¹ < *el brayr* < *el brader* < *le brader*)

¹Индоевропейский *l* в армянском переходит в *γ(η)*, и это слово в армянском произносится как *eγbayr* // *eγbayr* < *el brayr*; ср. также: *Felestin—Paręstin, fil—pîγ, hli—hγi* и другие.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Авалиани Ю. Ю.* Особые парные глагольные сочетания в курдском языке. Самарканд, 1959.
- Авалиани Ю. Ю.* Материалы по сложному глаголу курдского языка. Самарканд, 1962.
- Авалиани Ю. Ю.* К семантической структуре слова и фразеологической единицы (ФЕ) // Вопросы фразеологии, семантики и грамматического строя восточных языков. Самарканд, 1972.
- Авалиани Ю. Ю.* Очерки залоговой системы иранских языков (На материале курдского языка). Самарканд, 1972.
- Бакаев Ч. Х.* Курдско-русский словарь. М., 1957.
- Бакаев Ч. Х.* Язык азербайджанских курдов. М., 1965.
- Бакаев Ч. Х.* Язык курдов СССР. М., 1973.
- Бакаев Ч. Х.* Основы курдской орфографии. М., 1983.
- Бертельс Е. Э.* Грамматика персидского языка. Л., 1926.
- Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В.* Теоретическая грамматика испанского языка. М., 1972.
- Виноградов В. В.* Русский язык. М., 2001.
- Ганшина К. А.* Французско-русский словарь. М., 1962.
- Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. Т. I. М., 1952.
- Доза А.* История французского языка. М., 1956.
- Звягинцев В. А.* Очерки по общему языкознанию. М., 1962.
- Зограф Г. А.* Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. М., 1960.
- Калоев Б. А.* Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.
- Канонич С. И.* Артикль в испанском языке. М., 1967.

Касаткин А. А. Очерки истории литературного итальянского языка XVIII–XX вв. Л., 1976.

Катагошина Н. А., Гурычева М. С., Аллендорф К. А. История французского языка. М., 1976.

Кельина Ф. В. Испанско-русский словарь. М., 1966.

Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974.

Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957.

Курдоев К. К. Курдско-русский словарь. М., 1960.

Курдоев К. К. Курдский язык. М., 1961.

Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. М., 1978.

Курдские эпические песни-сказы. М., 1962.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой и др. М., 2002.

Макаренко В. В. Откуда пошла Русь. М., 2005.

Макаренко В. В. Ключи к дешифровке истории древней Европы и Азии. М., 2006.

Макаренко В. В. У русского и курдского народов более трех тысяч родственных слов // Свободный Курдистан. 2006. № 6(39).

Мамоян А. Джс. Грамматические средства выражения определенности существительного и «изафет» в курдском языке (курманджи) // Тезисы докладов XI республиканской научной сессии молодых востоковедов. Ереван, 1985.

Мамоян А. Джс. Еще об одном отражении «изафетных показателей» в курдском языке (гипотеза о существовании среднего рода в курдском) // Тезисы докладов XIV республиканской научной сессии молодых востоковедов. Ереван, 1988.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975.

Миллер Б. О некоторых проблемах курдской фонетики // Иранские языки. М.; Л., 1950.

Никонов Б. А. Грамматика португальского языка. М., 1981.

Оранский И. М. Иранские языки. М., 1963.

Осетия и осетины / Сост. Казбек Челехсаты. Владикавказ; СПб., 1994.

Осетия: Историческо-этнографический справочник / Сост. В. А. Торчинов, М. Ш. Кисиев. СПб.; Владикавказ, 1998.

Персидско-русский словарь: В 2 т. / Под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. I. М., 1970.

Расторгуева В. С. Вопросы общей эволюции морфологического типа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. М., 1975.

- Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1967.
- Розенталь Д. Э.* Итальянский язык. М., 1949.
- Рубинчик Ю. А.* Современный персидский язык. М., 1960.
- Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и др. Т. I. М., 1980.
- Русский язык / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
- Созаев К. Г.* Кто мы родом: осетины или аланы? Владикавказ, 2000.
- Соколов С. С.* Авестийский язык. М., 1961.
- Соколов С. С.* Язык Авесты. М., 1964.
- Старец С. М., Феерштейн Е. М.* Португальско-русский словарь. М., 1972.
- Фархади Раван.* Разговорный фарси в Афганистане. М., 1974.
- Хамоян М. У.* К историю изучения ЗАЗА // Вопросы фразеологии, семантики и грамматического строя восточных языков. Самарканд, 1972.
- Хамоян М. У.* О двух изустных вариантах текста сулеймановского пергамента VII века // Там же.
- Хетагуров Л. А.* Категория рода в иранских языках // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 20. Сер. фил. наук. Вып. I. Л., 1939.
- Цаболов Р. Л.* Очерк исторической фонетики курдского языка. М., 1976.
- Цаболов Р. Л.* Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978.
- Цукерман И. И.* О некоторых свойствах вторичной флексии в курдском языке // Язык и мышление. XI. М.; Л., 1948.
- Цукерман И. И.* Очерки курдской грамматики // Иранские языки: В 2 т. Т. II. М.; Л., 1950. С. 78–98.
- Цукерман И. И.* Очерки курдской грамматики: Глагольные формы курманджи. М., 1962.
- Шамилов А. Ш., Цукерман И. И., Курдоев К. К.* Об изафете в курдском языке // Революция и письменность. I (16). М., 1933.
- Эйлоби К. Р., Смирнова И. А.* Курдский диалект Мукри. Л., 1968.
- Արմվյան Իւ.* Երկերի ժողովածու. Հ. VIII. Եր., 1958.
- Azîz C. Matoyan.* Şopên bingeha destêpkî (substrat) ya zimanên hindewropî di kurdî da // Konfêransa zimanê kurdî, weşanên “Aram”. Istanbul, 2005.

- Աղայան Է. Բ.* Լեզվաբանության ներածություն. Եր., 1963.
- Աճառյան Հր.* Հայերեն արմատական բառարան, Երևանի պետական համալսարան. Երեվան. Ի., 1971. II հ., 1973. III հ. 1977.
- Աճառյան Խ.* Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի, ներածություն. Եր., 1955.
- Աճառյան Խ.* Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. Հ. III. Եր.,
- Feqî Huseyîn Saxnîç.* “Şêxadî” // Laliş. 2004. № 21. С. 24–26.
- Horn P.* Neupersische Schriftsprache. CI Ph. Bd I. Abt 2. Strassburg, 1898–1901.
- Jardin R. F.* Bahdinan Kurmanji. A Gramer of the Kurmanji of the Kurds of Mosul. . . Bagdad, 1922.
- Jensen Hans.* Neupersische Grammatik. Hejdelberg, 1931.
- Նալբանդյան Գ. Մ.* Միջին պարսկերեն. Եր., 1962.
- Նալբանդյան Գ. Մ.* Հին պարսկերեն. Եր., 1963.
- Պետրոսյան Հ. Զ* և ուրիշներ, Լեզվաբանական բառարան. Երևան, 1975.
- Նալբանդյան Գ. Մ.* Պարսից լեզվի քերականություն. Եր., 1980. Salemann. Mittelpersisch // CI Ph. Bd I. Abt 1. Strassburg, 1898–1901.
- Յ’ածълр’эһ’ман* Յ’. Гӧнде мерхаса. Ереван, 1968.
- Шэмю* Յ’. Дьмдъм. Ереван, 1966.
- Т’уман’иан* Ի. Յ’франдънед бжарэ. Ереван, 1970.
- Щънди* պլ’. Дэстэгӧл. Ереван, 1963.
- Щънди* Ի’. ?эварн. Ереван, 1967;
- Ի’кыйатед щъмэ’та к’ӧрдийе. К’ътеба III / Бӧрнвисар, пешхӧбӧр у ньвисарнаси йа Ի’. Щънди. Ереван, 1969.
- Щемил* Օ. Поезийа Щӧгӧрхвинӧ бажарванийе. Ереван, 1966.

INITIAL INDO-EUROPEAN STEMS IN THE KURDISH LANGUAGE

(Appendix)

Those linguists that began their scientific studies in the Kurdish language paid attention to the fact that many words and grammatical categories in this and other languages of the Iranian group of the Indo-European family are identical or at least come from the same substratum. Later some researchers showed the examples of analogies in the Kurdish and other Indo-European languages. Besides that, some attempts were made to conduct a comparative-historical research in the sphere of the Kurdish language.

During the long period of the study of the Kurdish language, such a big amount of valuable data was collected, so many academic editions and scientific works were published, that it is possible today to conduct a deeper and a more detailed research in the sphere of Indo-European stems.

Beginning with the eighties of the eighteenth century the researchers, mostly European, had a huge interest in the studies of ethnography, language, culture, history and way of life of Kurdish people and their country Kurdistan. Kurds and Kurdistan were not something abstract or unreal for Europeans. Thus, one of the pioneers of the Kurdish studies in Russia V. Dittel, who made a three-year journey along the Middle East, wrote this: "The journey via Diyarbakır to the border of Syria gave me a lot of observations in the geographical and ethnographical sense. My journey lay through

Mardin, Diyarbakir, Nisibin, and Urfu. *The countries that I passed constitute a part of Kurdistan and are not well-known (the cursive is mine. — A. M.)*.¹

To understand this country, its people and culture, Europeans began to study the Kurdish language and scientifically research the history and ethnography of the Kurdish people. And here, pursuing their own interest, Europeans stayed true to themselves, showing sound pragmatism. And this is understandable: if somebody wishes to establish economical, commercial, political and other relations with a certain country and its people, to realize their national interest there, they should start with the study of this people's language.

In the end of the eighteenth century the European missionaries, after the return to their countries, published the first Kurdish grammars, compiled on the basis of the data of the Kurdish language, collected in Kurdistan. The very first was Kurdish Grammar, put together by an Italian missionary Garzoni, which was published in Rome in 1787.²

After Garzoni's Grammar, the world became more interested in the Kurdish language, and the question about the importance of the studies in the Kurdish language was discussed. Later, basing themselves on what was already achieved in this sphere, the German scientists E. Rediger and A. Pott gave their opinion about the place of the Kurdish language in the Iranian group of the Indo-European family of languages.³

Another European scientist G Hernle came to the conclusion that Kurdish is a live and mostly spoken language and retained only a series of Old Iranian words and forms of grammatical categories.

But the mentioned points of view, originating from Garzoni's Grammar, would appear later.

A famous Russian scientist Petr Lerh writes that Garzoni's Grammar excited a new interest in the Kurdish language among Western scientists. Many scientific hypotheses were published and many scientific linguistic studies were conducted.

¹ *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 5.

² *Garzoni M. P.* Grammatica e vocabolario della lingue kurda. Roma, 1787.

³ *Rödiger E., Pott A. F.* Kurdische studien // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Dermold, 1840. Bd III. Hft 1.; 1842. Bd IV; 1844. Bd V; 1850. Bd VII.

Some points of view appear, according to which it is appropriate to use the results of the Kurdish language studies in the field of the Iranian philology and the study of the Kurdish language will help to explain certain occurrences in the Avesta language and other Iranian dialects.

And the Viennese linguist F. Muller assures that “the interpretation of the peculiarities of Iranian languages wouldn’t be sufficient enough if we don’t take into account the phonetic system, word-changing and word-formation in the Kurdish language”.⁴

While the majority of the Western orientalists conduct their studies of the Kurdish language in the context of Iranian languages, the French scientist Paul Beidar concentrates his attention on Kurdish-French language analogies. In his opinion, the Kurdish language has certain similarities with the French language when it comes to the lexical composition and some grammatical characteristics.⁵

The Armenian enlightener Hachatur Abovyan in his work “The Kurds” suggests that the scientific world should proceed to “the studies of these original people and their language, to cultivating of this grateful soil, from which you can expect so much benefit for the native history and linguistics”.⁶

The indisputable contribution to the study of the Kurdish language are the works of the Kurdish scientists and enlighteners of different times such as Jaladet Ali Badrhan, Komuran Ali Badrhan, Toufik Vahbi, Said Kaban, Nuri Ali Emin, Arab e Shamo, Kanat Kurdoev, Cherkez Bakaev, Kerim Eiubi, and others. The Russian orientalists Y. Avaliani, I. Zukerman, R. Tsabolov, I. Smirnova, Z. Ususpova and many others contributed their share into the development of Kurdish linguistics.

They contributed to the development of methodological experiment and material resources for the further studies in this field.

But in the field of comparative-historical linguistics, the deeper and more detailed study of the facts of the Kurdish language is needed. Different linguists of broad specialization and specialists in Kurdish gave very interesting opinions. But they still conducted their research in the field of the Kurdish language in accordance

⁴ *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка. С. 7.

⁵ *Ibid.* P. 11.

⁶ *Ibid.* P. 5.

with the theory that was formed on the basis of the studies of other Iranian languages. And thus the linguistic peculiarities of the Kurdish language were actually explained in accordance with grammatical laws of other Iranian languages. That's why the peculiarities of this language and the richness of its lexical and grammatical forms and categories were left in the shadow. This was the reason why many grammatical stems of the Indo-European parent language that could be explained with the help of the facts of the Kurdish language are still waiting for their researchers. And the Kurdish language, which is so rich in lexical forms, grammatical categories, and peculiar syntactic system is an invaluable source. The Kurdish language could give a huge opportunity in the study of Indo-European and Iranian substratum to the linguists in this field.

In order for those uniting sides of Indo-European languages that are still in the shadow to get scientific explanation, a long and detailed research is needed.

The present work is only a preparation of the scientific basis for further studies of common Indo-European language space using examination and comparison of the Indo-European substratum, extant in the Kurdish language, and the data of other Indo-European languages.

We can say that to a certain extent this work is the starting point for studying the common Indo-European language space, common substratum and interlingual parallels in related languages on the basis of the Kurdish language. It will provide an opportunity to give a more precise scientific characteristic of peculiarities of each language, a separate group of languages and all languages of the Indo-European family taken together. In such a way, it will give an opportunity to look differently at the place of each language being a constituent of the whole family.

The study of scientific literature written in the field of Indo-European linguistics gives us grounds to believe that in this way we will be able to answer many questions in the field of Iranian and Indo-European linguistics.

As we already mentioned earlier, the Kurdish language is an inexhaustible source from the point of view of variation and richness of language data that is very interesting from the point of view of linguistic studies. If we conduct the studies of the Kurdish language using comparative-historical method, then we get an opportunity to

shed light on many qualities of the initial substratum of the Indo-European parent language. Probably, a few generations of linguists, specialized in Kurdish, are needed to fulfill this task. That is way at this point in the present work we will only deal with two groups of main analogies in Kurdish and other Indo-European languages.

The first group of analogies is definite articles and their archaic forms in Kurdish and other Indo-European languages. And the second group is the series of words, which constitute a part the core vocabulary of Kurdish and another Indo-European language — Russian.

First, let us look at the archaic forms of definite articles, which in the form of archaisms of the Indo-European parent language are extant in Kurdish. It is a series of words-particles which analogies are extant in Kurdish and other Indo-European languages. It is interesting that analogical forms of those archaisms that are extant in Kurdish can be found today not in Iranian, but in other Indo-European languages. We are talking here about the words-particles *lê*, *la*, *lê*, which remained in a certain portion of archaic expressions in the Kurdish language

When linguists specialized in Kurdish spoke about grammatical means of gender and number expression of nouns, they concentrated their attention mostly on those forms of particles that are used in attributive word-combinations such as *p'irtûk a balkêş*' (interesting book), *sazîyên civakî* (social structures) and *xortê leheng* (youth hero). As we can see from the examples, words-particles: *a*, *ê*, *ên* in these word-combinations indicate gender and number of the nouns: the particle *a* in the word-combination *p'irtûk a balkêş* indicates that *p'irtûk* (book) is a singular feminine noun; *yên* in the word-combination *sazî yên civakî* indicates that the noun *sazî* (institution, organization) is used in the plural form, and the particle *ê* in the word-combination *xortê leheng* indicates that *xort* (youth, young fellow) is a masculine noun and is used in the singular form.

As we saw in the previous sections, the words-particles *a*, *ê*, *ên* used in the examples above are definite articles.

A lot has been written about the forms of these articles, the so-called "isaphet indices", in Kurdish related literature.

And a lot can be said and written on different aspects of linguistics on the basis of cumulative scientific experience and the data of

the Kurdish language dealing with definite articles and their archaic forms. But the present work does not deal with this question. It is a topic of a different and more detailed discussion.

As we said earlier, linguists specialized in Kurdish consider definite articles (“isaphets”) to be related to Old Iranian “the relative-indicative pronoun *hya/ya*”. But in the Kurdish language their archaic forms are extant, and they are much older than the so-called Old Iranian “relative-indicative pronouns” mentioned above. In the process of historical development they underwent certain changes, but their old forms, used in a certain narrow sphere of the language, were preserved and retained, and came to us in the same form. . .

But let us go step by step.

The archaic forms of definite articles in the Kurdish language remained and are being used in different genres of folklore arts, such as songs, jokes, curses, prayers, fairy-tales, and all kinds of archaic jargon expressions. These words⁷ are *lê*, *la*, *lê*.

If we examine these words in accordance with grammatical categories of the Kurdish language and the role that they play in the language, it becomes obvious that they indicate gender and number of nouns, just like the definite *ê(yê)*, *a (ya)*, *ên(yên)*. Examples:

Lê domama te ji te r'a gorî bûyî!

La tu dayîka min bûye!

Lê stûyê we şkestina, nemerdno, çawa destê we girt, hûn vî k'arê k'îrêt pêk bînin! — Let your necks break, you rascals, how could your hands not falter performing this atrocity!

In Kurdish related literature these forms are customarily called pronominal particles, and their forms of vocative case *lo!* (*ro!*, *yo!*), *lê!* (*rê!*, *yê!*) are called interjections. Examples:

Lo bavo, hûn çi ji vê zar'okê dixwazin? — Hey you! What do you want from this child?

Hey, lê daê, dilê minê k'îne-k'îne!.. — Oh, mother, my heart is breaking!.

But this work does not deal with the presence of these forms in the Kurdish language in general. Neither does it deal with the

⁷Probably these forms can be called words only conventionally, because their core meaning has weakened in the course of time. They turned into defective words and are used in today's language only as auxiliary forms or as morphemes.

expression of gender and number of nouns. It concerns a totally different matter.

The thing is that many questions arise concerning the discrepancies between their natural meaning and the description that they got in the Kurdish related literature.

Another important fact is the presence of analogies of these archaic forms (*lê, la, lê*) in a number of other Indo-European languages, mostly not Iranian. And they are used as definite articles. But these archaic forms in the Kurdish related to literature are called pronominal particles or interjections. And how can it be that these pronominal particles or interjections in the Kurdish language express gender and number of the nouns and have analogies in other Indo-European languages in the form of articles? Besides, these languages are not Iranian!

What kind of words are they? What parts of speech do they belong to in the Kurdish language? What is the connection between these words-particles of the Kurdish language and their analogies in other Indo-European languages, which are identical or close to them in their phonetic composition? What is the connection between these and those words that in the Kurdish language indicate gender and number of nouns, i.e. definite articles? We can give an irrefragable answer to this question if the linguistic studies in this sphere are conducted on the basis of comparative-historical method, and if the Kurdish language is viewed from the perspective of its historical development and its ties with other Indo-European languages.

We will only try here to answer this and other questions in accordance with those facts of the Kurdish language that we have at our disposal.

The studies conducted in the sphere of the Kurdish language were done in the descriptive manner, and that is why the language was considered in its static condition (synchronic study). On the other hand, the accumulated experience of comparative-historical studies in the sphere of Indo-European languages gives us an opportunity to look from a different angle at the Kurdish language — in the dynamics of historical development, in accordance with the principles of diachronic linguistics.

In this sphere, on the grounds of scientific experience accumulated in the field of Iranian languages, the Russian specialist in Kurdish R.L. Tsabolov completed a certain resumptive work: his

two books are devoted to historical studies in the field of phonetics and morphology of the Kurdish language.⁸

And though he admits that he completed a resumptive work⁹ using the opinions manifested before him, we did not find any information in his works about the archaic forms in questions. And in this case both of his books served only as subsidiary sources. They contain interesting examples of scientific approach using comparative-historical method of studying language facts.

In the history of Kurdish studies, the Armenian enlightener Hachatur Abovyan was the first one to pay attention to the archaic word forms in the Kurdish language mentioned above. Speaking about the art of folk songs of the Kurdish people, he writes that a singer, preparing to sing... starts with syllables *lo-lo-lo!*¹⁰ Abovyan was not a linguist, but these words-forms attracted his attention and he compared them with refrains *la-la-la!* in European culture. But no more than that! But nevertheless this man, while not being a professional specialist in Kurdish studies, paid attention to one peculiarity of the Kurdish language and thus marked it as a problem demanding further studying and requiring scientific definition of these words, in such a way expressing a hidden wish for future researchers to study this problem

And in fact, what are those words? What parts of speech do they belong to, and what grammatical peculiarities do they have?

To answer this and other questions we will turn to the literature about the Kurdish language. We will turn to it in order to reach a scientifically based common point of view by using critical analysis of those opinions and points of view that existed before. And pursuing the same goal we will subject to scientific comparison different points of view and the results of different studies of Kurdish and other Indo-European languages.

From such points of view popular in Kurdish related literature it follows that there are two groups of these words in the Kurdish language, the first one *lê, la, lê* and the second one is *lo, lê, lo*. And, as it was mentioned earlier, linguists gave different names to those groups. They “ascribed” different definitions to them: pronominal

⁸ Цаболов Р. Л. 1) Очерк исторической фонетики курдского языка. М., 1976; 2) Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978.

⁹ 1) Ibid. P. 3–8; 2) Ibid. P. 3–5.

¹⁰ Արվիլյան Խ. Երկերի ժողովածու. շ. VIII. Եր., 1958. Շ. 247.

particles, interjections, and so on. It happened often that the same author used different names for these words-particles in different places in his works.

Of course, it is important that there is a lack of a detailed study of the data of the Kurdish language, and it is not merely that.

Thus, Ch. Bakaev in his Kurdish-Russian dictionary calls the first group of these words (*lê, la, lê*) pronominal particles and says that they are used in expressions representing curses, regrets, wishes, and so on. And later he writes that the pronominal particle *la* is used in reference to feminine nouns, and *lê* — in reference to masculine nouns.¹¹

And in his grammatical essay, included in the same dictionary¹² and in the book “The language of Kurds in USSR”,¹³ he considers the second group of these words to be interjections or vocative-interjective particles and translates them as “hey!”

A. K. Kurdoev calls these words either interjections¹⁴ or particles that “are special forms of addressing”.¹⁵

It is hard to not notice the obvious discrepancies here!

Thus, let us find their sources!

At first both authors show that these words-particles (*la, lê, la*) used in the sentence . . . in front of the names in the form of vocative case take the form of that case (*lo, lê, lo*) and express categories of gender and number of these nouns.¹⁶

And here, whether we want it or not, arises a natural question: if they are particles, how can they be declined? It is only nouns, pronouns, and other parts of speech that can be used instead of nouns and play their role, and also articles that complete nouns. But particles (phonemes) are formants of word-relative, word-formative, and word-changing character! The formal words have the same functions in the language.

¹¹ *Бакаев Ч. Х.* Курдско-русский словарь. М., 1957. С. 221 и 223.

¹² *Ibid.* P. 585–586.

¹³ *Бакаев Ч. Х.* Язык курдов СССР. М., 1973. С. 39.

¹⁴ *Курдоев К. К.* Курдско-русский словарь. М., 1960. P. 491, 505–506, 582, 890.

¹⁵ *Курдоев К. К.* 1) Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 59–61; 2) Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 57–59.

¹⁶ *Бакаев Ч. Х.* Язык курдов СССР. С. 93; *Курдоев К. К.* 1) Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 59–60; 2) Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 57–59.

However that may be, in the science of language, particles, no matter which description they are given, are always viewed as defective words. And they are called words only conventionally. And defective words are only used for changes, but do not change themselves. In linguistics, they were viewed as words that cannot be declined, and they got their scientific definition on these grounds.¹⁷

And another thing, if *lo!*, *lê!*, *lo!* are forms of Vocative case, they should have their own forms of Nominative case?! There is no doubt that these forms are *lê*, *la*, *lê*, which were called pronominal particles.

But if they are interjections, why can they be declined like nouns and indicate its gender and number? How can it be, if interjections belong to the parts of speech that cannot be declined and cannot indicate gender and number of nouns? They cannot be members of a sentence and can only express emotions and feelings of an author: joy, grief, jealousy, wishes, anger, and indignation.¹⁸

There is another interesting moment concerning this matter. Although K. Kurdoev considers those words-particles to be “the particles of addressing”, he still writes further: “. . . The particles of addressing *lê* and *lo* in front of the names in the form of vocative case express the categories of gender and number: *lo* is used to express masculine gender and plural number, *lê* — to express feminine gender”.¹⁹ It is obvious here that although K. Kurdoev calls those words “the articles of addressing”, he still considers them to be the means of expressing gender and number of nouns.

Right there in his grammar book the author writes: “The interjection *wey!* is used in front of the particles *lê* and *lo*, expressing regret and grief. This combination is often used in the songs as refrain: *Weylê delalê, weylê delalê!* “Oh, beauty, oh, beauty!”, *Weylo delalo, weylo delalo!* “Oh, handsome, oh, handsome!”.²⁰ How can that be? What do we have as a result?! If these words are themselves interjections, or “vocative-interjective particles”, then why do we use the interjections *wey!* and *hey!* to express grief, sadness, regret?²¹

¹⁷ Պետրոսյան Հ. Ջ. և ուրիշներ. Լեզվաբանական բառարան. Երևան, 1975. Ս. 200; Ожегов С. И., Швецова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 877.

¹⁸ Ibid. P. 211; Ibid. P. 348.

¹⁹ Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 58.

²⁰ Ibid.

²¹ Курдоев К. К. 1) Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 59–

Examples:

Wey lê delalê! — Oh, beloved!

Hey lo êt'îmo! — Hey you, orphan!

How can that be? Which are the words that express forms of address, feelings, and challenge, and which are the ones expressing gender and number of nouns?!

Let us compare some examples for more clarification: *Lê Gulîzerê!*; *Lê keç'ikê!*; *Lê jinê!*; *Lo Casimo!*; *Lo birano!* etc. Or: *La marûmê!*; *La (tu) mirar bûyê!* etc. (examples are taken from the sources mentioned above).

We see from these and other examples that these words-particles are really used in concrete sentences, but they do not express forms of address. Let us prove the point by reading these sentences with and without the particles. Examples:

La tu xûşka min bûyê! — Let you be my sister!

Tu xûşka min bûyê! — Let you be my sister!

Lo bavo, çi bûye!? — Father, what happened?!

Bavo, çi bûye!? — Father, what happened?!

Lê daê, de r'abe! — Mother, wake up!

Daê, de r'abe! — Mother, wake up!

Or:

La tu mirê!

Tu mirê!

La ez qir'ik bûyê..!

Ez qir'ik bûyê..! and so on.

We can see from these examples that the forms of address are expressed by those nouns and pronouns (*tu, bavo, daê, ez*) that are used in vocative case with these particles (*lê, la*) or without them. That is, these nouns and pronouns indicate the addressee and carry the main stress. The forms of the same words-particles in nominative case do not have any stress and cannot express the forms of address. They only have a weak, secondary stress, when they are declined in vocative case together with nouns:

Hey (↑), lo(↓) bavo (↑), lo(↓) bavo(↑)!

*Hey(↑), lê(↓) daê(↑), lê(↓) daê(↑)!*²²

60; 2) Курдско-русский словарь. М., 1960. С. 491–493, 505–506, 890;
3) Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 21, 57–59.

²²In these examples the sign ↑ indicates the main stress, and ↓ — secondary, weak.

In word-combinations and sentences, such as in those given above, exclamations express interjections. And the auxiliary words-particles in question express only gender and number, and pronouns. But this can be made up by some verbs in imperative mode (although not to a full extent), expressing gender and number of nouns (*mirê! gulvedayê! xwiška min kiribûyê!* etc.). And nouns in vocative case express vocation and address. And in this case only the distinctness of a noun is “weakened” a little. For example, let us compare two versions of such sentences — with particles mentioned above and without them:

Az, lê xweyê, la tu kor û k’otî bûyê! — Hey, sister, let you be blind and sick!

Az, xweyê, tu kor û k’otî bûyê! — Hey, sister, let you be blind and sick!

Hey, lê, keç’ikê, bûka mala bavê minê! — Hey, girl, the bride of my parent house!

Hey, keç’ikê, bûka mala bavê minê! — Hey, girl, the bride of my parent house!

Lo bavo, çi bûye? — Father, what happened?

Bavo, çi bûye? — Father, what happened?

Lê daê, de bêje! — Hey, mother, say it!

Daê, de bêje! — Hey, mother, say it!

Lê xweê, de r’abe! — Hey, sister, wake up!

Xweê, de r’abe! — Hey, sister, wake up!

Lê Gulîzerê, tu li k’u mayî!? — Hey, Gulizar, where are you left behind!

Gulîzerê, tu li k’u mayî!? — Hey, Gulizar, where are you left behind!

La tu mirê! — Let you die!

Tu mirê! — Let you die!) and so on.

As we can see from the given examples, when the same sentences are used without words-particles *lê, la, lê*, it influences not the imperativeness, appeal or address, but the distinctness (gender and number) of nouns and pronouns.

In some cases these words-particles have imperative-exclamatory intonation. It happens because when they are declined with nouns, they get a weak, secondary stress in vocative case under the influence of a noun stress.

And then we have another important matter. In speech, when used with interjections *wey!, hey!, ax!*, they compose new compound

words: *weylê! axlo! heylo!* and so on, which became independent interjections in today's language. And these words express author's feelings and emotions, of course. After these compound words appeared in the language, the words-particles *lo!*, *lê!*, *lo!*, when they are used independently from the derivative compound words, are perceived instead of the whole compound word. Thus, here they are cited not as former auxiliary words-particles (*lo!*, *lê!*, *lo!*), but as parts of those derivative words (*weylê! axlo! Heylo!*) — instead of them. And in this case their peculiar ways of expressing gender and number of nouns gradually weakens and becomes forgotten.

But in the course of time the meaning of these forms get broadened, they get new features and are used in folk songs as refrains for creating musical color. For example, this is what K. Kurdoev writes about it: "In the songs along with the particles *lo*, *lê* the words of address are often used (as particles of address): *weylo* (for masculine gender), *weylê* (for feminine gender), formed by connecting the particles *lo*, *lê* to the interjection *wey*, expressing grief and regret. And at the same time the particles *lo*, *lê* in songs are often repeated as refrains, and between iterations the word *wey* appears".²³

H. Abovyan discovered these refrains in Kurdish songs. They are words derived from compound interjections mentioned above. The author compared them with refrains *la- la- la!* in European culture.

Besides this, another matter plays a certain role here. When these words are used only in speech (in folklore, and also in some stable word-combinations, concerned with the life of ancestors, such as prayers, blessings, curses, riddles, and so on) and in a narrow speech sphere, the meaning of these words undergoes changes and gets broadened. Their core meaning gets narrowed, weakened and steps back. And their new acquired meaning steps forward. In the preset context, it is hard for an uninitiated reader to decide which forms of these words belong to which parts of speech.

But as we got convinced earlier, these words in Kurdish indicate gender and number of nouns, and their distinctness. The grammatical peculiarities of these words are identified with definite articles of the Kurdish language. To prove this we only need to compare the forms *lê*, *la*, *lê* with definite articles of the Kurdish language *yê*, *ya*, *yên/yêd*.

²³ Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 60.

As we see from the given examples, both groups are close to each other in their phonetic composition. They are distinguished from each other by the sounds *l* and *y*. But it is easy to notice that both of these sounds are voiced consonants. In the end of XIX — beginning of XX centuries there was an opinion in scientific literature that the Indo-European *l* in Iranian languages transforms into *r*, and then again into *l* (*l* — *r* — *l*) and that the sound *l* does not exist in both Old Iranian languages: Old Persian and Avest languages, and that in the scripts of these languages there are no indications where to read *l*, and where to read *r*.²⁴ And in a number of other languages some sounds of this row are considered to be the phonetic variants of the same phoneme (for example, the sounds *r* and *l* in the Korean language).²⁵ In today's Kurdish language the sounds *r* and *l* are concurrently used as the phonetic variants of the same phoneme from time to time. Examples:

lo — ro!, *lê — rê!*;
gilêş — girêş, *çelx — çerx*;
gilê — girê, *bila! — bira!*;
gustîlk — gustîrk, *kulîlk — kulîrk* etc.

And there is nothing left from the weak and soft *r* to the semi-vowel *y* . . .

And in the row *l* — *r* — *y* the soft consonant *r* is a transitive unit. In the process of historical development the forms *lê*, *la*, *lê* underwent phonetic changes according to the same principle. And the voiced consonant *l* became *r*, which became the semi-vowel *y*. And today the forms *rê*, *ro* and *yê*, *yo* are used along with the forms *lo* and *lê* in today's Kurdish. Examples:

De, yo xalo, dilê minê k'îne- k'in e!
Lo-ro-ro, şivano, şivanê berx û mîyano!
Lê-rê-rê, keç'ika delalê, te serê xwe hildaye, wa k'uda diçî!?
De, yê — yê, de, lê daê!

Thus, phonetic changes in Kurdish have been happening for centuries, which concur with the natural laws of general language development and its internal laws.

²⁴ *Horn P.* Neupersische Schriftsprache // CI Ph. Bd I. Abt 2. Strassburg, 1898–1901. S. 55; *Salemman Mittelpersisch* // Ibid. P. 268; *Абаев В.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 35–41 и 81; *Цаболов Р. Л.* Очерки исторической фонетики курдского языка. С. 72–75.

²⁵ *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975. С. 56–66.

And some forms of these words are used both in phrases and in everyday speech. The sphere of their use is reserved; they stay preserved and continue their life in Kurdish in the form of archaisms of old patterns. And the process that happened in the dynamic development of a live language is occurring again with delay (let us compare forms *lo*, *ro* and *yo!*).

As we can see from the given examples, the forms *lê*, *la*, *lê* in Kurdish existed before the forms *yê*, *ya*, *yên/yêd*. And the latter forms, according to the ancient sources, existed in the Old Indo-Iranian (Aryan) languages as early as in the second millennium B.C. Thus, the forms of these words with the voiced consonant *l* existed in the Indo-European parent language before the second millennium since in the number of Indo-Iranian languages the initial consonant *l* was already shifting into the semi-vowel *y*. By this period of time, words-particles in the Old Aryan languages looked as following: Avesta — *ya*, *yā*, Sanskrit — *ya*, *yā*, Old Persian — *hya/ya*.

And in a number of European languages, and also in the Indian language Tirahi, definite articles still exist today. And they are either identical to the archaic particles in the Kurdish language or close to them.

So, let us compare the examples from the number of European languages and the New Indian language Tirahi:

French — *le*, *la*, *les*;²⁶

Italian — *il*, *la*, *le*;²⁷

Spanish — *el*, *la*, *los/las*;²⁸

Tirahi — *le*, *la*.²⁹

²⁶ Աճառյան Խ. Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. Հ. III. Եր., 1957. Ս. 946; Катагощина Н. А., Гурьчева М. С., Аллендорф К. А. История французского языка. М., 1976. С. 26–70; Доза А. История французского языка. М., 1956. С. 295 и 300–301; Ганшина К. А. Французско-русский словарь. М., 1962. С. 463 и 471.

²⁷ Աճառյան Խ. Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. Հ. III. Եր., 1957. Ս. 946; Розенталь Д. Е. Итальянский язык. М., 1949. С. 397–400.

²⁸ Աճառյան Խ. Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. Հ. III. Եր., 1957. Ս. 946; Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. М., 1972. С. 63–67; Канонич С. И. Артикль в испанском языке. М., 1967. С. 5–33; Кельвина Ф. В. Испанско-русский словарь. М., 1966. С. 350, 520, 541.

²⁹ Աճառյան Խ. Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. Հ. III. Եր., 1957. Ս. 938.

And in Portuguese, which belongs to the same family of languages and stands closer to Spanish in the European group, the initial consonant *l* in these articles has fallen out in the course of time. And in today's Portuguese there are forms *o*, *a* — for singular number and *os*, *as* — for plural number.³⁰

We can draw the following conclusions from what was said above:

a) the forms *lê*, *la*, *lê*, which exist in Kurdish, were definite articles in the Old Kurdish language; they underwent phonetic changes in the course of time, and today's forms appeared as a result — *yê*, *ya*, *yên/yêd*;

b) since the sphere of forms of vocative case of these articles (*lo!*, *lê!*, *lo!*) was limited, they got new secondary meanings depending on their role and place in the language;

c) the analogies of these archaic forms of definite articles still exist in a number of other Indo-European languages;

d) the existence of archaic forms in Kurdish and their analogies in some modern Indo-European languages are the evidence of their existence in the Indo-European parent language.

As we saw earlier, the ancient forms of definite articles in the form of archaisms exist in the modern Kurdish language. They are either identical or close to definite articles in the number of other Indo-European languages. And what about the analogies of the modern forms of these articles?

Is it possible that they are not preserved in some shape or form in other relative languages? Their analogies must have existed in some form! The development of their ancient forms couldn't have led to these forms only in Kurdish! Their traces must exist in other languages in some shape or form!

And a hypothetical supposition about the origin of these articles and their supposed analogies in other Indo-European languages, and also the through research in this sphere didn't pass in vain.

And very soon we had scientifically based suppositions about the analogies of today's definite Kurdish articles (*yê*, *ya*, *yên/yêd*) in the Russian language, with some phonetic changes. These articles underwent such a historical word-changing process that it is hard to comprehend at once the essence of this change. But in the

³⁰Ibid. P. 946; *Старец С. М., Ферштейн Е. Н.* Португальско-русский словарь. М., 1972. С. 9, 575; *Никонов Б. А.* Грамматика португальского языка. М., 1981. С. 8–33.

context of the Indo-European languages, the comparative study of the Russian forms and their comparison with the Kurdish articles makes it possible to understand the process. That is why the data of both languages were confirmed with comparative analysis.

We began the study of definite articles mentioned above with attributive word-combinations. In such a way we defined their present lexical meaning, their role in the language, and, at last, their precise place in the language system. We chose the same method in the study of the data of the Russian language. And all the similarities between the adjective systems of both languages opened up before our eyes. And, what was most important, we saw the existence of gender, number and adjective declension in Kurdish and Russian grammars, and also the forms of those particles that are customarily called adjectival affixes.

These Russian particles underwent such a complicated process that it is difficult to decide which parts of speech they belong to. But the comparison of these Russian particles with the Kurdish definite articles in the context of comparative-historical studies of Indo-European languages gives us an opportunity to discover their origin.

As we know, attributive word-combinations in Indo-European languages have two types of word order. In some languages, a noun takes the first place functioning as a defined word, and an adjective or a noun, or a pronoun in genitive case takes the second place functioning as an attribute. This word order is typical for Iranian languages. And in other Indo-European languages such word-combinations have a reverse word order: an attribute takes the first place. Let us compare the examples from these languages. Iranian languages: Kurdish: *gul a sor*; Persian: گل سرخ (*gol-e sorx*); other Indo-European languages: Russian: *красная роза* (*red rose*); German: *die rote Rose* (*red rose*); Armenian: կարմիր վարդ (*karmir vard*).

So we have a general concept.

And now let us compare the examples from Kurdish and Russian (Kurdish: *gul a sor* and Russian: *красная роза* — *red rose*).

As we see from the examples of attributive word-combinations from these languages, the main difference lies in the word order. Structurally these word-combinations are different, but morphologically they have a lot in common.

In the Kurdish example *gul a sor* the word *gul* (rose) is a noun,

a is a singular feminine article, expressing gender and number of a noun (*gul*), *sor* (red) is an adjective.

Now let us look at the examples from the Russian language. Let us look at adjectives. We will examine them from the morphological point of view. If we leave the same adjective (red) and change the noun, we see that the adjective ending, or what is considered an ending, changes in accordance with the noun. Examples: *красная роза* (*red rose*); *красный флаг* (*red flag*); *красное яблоко* (*red apple*); *красные розы* (*red roses*).

That is, the adjective stem stays unchanged, and the “endings” change in accordance with gender and number of the following nouns, expressing gender and number of these nouns (-*ая* — singular, feminine; -*ый* — singular, masculine; -*ое* — singular, neutral and -*ые* — plural), not adjectives.

In the Russian grammar, these particles are usually called adjectival affixes that indicate gender and number (?!). Besides, according to the Russian grammar, adjectives are declined. The following question arises at this point: how do gender and number relate to adjectives? After all, gender and number, being grammatical categories, relate to nouns!? We can say the same thing about declension as a grammatical category!

If gender, number, and declension are grammatical categories, then how can adjectives be declined and have gender and number?

Doesn't this contradict the general logic of grammar?

Many languages have auxiliary words that express gender and number of nouns, and in linguistics they are called articles. And it turns out that in the Russian language adjectives, just like nouns, are declined and have gender and number! If we approach this question in accordance with the internal language laws, it shouldn't be like that! If it is perceived in such a way, then something is wrong! Every language has its own internal laws, and we need to examine the peculiarities of each language in accordance with these laws.

The same wrong perception of grammatical peculiarities of adjectives exists among the researchers of the Kurdish language.

What is the source of this wrong perception?

Attributive word-combinations in Kurdish are special constructions. That is why they are often perceived in a sentence as a whole, as one analytical semantic unit. Sometimes they are viewed as collective members of a sentence. And definite articles play the key role here. They are put between two components and in such

a way unite them by the common meaning as a single semantic unit. In such word-combinations, an attribute and a main word function as a single semantic unit, and they combine the meaning and characteristics of both components. That is, these word-combinations indicate certain objects with certain qualities. And that is why when an attribute (an adjective or a noun in genitive case) is used separately from a certain attributive word-combination, which it used to be a part of, it is used with a definite article:

Benstû ya sor (red tie) — *ya sor* (red);

Derî yê biç'ûk (small door) — *yê biç'ûk* (small);

Gulî yên dirêj (long braids) — *yên dirêj* (long);

Gotin ên dersdarê (teacher's words) — *ên dersdarê* (teacher's words).

That is why the specialists in the Kurdish language supposed that in the Kurdish language adjectives have gender and number and can be declined. This view still dominates in today's Kurdish related literature.

What is the source of this delusion?

When a certain adjective is taken from a certain attributive word-combination together with a definite article, expressing gender and number, it already functions as a certain noun, not an adjective. And here, functioning as a derived noun, it has all grammatical peculiarities of a noun and has gender, number, and declension. From this moment, an adjective plays the role of a noun in the language, while being used with definite articles.

In the word-combination given above *gul a sor*, the word *gul* (rose) is a noun, and *sor* (red) is an adjective and expresses the quality of a noun *gul* (rose) — red (*sor*) color. These words, when used in attributive word-combinations as an attribute, shift from one part of speech (the adjective) to another (the noun) in the course of time. And since they function as attributes in relation to a certain noun, they can be perceived as a certain noun only in a certain context, because their noun meaning is tied to a certain noun. And they can be perceived as such only in a certain textual context. And in examples such as *gul a sor* (red rose), *ya sor* (red) indicates a certain noun — *gul* (rose), which is red in color, singular, feminine. That is, a red rose (*gul a sor*).

The analogical process occurred in the Russian language. Despite the fact that in this language an attribute in attributive word-

combinations is prepositional (i.e. takes the first place), the process mentioned above occurred in the language as well, but in a peculiar manner.

To prove this point let us look at the word-combination *red rose*.

In this word-combination, as it was said above, the particle *-ая* refers to the noun (*rose*) and indicates its gender and number. The following question arises: if this is the case, then why are these particles pronounced and spelled together with adjectives and are perceived as word endings? In attributive word-combinations, the words connected together in a certain way are pronounced as a single unit of words, and altogether they are perceived as a whole. And in this row of words, the word formation usually occurs in the end of a word, and these parts are pronounced together, shortening the distance between the links in this row. Besides, these words-particles also refer to an adjective-attribute within a general context of semantic unity of a word-combination. And that is why in some word-combinations they adjoin them. This is the reason why today these particles are perceived as affixes of adjectives. This process occurred and is still occurring in other Indo-European languages. For example, in Kurdish the preposition *berbi* was formed from word-combinations such as *ber bi yekî/tiştêkî*, in Armenian the preposition *դեպի* was formed from word-combinations such as *դեպի ի տուն* (*dep i tun*) (*depi*; compare also with Armenian: *Դեպի վեր, սարն ի վեր, անվեհեր զհնվո՛ր* // *depi ver sarn i ver, anveher zinvor!*).

This is a common phonetic process, and analogical examples can be seen in any language. One of the examples of this process is the formation of today's adjectival forms in Russian. Today's forms of Russian adjectives were formed after their use in attributive word-combinations. Being a part of attributive word-combinations, adjectives harmonized with nouns, which were accompanied by words-particles (*ая, ое, ые*) and showed their gender and number (*красная роза* (*red rose*), *зеленое поле* (*green field*), *добрые отношения* (*kind relations*)). In speech (which always precedes the written language and is more dynamic), these particles were gradually pronounced closer and closer to adjectives rather than nouns, to which they refer. And in the course of time these particles of the Russian language were perceived as word-forming affixes of adjectives, but they have no connection to them.

After looking at the examples above we can definitely say that the particles considered to be word-forming affixes of Russian adjectives are in fact definite articles, because:

a) these particles, although they adjoin adjectives, indicate gender and number of nouns, are archaisms of the Old Russian definite article;

b) when used with adjectives, they turn them into nouns, and when reading (or listening) an interlocutor can guess from the context which nouns a certain adjective with a particle indicates, or he waits for a noun to be pronounced;

c) in Russian, when an adjective forms a predicate, it is used without “affixes” mentioned above (-ая, -ый, -ое, -ые). Examples: *Он был чист и невинен* — He was pure and innocent. *Наг и бос пойдешь в Царстве Небесное* — Barefoot and naked, you will walk in the kingdom of heaven. *Он очень красив* — He is very handsome. *Флаг так красен, что* — The flag is so red that!. and so on.

And in these sentences without affixes, the peculiar features of adjectives (expression of qualities and characteristics of nouns) are not weakened.

d) at last, as it turns out, in the Russian language these particles were viewed as word-forming affixes in the course of language development, but are in fact definite articles, which coincide with Kurdish definite articles in their phonetic form, meaning, and semantic foundation.

Let us compare the articles in the Kurdish and Russian languages:

Kurdish definite articles Russian definite articles

<i>ya</i>	<i>-ая</i>
<i>yê</i>	<i>-ый/ий</i>
<i>*(î)</i>	<i>-ое</i>
<i>yên/yêd</i>	<i>-ые</i>

And this is only one grammatical language category! And there are many more other categories and words that have their analogies in other Indo-European languages and are waiting to be discovered! And it often happens that these are words that could not be borrowed by the Kurdish language from other Indo-European and vice versa.

We can look for and find a lot of things in common in this field, which could explain our common Indo-European historical past.

The existence of many analogies of root words in the Kurdish and Russian languages has a great scientific value for further linguistic studies. And, as it was mentioned earlier, it is very interesting that both of these nations could not borrow these words from each other, since the countries of their habitat are separated by thousands of kilometers. Even though the military representatives of the royal Russia, as well as diplomats-researchers, and missionaries, visited Kurds before XVIII, these visits could not incite the borrowings of so many root words. Many-sided and diverse relations during the long period of time would be needed for that.

The historical data do not give any information about the geographical proximity between Kurds and Russians. Neither did they say anything about regular and active commercial and economical, political, cultural, or other ties between them. Some activity in the relationship between these people appeared in the end of XVIII and the beginning of XIX. And such relations could not have become a source of so many common analogies.

And the following question arises here: where did so many word analogies and grammatical categories come from?

The accumulated experience of comparative-historical studies in the sphere of Indo-European languages that have been conducted up until today, and also the history of formation and spreading of this nation in the world, and their common initial language substratum give linguistics an opportunity to answer this and other questions.

Today we can say for sure that the Kurdish and Russian languages have a common substratum, not just as two Indo-European languages. And the presence of many peculiarities, same in both languages, proves that during the long historical period they developed in one language family and had one common substratum.

But the questions arise here as well: What was this substratum? Where did the Kurdish affiliation with the Iranian group of languages, and the Russian affiliation with the Slavic group of languages stay? In which spheres of the language the common substratum remained whole, and where are the differences? What was the substratum for those forms that got developed later? If there are so many analogies of lexical and grammatical forms in Kurdish that exist in other non-Iranian Indo-European languages, doesn't this mean that the linguists must determine a place of the Kurdish language in the Indo-European family of languages?

All these questions refer to another scope of problems and need a scientifically based answer. And therefore a thorough scientific study for clarification of this problem is the only condition.

One of the subjects of the future linguistic study could be analogies of root words in the Kurdish and Russian languages, which we offer here in order for specialists to pay attention to.

Let us look at them.

Kurdish

bav
bê
beran
ber(-av)
bilqîn

bira
birû
bit (bibitin)
çar
çax
ç'êlek
çima
çors
dar
deh
derî/ çvêr (in dialect zaza)
dir'yayî
dot
dotin
du
ez (personal pronoun I person)

gotin (govtin)
ga
jîn
jî nûva
jîyan
kat
K'awa
kevîr
kit
kuloç
kurdi-kî (in dialect zaza)
liqîn
tak

Russian

бать (father)
без (without)
баран (ram)
берег (shore)
бульканье, вулкан
(gurgling/volcano)
брат (brother)
брови (eye-brows)
быть (to be)
четыре (four)
час (hour)
теленок (calf)
почему (why)
черствый (stale)
дерево (tree)
десять (ten)
дверь (door)
дранный (torn)
дочь (daughter)
доить (to milk)
два (two)
аз (the personal pronoun in Old Slavic, first person)
говорить (to speak)
говядина (beef)
жена/женщина (wife/woman)
снова (again)
жизнь (life)
→ час (hour)
ковать (to forge)
камень (rock)
кот (cat)
кулич (cake)
курдский (Kurdish)
ликовать (rejoice)
мать (mother)

<i>meh</i> (<i>mange</i>)	месяц (moon)
<i>mêş</i> , <i>moz</i>	муха (fly)
<i>mêş</i> (<i>a tişteki/keseke girtin</i>)	↘
(<i>mirov ê</i>) <i>mêşindar</i>	→ мишень (target)
<i>mêşingeh</i>	↗
<i>mişk</i>	мышь (mouse)
<i>na</i>	нет (no)
<i>ne</i>	не (not)
<i>nig</i>	нога (leg)
<i>nizm/nimiz</i>	низкий (low)
<i>nû/nuh</i>	новый (new)
<i>petin</i>	печь (oven)
<i>pênc</i>	пять (five)
<i>qalbûn</i>	закаляться (to temper)
<i>qas</i>	час (hour)
<i>qasik</i>	каска (helmet)
<i>qaz</i>	гусь (goose)
<i>qul</i>	укол, уколоть, колоть (prick, to prick)
<i>r'azan</i>	рожать (to give birth)
<i>riz</i>	рис
<i>se(g)</i>	собака (dog)
<i>sê</i>	три (three)
<i>sêlav</i> (< <i>sêl + av</i>)	сель (mudflow)
<i>sol</i> (in dialect <i>zaza</i>)	соль (salt)
<i>-stan</i> (<i>Kurdistan, gulistan</i>)	стан (<i>станция</i>) (station)
<i>şeş</i>	шесть (six)
<i>şêst</i>	шестьдесят (sixty)
<i>tenik</i>	тонкий (thin)
<i>tirs</i>	трус (coward)
<i>tîr</i> (<i>û kevan</i>)	тир (shooting-range)
<i>toraq</i>	творог (cottage cheese)
<i>verg</i> (in dialect <i>zaza</i>)	волк (wolf)
<i>vir</i>	врать (to lie)
<i>vînîten</i> (in dialect <i>zaza</i>)	видеть (to see)
<i>westyan</i>	уставать (to get tired)
<i>xaşil</i>	каша (porridge)
<i>zanîn</i>	знание (knowledge)
<i>zewal(a darê)</i>	завалить/завал (to heap up/hear)
<i>zirîçk</i> (<i>a çavan</i>)	зрение, зрачок (vision, pupil)
<i>zivistan</i>	зима (winter)

This list of analogies can be continued.

We only looked at some analogies of grammatical categories and root words in Kurdish and other Indo-European languages. We ex-

pressed general opinions on the studies of a common initial substratum of Indo-European languages and gave a number of coinciding pairs of root words in Kurdish and Russian. But there are many more similar examples in other Indo-European languages that need to be studied scientifically! We consider this work to be only a starting point in this field, and we hope that this problem deserves the attention of those linguists-researchers that study the questions of Indo-European linguistics. We hope that it will serve as a basis for scientific dialogue and an effective cooperation between the specialists in this field.

* * *

There is another thing that deserves our attention. As we already said, despite of the fact that the countries of Kurds and Russians are separated by thousands of kilometers, there are still many analogies in grammatical categories and root words. As the modern Russian scientist Makarenko testifies, there are more than three thousand common root words in Kurdish and Russian. But there are people that lived in the same region with Kurds for centuries, in a very close proximity.³¹ In some places Kurds and other people lived in a mixture. The history knows the cases of mutual folk arts, but the common analogies of grammatical categories or root words were not noticed in these languages. And even when some common words exist, they are language borrowings.

This is a topic for another research. But we have something to talk about in the present work. However we can do it only on the elementary level.

There is another interesting detail here: the great Armenian enlightener Hachatur Abovyan, when he writes about the Kurdish round dance, he mentions that it resembles the Russian round dance.

It is interesting, isn't it? Kurds and Armenians are not unfamiliar with each other. They lived for centuries in a close proximity,

³¹ *Макаренко В. В.* 1) Откуда пошла Русь. М., 2005. С. 114–117, 260–280; 2) Ключи к дешифровке истории древней Европы и Азии. М., 2006. С. 20, 148, 155, 193–197 и др.; 3) У русского и курдского народов более трех тысяч родственных слов // Свободный Курдистан. 2006. № 6 (39).

but the Armenian writer compares the Kurdish round dance to a round dance of another nation that lived thousands of kilometers from Kurds! And this is a different aspect of approaching the study of common initial foundations of the Indo-European languages.

Besides, the Kurdish language and Kurdistan retained a number of ethnic and geographical place names, the study of which will open up new opportunities for perceiving our common Indo-European historical past:

There is a Kurdish tribe in Kurdistan called *Tirahi*.

There is a tribe in Kurdistan called province Sindi.

In Kudistan there is a Kurdish tribe called Alan.

In the north of Kurdistan there is a region called Digor.

There is a language in Afghanistan called *Tirahi*,³²

which belongs to the Indo-Iranian group of languages (Dargsky languages), ascending to a branch of Indian (Indo-Aryan) languages.³³

People called Sindh (Sind) live in the Sindh of Pakistan in the states of Maharashtra, Gudjarat, and Radjastan, and their language is called Sindhi.³⁴

There is a tribe in Ossetia called Alan.³⁵ (Ossetins, just like Kurds, are Iranian people).

In Ossetia there is a tribe called Digor.³⁶

And now we will give a conclusion.

They say that Mesopotamia is a cradle for Indo-European people and Indo-European civilization. Today, Kurds and Kurdistan,

³² *Feq̄ Huseyîn Saznîç. Şêxadi // Laliş. 2004. № 21. P. 24–26.*

³³ *Պէտրոսյան Հ. Ջ և ուրիշներ. Լեզվաբանական բարարան. Երևան, 1975. С. 294; Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой и др. М., 2002. С. 127.*

³⁴ Там же. С. 273; Там же. С. 178–179 и 445.

³⁵ *Созаев К. Г. Кто мы родом: осетины или аланы. Владикавказ, 2000. С. 4, 36–39, 41–43; Осетия: Историко-этнографический справочник / Сост. В. А. Торчинов, М. Ш. Кисиев СПб.; Владикавказ, 1998. С. 8; Калоев В. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 4–5.*

³⁶ См.: сн. 35.

the existence of Kurdish language, their national culture, and the preservation in Kurdish of the initial substratum of the Indo-European parent language are the proof of that. Despite of the fact that Indo-Europeans spread all over the world, and a lot of changes occurred in their values that they carried with them, a lot of traces of the common Indo-European substratum were preserved in their historical motherland.

And we should look for these traces among Kurds in Kurdistan.

And this is an important scientific ground for a serious study in the field of general Indo-European studies.

Enough has been written about the historical and cultural ties between Kurds and Armenians. A lot of articles were written on this topic, especially during the Soviet times. The conferences were held, the books were published, and the dissertations were defended. It is hard to name another two nations like that who lived so close for centuries and had so much in common. There are terms such as Kurdish-Armenian folklore, Kurdish-Armenian songs, Kurdish-Armenian dances. Many Kurdish plots lie in the basis of the works of Armenian writers (Raffi, Siras, Kochar, Shiraz, etc.). By the way, Rachya Kochar wrote his first stories on the Kurdish subject. The great Armenian composers referred to the Kurdish music (Komitas, Hachaturyan, and others). And the leader of Armenian music, the great Komitas, upheld his thesis in the end of XIX on Kurdish music. Artists, cinematographers, we cannot name them all. And today Kurds and Armenians live close to each other, and not only in Armenia . . .

But almost nothing is known about the Kurdish-Armenian language ties.

A whole series of serious scientific works can probably be devoted to these ties. Especially, when there are so many works in libraries about the Armenian language in the comparative-historical context. And there is a dominating opinion about the influence of Iranian languages on the development of the Armenian language. The scientists pay a special attention to the existence of thousands of root words in the Armenian language that were borrowed from Iranian languages, especially from Pehlevi.

But within the limits of this work, we will present to the specialists only the parallels of some words of both languages and will give some initial information about them:

Kurdish

yê r'eng
yê r'ewan
ya dê (слово, в значении *pîredî*)
ç'epik
zêp
birinc (в мидийском: *brîndz*)
piştovan
hesper'êz
ga
freparak
fermandar
Frat (< *Yê Frat*)
parzûn (*parzinandin, tûrparzk*)

(*berx/golik a*) *hîlî*
frêştê
lawik
çors
êzdî (*ê ezdaî* < *yê ez dayî*)

bira < (*yê bira* < *yê birader* < *lê birader*)

Armenian

երանգ (*erang*)
 Երևան (*Erewan*)
 ադե (*ade* — диалектное)
 ծափ (*cap'*)
 ծեփ (*cep'*)
 բրինձ (*brinj*)
 պաշտպան (*paštpan*)
 ասպարեզ (*aspsrez*)
 կով (*kov*)
 հրապարակ (*hraparak*)
 հրամանատար (*hramanatar*)
 Եփրատ (*Ep'rat*)
 պարզ (*parz* — в значении «ясный, чистый»)
 հղի (*hγi* — беременная)
 հրէշտակ (*hreštak*)
 լամուկ (*lamuk*)
 չոր (*çor*)
 Աստված (< *աս տված* // *as tvac* — in the meaning of the Kurdish word *ezdayî*)
 եղբայր (*eγbayr*³⁷ < *el brayr* < *el brader* < *le brader*)

³⁷Indo-European *l* changes into $\gamma(\eta)$ in Armenian, and this word in Armenian is pronounced like: *exbayr* // *eγbayr* < *el brayr*; compare also: *Felestin* — *Paγestin*, *fil* — *piγ*, *hli* — *hγi*, etc.

BINGEHÊN DESTPÊKÎ YÊN HEMHINDEWROPÎ DI ZIMANÊ K'URDÎDA

(Pêvek)

Zanyar-zimanzanan, ên ku dest bi lêgerînên zimanê k'urdî kirine, bal k'îşandine ser wê, ku gelek bêje u katêgoriyên r'êzimanî yên vî zimanî û yên zimanên din ên k'oma îranî ya malbata hindewropî an yek in, an jî ji bingehêkê tên. Pişt r'a hinekan heya yekşewaziyên (*analogie*) t'omerî di k'urdî û zimanên din ên hindewropî da destnîşan kirine. Her waha di nav k'urdzanîyê da hewl hatine dayîn, ku lêgerînên di warê zimanê kurdî da bi dîrokî jî hildin dest.

Di nava pêvajoyeke dîrokî ya dûr û dirêj da di warê lêgerînên zimanê k'urdî da ewqas matêryal, nîrxandin, lêgerîn, lêk'olîn û p'irtûkên akadêmîk ên hêja berev bûne, ku êdî mirovê bikaribe di warê bingehên hindewropî yên giştî da lêgerînên p'ir'alî û k'ûrtirîn pêk bîne.

êdî jî salên heyştêyî yên sedsala XVIII û vir va bîyanîyan, bingehîn jî yên ewropî, bi baldarîyeke mezin gelê k'urd, welat û çanda wî şopandine. K'urd û K'urdistan jî ji bo ewropîyan ne tiştêkî xiyalî û abstrakt bûne. Weha, yek ji pîonêrên kurdzanîya Rûssiyayê V. Dittêl, ê ku destpêka sedsala XIX r'êwîtîyeke sê salan li R'ojhilata Navîn pêk anye, çî nivîsye: "R'êwîtîya min, a ku li Dîyarbek'irê r'a derbas bû û heya sînorên Sûrîyayê çû, ji bo ç'avdêrîyên erdnîgarî û net'ewzanîyê (êtnografî) derfetne mezin da. R'êya min di Mardîn, Dîyarbek'ir, Nûzîbîn (ango, Nîsêbîn. — A. M.), û Ûrfayê r'a derbas bû. *Ew welat, ên ku ez li wan r'a derbas bûm, p'arçeyên K'urdistanê ne... (vecudakirin a mein e. — A. M.)*"¹

Û, ji bo ku vî welatî, gel û çanda wî nas bikin, ewropîyan dest bi fêrbûn û lêgerînên zimanê k'urdî kirine. Û li vira jî, di warê şopandina berjewendîyên xwe da, ewropî wek xwe — ewropîyan, pragmatîk bûne: eger dixwazî t'êk'îlîyên darayî, bazirganî, siyasî û yên din bi welat û gelekî r'a daynî, li wir berjewendîyên xwe yên net'ewî bişopînî, divê dest bi fêrbûna zimanê wî bikî... .

Dawîya sedsala XVIII mîssîonêrên ewropî, piştî ku vegeryane welatê xwe, li ser bingeha matêrîalên ku wan li K'urdistanê berevkiribûn, r'êzimanên k'urdî yên yekem weşandin. Û ya yekem

¹ *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 5.

jî, di nav van da, ya Gart'sonîyê îtalî bû, ku sala 1787-an li R'omayê derk'ete r'onayîyê.² Piştî R'êzimana Gart'sonî di cihanê da bal-dariya berbi zimanê k'urdî mezintir dibe û girîngiya lêgerînên zanistî di warê zimanê k'urdî da tê gotûbêjkirin. Demek jî dibuhire, û li ser bingeha destanînên zanistî yên di vî warî da zanyarên almanî ê. R'yodîgêr û A. Pott di lêger'inên xwe da di derbarê cîyê zimanê k'urdî di nav k'oma zimanên îranî da nêrîn tînin zimên.³

Zimanzanekî ewropî yê din — Hyornlê jî, dinivîse, ku k'urdî zimanekî zêndî û bi giranî jî zimanê axavtinê ye (ango, zarkî. — A. M.), ewî t'enê hinek peyv û şewazên katêgoriyên îranî yên kevnar p'arastine...

Lê ev nêrîn, ên ku bi bingehin çavkanîya xwe ji r'êzimana Gart'sonî digirin, wê hê paşê bèn...

R'ojhilatzanê r'ûs ê navdar Pyotr Lêrx dinivîse, ku r'êzimana Gart'sonî di nav zanyarên r'ojavayî da bala berbi zimanê k'urdî hişyrkir. Di derbarê wê da nêrînên zanistî hatin weşandin, li ser bingeha wê di warê zimanê k'urdî da lêger'in pêk hatin.

Nêrîn tên zimên, ku divê encamên lêger'inên zimanê k'urdî ji bo filologîya îranî bèn bik'aranîn, ku ew lêger'in wê bibn alîk'ar, ku gelek hêlên Avêstayê û zimanên din ên îranî bèn r'avekirina.

Lê zimanzanê vîênî F. Myûlêr dinivîse, ku lêger'inên zimanê k'urdî ji bo îranzanîya giştî p'ir' girîng in, ku "r'onîkirina t'aybetmendîyên zimanên îranî wê kêmbimîne, hevgirtî û tam nîbe, eger dengsazî, p'eyvguhêr'î û p'eyvsazîya zimanê k'urdî ber ç'av neên girtin".⁴

Eger giraniya r'ojhilatzanên r'ojavayî lêger'inên zimanê k'urdî bi bingehi di nav çarç'oveya (*contexte*) zimanên îranî da pêk tînin, Pol Bêydarê fransî li ser yekşewzîyên (*analogie*) k'urdî-fransî r'adiweste. Bi nêrîna wî, zimanê k'urdî ii hêla sazîya xwe ya bêjeyî (*lexicale*) û hinek hêlên xwe yên rêzimanî va bi hinek tiştên xwe yên giştî va bi zimanê fransî va digihîjin hev.⁵

Ronaydarê ermenî yê sedsala XIX Xaçatûr Abovyan di gotara xwe ya "ên k'urd" da bang li cîhana zanyarî dike, ku ew

²Garzoni M. P. Grammatica e vocabolario della lingue kurda. Roma, 1787.

³Rödiger E., Pott A. F. Kurdische studien // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Dermold, 1840. Bd III. Hft I; 1842. Bd IV; 1844. Bd V; 1850. Bd VII.

⁴Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. С. 7.

⁵Там же. С. 11.

dest bi “lêger’înan li ser vî gelê (ango, ê kurd. — A. M.) xwedî t’aybetmendiyên dewlemend û zimanê wî bikin”, ew dibêje, ku bi wî awahî “ewê bingeha berhemdar bêcer bikin û karê bigihînin zimanzanîya welatê xwe”.⁶

Di warê r’êzimana k’urdî da k’edeke giranbiha a navdarên k’urd jî berbiç’av e: Celadet Alî Bedirxan, K’amûran Alî bedirxan, T’awfik Wehbî, Saîd Kaban, Nûrî Alî Emîn, Erebe ?emo, Qanatê K’urdo, Çerkezê Bek’o, K’erîm Eyûbî û yên din. Her weha rojhilatzanên sovêtî, di nav wan da jî kurdzan- zimanzanên wek Yû. Avalianî, Î. T’sûkêrman, R. T’sabolov, Î. Smirnova, Z. Yûsûpova û yên din di warê k’urdzanîyê da lêgerîne kêrhatî pêk anîne. Bi lêger’înen xwe yên di warê zimanzanîya pêşdarî (*descriptive linguistics*) da ewana ji bo lêk’olînên wî warî yên pêşer’ojê cêr’ibandinên mêtodologîyê û bingeha matêriyalî ya dewlemend amadekirine.

Lê di warê lêger’înen hemberhevkerinî- dîrokî da hê jî k’arekî bingehîn ê k’ûr û berfireh tê xwestin. Her çiças k’urdzan- zimanzanên cuda-cuda li ser girêft’erîyeke dîrokî ya di nav k’urdî û zimanên hindewropî yên din da nêr’înen balkêş dane xuyan, lê dîsa jî lêk’olînên di warê zimanê k’urdî da anegorî wê zanistê pêk anîne, ya ku li ser bingeha zimanên din ên hindewropî saz bûye. Ango, saziya zimanê k’urdî anegorî qanûnên zimanên din ên hindewropî r’avekirine, ji bo wê jî, t’aybetmendî û hemû dewlemendî û p’ir’şewaziya vî zimanî di sîyê da mane. Ev jî bûye sedem, ku gelek bingehên r’êzimanî yên hindewropî — giştî, yên ku dikaribûn bi alik’arîya zimanê k’urdî bihatana r’avekirin, hê jî benda lêger’înerên xwe ne. Zimanê k’urdî jî, hemîn, di vî warî da k’aneke bê ser û bin e, û gelek merc û derfet’an dide destê pisporên zimanzanîyê, ji bo lêger’înen warê zimanên hindewropî û îranî da.

Ji bo ku aliyên bingehên zimanên hindewropî û îranî yên di sîyê da derk’evine r’onayîyê û hemû bingehên ku van zimanan digihîne hev, bèn dîtîn û r’avekirin, hê k’arekî lêger’înî yê bê hemp’a û demdirêj tê xwestin.

Ev lêger’îna me jî t’enê amadek’arîya bingehêke zanistî ye, ji bo ku ji vir û pêva binaxeyên zimanî yên giştî bi r’êya lêger’în û hemberhrvîkirina (substrat) bingeha destpêkî ya hindewropî bi lêk’olînên zanistî derxine r’onayîyê.

Mirov dikare bibêje, ku ev heya r’adeyekê destpêkek e, ji bo ku bi awayekî nû li ser bingeha matêriyalên k’urdî di warê binaxeyên mak-

⁶Там же. С. 5.

zimanê hindewropî, bingehên t'omerî û yekşewazîyên di zimanan da lêger'înan pêkbînin. Ewê derfetê bide bi zanistî r'asttîrîn makkirina t'aybetmendiyên her zimanekî, k'oma zimanan a cuda û bi giştî zimanên malbata hindewropî bi t'omerîya xwe va. Bi vî awayî ewê derfetê bide, ji bo ku bi awayekî dinê li cîyê her zimenekî di malbata zimanan a giştî da binihêr'in.

Lêk'olîna zanistî ya di warê zimanzanîya hindewropî da bingehêkê avadîke, ku mirov bibîje, bi wî awayî wê ji zanîyaran r'a li hev bê, bersîva gelek pirsan ên di warê zimanzanîya îranî û hindewropî — giştî da bide.

Wek ku me berê jî gotibû, ji bo lêger'înên zimanzanîyê zimanê k'urdî ji hêla matêriyalan va k'aneke bê ser û bin e. Eger lêk'olînên zanistî li ser bingehên mêt'odologîya hemberhevkirinî- dîrokî va pêk bèn, wê bikaribin gelek hêlên binaxeyên mak- zimanê hindewropî r'onî bikin. Û dibe ku ji bo wan hemûyan çend t'emenên k'urdzan — zimanzanan jî t'êrê nekin. Û, dibe ku r'êze p'irtûkên akadêmî yên kapîtal bêne nivîsandin û weşandin û dîsa jî pêwîstî bi lêk'olînên vî warî bimîne. Ji bo wê jî emê li vir her t'enê ser du şaxên yekşewazîyan ên bingehîn ên di zimanê k'urdî û zimanên din ên hidewropî da r'awestînin.

Yek ji wan yekşewazîyên zêderên makdêrî (*article indikatif*) û kevnemayîyên wan in, di k'urdî û zimanên din ên hindewropî da, ya duyem, r'êze p'eyvên bingehîn in, ên ku di k'urdî û zimanekî din ên hindewropî-r'ûssî da hene.

Em di sêrî da li ser wan şewazên kevnare yên zêderên makdêrî (*article indikatif*) r'awestînin, ên ku wek kevnemayîyên (arxaîzm) zimanê bingehî yê hindewropî di k'urdî da hatine p'arastin û gihîştine rojên me. Ev jî r'êze p'eyv in, ên ku yek'ewazîyên (*analogie*) wan hem di zimanê kurdî, hem jî di r'êze zimanên din ên hindewropî da hatine parastin. Û tiştê herî balkêş jî ew e, ku ew kevnemayîyên ku di zimanê kurdî da mane, bi wan şewazên xwe va, bi giranî jî di zimanên hindewropî yên ne îranî da hene. Gotina me di derbarê p'eyv — p'arînen *lê, la, lê* da ye.

Dema r'ojhilatzan — k'urdzan di derbarê wan navgînên r'êzimanî da axivîne, ên ku zayend û jmara navdêran destnîşan dikin, bi bingehî bala xwe dane ser wan peyvyan, ên ku di peyvebendên makdêrî (*attribute word combination*), yên wek *p'irtûk a balk'êş, sazî yên civakî û xort ê leheng'* da tèn bikaranîn. Wek ku di van mînakên da tê xuyan, p'eyv — p'arînen *a', 'ê, ên* di van peyvebendan da zayend û jmara navdêran destnîşan dikin: di

p'eyvebenda *p'irtûk a balkêş* da *a* dide xuyan, ku *p'irtûk* navdêrê zayenda mê ye, û hejmara yekani ye (yekjimar), di p'eyvebenda *sazî yên civakî* da *yên* dide xuyan, ku *sazî* bi hejmara xwe p'ir'anî ye (p'irjimar), lê di p'eyvebenda *xort ê leheng* da *ê* dide xuyan, ku xort navdêrê zayenda nêr e û bi hejmarê va yekane ye.

Wek ku êdî di beşên berê *yên vê vê* p'irtûkê da hatibû r'avekirin, p'eyv — p'arinên *a, ê, ên, ên* ku di wan mînakên jorê da hatibûn bik'aranîn, zêderên makdêrî ne (*article indikatif*).

Di derbarê şewazên van zêderan da, ên ku di wêjeya k'urdzanîyê da wek “îzafêt” hatine navkirin, p'ir' hatye nivîsar (bi hûrgilî li r'ûp'elên . . . ên vê p'irtûkê binihêr'e).

Û li ser bingeha t'omerîya cêr'ibandinên çêbûyî û matêrialên zimanê k'urdî yên ku heya naha hatine berevkirin, di derbarê zêderên makdêrî yên zimanê k'urdî û şewazên wan kevnare da ji hêla aspêktên (nêrîn) zimanzanîyê yên cuda va mirov dikaribû gelek tişt bigota û bi cildan pirtûk binivîsya. Lê li vir gotina meyê di derbarê wê da nînbe, ew mijara gotineke din a hê k'ur û p'ir'alî ye.

Wek ku me berê jî gotibû, k'urdzan-zimanzanan zêderên makdêrî (“îzafêt”) digihandin “cînavê p'êwendî-pêşdarî yê îranîya kevnar *hûya/ya*” (bi hûrgilî li r'ûp'elên . . . ên vê p'irtûkê binihêr'e). Lê di zimanê k'urdî da şewazên wan ên kevnare hatine p'arastin, ên ku ji, wa gotî, cînavê p'êwendî-pêşdar ê îranîya kevnar kevtir in. Ewana di pêvejoya pêşveçûnên dîrokî hatine werguhartin, lê şewazên wan kevnare di nav aqareke teg da bik'arhatine, hatine cemidanidin (konsêrve bûne), p'arastin û gihîştine r'ojen me.

Lê her tiştî di r'êza xwe da!

Ev şewazên kevnare yên zêderên makdêrî di zimanê k'urdî da, bi bingehî jî di şaxên zargotina gel ên wek stran, laqirdî, nifirî, dirozge û çirokan da hatine parastin û tên bik'aranîn. Ev jî peyvên⁷ *lê, la, lê* ne.

Eger em bi zanistî li ser bik'aranîna van a di zimên da r'awestin, emê bibînin, ku ew jî wek zêderên *ê(yê), a (ya), ên(yên)* zayend û hejmara navdêran didin xuyan. Mînak:

Lê domama te ji te r'a gorî bûyî!

La tu dayîka min bûye!

⁷Dibe ku, van şewazan mirov bikaribe heya r'deyekê bi mercî peyv navbike, lewra ku wat'eyên wan ên destpêkî bi demê r'a lewazbûne, û ew bûne peyvên nîvhero. Û îro êdî ew di zimên da wek şewazên alik'ar an jî wek navgîn tên bik'aranîn.

Lê stûyê we şkestina, nemerdno, çawa destê we girt, hûn vî k'arê k'irêt pêk bînin!

Di wêjeya k'urdzanîyê da ev şewazana wek p'arinên navdêrî, lê şewazên wan ên bangînî jî — *lo! (ro!, yo!)*, *lê! (rê!, yê!)*, wek *dengane* (*interjectione*) hatine navkirin. Mînak:

Lo bavo, hûn çi jî vê zar'okê dixwazin?

Hey, lê daê, dilê minê k'îne-k'îne!..

Lê li vir pîrs bi giştî di derbarê hebûna van şewazan a di zimanê k'urdî da nîne. Yan jî, em bibêjin, ne di derbarê wê da ye, ku ew zayend û jimara navdêr didin xuyan. Pîrs di derbarê tişteki dinê da ye. Pîrs di wê daye, ku jî ber cudayîyên di navbera wat'eya wan a xwezayî û wan nîrxandin û makkirinan da, yên ku di derbarê wan da di wêjeya k'urdzanîyê da hatine dayîn, gelek pîrs dertên holê.

Û pîrseke din, ya bêht'ir girîng jî ew e, ku yekşewazîyên (*analogue*) van (*lê, la, lê*) di gelek zimanên din ên hindawropî, bi bîngehî jî di yên ne îranî da hene! Û ew di wan zimanan da jî wek zêderên makedêrî tên bik'aranîn. Ma ne ew şewazên kevnare di wêjeya k'urdzanîyê da p'arinên cînavî an jî bangane tên navkirin. Û çawa dikare bibe, ku p'arinên cînavî û bangane di zimanê k'urdî da zayend û jimara navdêran bidin xuyan û yekşewazîyên xwe jî di zimanên din ên hindewropî da wek zêder hebin? Ew jî di zimanê ne îranî da!

Çima? Ew çawa dibe?

Evana çi peyv in? Ew jî k'îjan beşên axavtinê yên zimanê k'urdî ne? Çi p'ewendî di navbera van p'eyv-p'arinên zimanê k'urdî û yekşewazîyên zimanên din ên hindewropî da hene, yên ku bi sazîya xwe ya dengan va an wek, an mînanî van in? Çi p'ewendiya wan bi navgînên r'êzimanî yên din hene, yên ku di zimanê k'urdî da zayend û jimara navdêran didin xuyan, angî bi zêderên makedêrî r'a?

Mîrov t'enê wê demê dikare bersiva van û pîrsên din bide, eger lêger'mên zimanzanî yên di vî warî da li ser bîngeha mêt'oda himberhevkirinî-dîrokî pêk bîne. Eger li zimanê k'urdî di nava pêşveçûna dîrokî û t'êkilî û pêwendiyên wî bi zimanên din ên hindewropî r'a binihêre.

A, emê jî li vir hewl bidin, ku anegorî wan matêrialên zimanê k'urdî, yên ku di destê me da hene, bersiva van û hinek pîrsên din bidin.

Lêger'mên ku di warê zimanê kurdî da hatine pêkanîn, bi giranîya xwe va pêşdarî (*descriptive linguistics*) bûne û anegorî wan jî li zimên bi r'ewşa wî ya statîk a heyî nihêrîne (lêger'îna sînxronî). Lê jî hêla din va cêribandinên dewlemend ên lêger'mên himber-

hevkirinî — dîrokî yê warê zimanên hindewropî da derfetan derdix-
in holê, ku mirov bi çavêkî din li zimanê k'urdî binihêre — di nava
dînamîka pêşveçûnan da, anegorî prênispên zimanzanîya dîaxronî.

Di wî warî da, li ser bingeha cêr'ibandînen zanistî, yên ku
bêrev bûne, k'urdzanê sovêti R'. T'sabolov k'arekî tomerîkirinê pêk
anye. Û, wek berhemên wî k'arî jî, du p'irtûkên wî yên di derbarê
lêger'inên di warê dengsazî û peyv sazîya dîrokî ya zimanê k'urdî da
hatine weşandin.⁸

Her çiqas, wek ku ew bi xwe jî xwemukur' tê, ku wî li ser
nêr'in û r'amanên cuda-cuda, yên ku berî wî hatine zimên, k'arekî-
tomerîkirinê pêk anîye,⁹ lê disa jî me di derbarê p'eyvên mijara
gotinê da tiştêk di berhemên wî da nedît. Û ev pirtûkên wî jî bo vê
mijara me bûn çavkanîyên alîk'ar, ji ber ku ew bi naveroka xwe va
û wek nêzîkbûneke zanistî jî bo me balkêş bûn.

R'onaydarê ermenî Xaçatûr Abovyan, dema li ser stranbêjîya
k'urdî r'adiweste, di nava k'urdzanîyê da cara yekem balê dik'îşîne
ser van p'eyvan. Ew dinivîse: "... Dema ku dengbêj (ango, yên
k'urd. — A. M.) xwe jî bo strangotinê amade dikin ... dest bi
bangkirina kita *lo- lo- lo!* dikin".¹⁰ Abovyan ne zimanzan bûye, lê
bala wî çûye ser van parînan û wî ew anegorî *la- la — la!* -ê ewrîpîyan
kirine. Û hew! Lê disa jî wî mirovê ne k'urdzanê profesîonal bal
kişandîye ser t'aybetmendîyeke zimanê k'urdî û, tuyê bêjî, ji bo
naskirin û binavkirina wan pêkanîna daxwazekê li zimanzanan ferz
dike.

Bi r'astî jî ev p'eyvna çî ne? Ew ên k'îjan beşê axavtinê ne, û
xwedîyê çî t'aybetmendîyên r'êzimanî ne?

Ji bo bersiva van û pîrsên din em berbir'î wêjeya derbarê zimanê
k'urdî bibin. Em berê xwe bidin wê, ji bo ku bi r'êya nîrxandina
r'exneyî ya wan nêr'in û dîtinan, yên ku heya naha di wî warî da
hebûne, bigihîjin nêr'îneke yekgirtî ya bi zanistî misoger. Û hema jî
bo vê armancê jî em li ser bingeha himberhevkirina nêr'inên cuda,
lêger'inên matêriyalên zimanê k'urdî û yên hindewropî yên din didine
ber nîrxandnê.

Ji wan nêr'înan, ên ku îro di nava wêjeya k'urdzanîyê da hatine
zimên, dertê holê, ku di k'urdî da du k'omên van p'eyvan hene:

⁸ Цабалов Р. Л. 1) Очерк исторической фонетики курдского языка. М., 1976; 2) Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978.

⁹1) Там же. С. 3–8; 2) там же. С. 3–5.

¹⁰ *Urniþwûs Îw*. Երկերի ժողովածու. Զ. VIII. 1958. С. 247.

Yek — *lê, la, lê* ye û ya duduyan — *lo, lê, lo*. Û, wek me li jorî jî anî zimên, zimanzanan jî ev herdu k'omên p'eyvan, her yek bi cûr'ekî nav kirine: *parînên cînavî û dengane*. Gelek caran jî heman zimanzanî di cîyên cuda da navên cuda van p'eyv-p'arînan kirine û di derbarê wan da nêr'inên dijber anîne zimên.

Helbet, li vir kêmasîyên lêk'olînên zimanê k'urdî û yên din ên p'ir'alî r'oleke girîng dilizin.

Weha, Ç. Bakaêv (Çerkezê Bek'o) di ferhenga xwe ya k'urdî — r'ûssî da k'oma van p'eyvan a yekem (*lê, la, lê*) p'arînen cînavî nav dike û dibêje, ku ew di wan peyvebandan (hevokan) da tên bik'aranîn, ên ku *nîfir'î, hêrs, şabûn, heyfpeânîn, xwezîpêanîn* û *darwazê* didin xuyan: *lê* — ji bo navdêrên zayenda nêrza, 'la' -ji bo navdêrên zayenda mêza.¹¹ Lê di kurtegotara xwe ya r'êzimanî ya dawîya vê ferhengê da¹² û p'irtûka xwe ya "Zimanê kurdên YK'SS" da¹³ koma van p'eyvan a duduyan wek *dengane*, an jî *p'arînen bangawazîyê* nav dike û wat'eya wan wek *hey!* r'avedike.

Lê K. Kûrdoev (Qanatê K'urdo) vana an wek *dengane*,¹⁴ an jî — *parîn* binav dike, ên ku "*hesab dibin şewazên taybet ên bangkirinê*".¹⁵

Li vir mirov nikare nak'okîyan nebîne!

Weha, em hewlbidin ç'avkanîyên wan nak'okîyan bibînin.

Di destêpkê da herdu zimanzan jî didin xuyan, ku ew p'arîn (*lê, la, lê*), dema pêşîya navdêr tên danîn û, dema navdêr di tewanga bangîni da tê bikaranîn, ew jî heman tewangê werdigirn (*lo, lê, lo*) û jmar û zayenda van navdêran didin xuyan.¹⁶

Li vir jî, bixwazî — nexwazî, bi xwezayî pirs dertê holê: eger ew p'arîn in, ew çawa dibe, ku tên tewangdin? Ma ne t'enê navdêr, cînav û beşên axavtinê ên din, ên li şûna navdêran û weke wan tên bikaranîn û, her weha zêder, ên ku grêft'erî navdêran in, tên tawangdin!? Ma ne p'arîn (*fonem*) navgînen p'eyvp'ewendî, p'eyvsazî û p'eyvguhêr'iye ne! Van r'olan di zimên da, her weha, peyvên formal (ên şewazî) jî pêk tinin.

¹¹ Бакаев Ч. Х. Курдско-русский словарь. М., 1957. С. 221, 223.

¹² Там же. С. 585–586.

¹³ Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР. М., 1973. С. 39.

¹⁴ Курдоев К. К. Курдско-русский словарь. М., 1960. С. 491, 505–506, 582, 890.

¹⁵ Курдоев К. К. 1) Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 59–61; 2) Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 57–59.

¹⁶ Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР. М., 1973. С. 93; Курдоев К. К. 1) Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 59–60; 2) Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 57–59.

Her çî jî hebe, p'arîn di zanista di derbarê zimên da bi çî cûr'eyî jî hatibin makkirin, yek e, ew hert'im wek p'eyvên nîvhero (ên ne t'am) hatine dîtin, heya ew bi mercî peyv navkirine. Û, peyvên nîvhero jî jî bo guhar'tina tên bik'aranîn, lê bi xwe naên guhar'tin. Di zimanzanîyê da ewan wek beşê axavtinê, yên ku *naên tewangdin*, hatine pejirandin û li ser wê bingehê jî bi zanistî hatine nixandîn.¹⁷

A din jî, eger 'lo!', 'lê!', 'lo!' şêwazên tewanga banginî ne, wê demê divê şêwazên wan ên tewanga r'astînî jî hebin?! ê, ew jî, bê guman, şêwazên *lê, la, lê* ne, ên ku wek *parînên cînavî* hatine binavkirin.

Lê, eger ew *dengane* ne (*interectiōne*), ew çawa ye, ku wek navdêran tên tewangdin û hejmar û zayenda wan didin xuyan? Çawa dibe, ma ne dengane ew beşê axavtinê ne, ên ku naên tewangdin û nikarin zayend û hejmara navdêran bidin xuyan? Ewana nikarin bibin endamê hevokê û her t'enê hîs û hestên axavtvan didin xuyan: hêrs, dilkovanî, şabûn, xwezîpêanîn û daxwaz.¹⁸

Û tişteki din ê balk'êş jî: her çiqas K. Kûrdoyêv van p'eyv — p'arînan wek "*p'arîn ên bangawazîyê*" jî dihesibîne, dîsa pişt r'a dinivîse: "P'arînen bangawazîyê yên *lê û lo*, dema ku di tewanga bangane da li pêşîya navdêr tên danîn, zayend û jimara wan didin xuyan: *lo* — ji bo destnîşankirina zayenda nêr di hejmara yekane da û pir'jimariya navdêran tê bik'aranîn, p'arîna *lê* jî — ji bo destnîşankirina zayenda mê di hejmara yekane da".¹⁹ Wek ku tê xuyanê, her çiqas Kûrdoev van peyvên "*parînên bangawazîyê*" nav dike, lê dîsa jî wan wek navgînên daxuyandina zayend û jimara navdêran mak dike.

Û li heman cîyî jî xudanê r'êzimanê paşê dinivîse: "Li pêşîya *lo* û *lê* denganeyê (*interectiōne*) *wey!* tê danîn, ji bo ku *xem, dilkovani û heyfpêanîna* axavtvan bide xuyan. Ev hevbendî gelek caran di stranên da wek duawazî (r'êfrên) tên dubarekirin: *Wey lê delalê, wey lê delalê!; Wey lo delalo, wey lo delalo!*"²⁰ Ew çî ye, çawa dibe? Eger ew peyvana parînen bangawazîyê ne, çawa jî bo bangawazî, xemgînî, dilkovanî û heyfê dîyar bikin, bi wan r'a den-

¹⁷ *Ҡеурнууаһи Ҷ. 2* li nîrîhîzîter. *Лекціонеруаһи рунуруаһи. Ерлуаһи*, 1975. С. 200; *Ожегов С. И., Швецова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 877.

¹⁸ Там же. С. 211; там же. С. 348.

¹⁹ *Курдовев К. К.* Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 58.

²⁰ Там же.

ganeyên *wey!*, *hey!* tên bik'aranîn?!²¹ Mînak: *Wey lê delalê! Hey lo êt'îmo!*

Çawa dikare weha be? Li vir k'îjan p'eyv bangê, hîs û hest û bangawazîyê didin xuyan, û k'îjan- zayend û hejmara navdêran?!

Ji bo ku her tişt zelal bibe, em her weha van mînakan jî hemberî hev bikin: *Lê Gulîzerê!*; *Lê keçîkê!*; *Lê jinê!*; *Lo Casîmo!*; *Lo birano!* û yên din. An jî: *La marûmê!*; *La (tu) mirar bûyê!* û yên din (mînak jî pirtûkên li jorê navkirî hatine hildan).

Wek ku di van, û mînakên din da tê xuyan, r'ast e, ew p'eyvana di wan gotinan da tên bik'aranîn, lê yên ku bangawazîyê destnîşan dikin, ne ew in. Ji bo heya dawîyê di vê da bi bawer bin, em bicêr'îbinin van hevokan bi van p'arînan û bêyî wan bixwînin. Mînak:

La tu xûşka min bûyê!

Tu xûşka min bûyê!

Lo bavo, çi bûye!?

Bavo, çi bûye!? *Lê daê, de r'abe!*

Daê, de r'abe!

Yan:

La tu mirê!

Tu mirê!

La ez qir'ik bûyê..!

Ez qir'ik bûyê..! û y.d.

Ji van mînakan baş tê xuyan, ên ku bangawazîyê dîyar dikin, ew navdêr û cînav in (*tu, bavo, daê, ez*), ên ku bi wan p'eyvên alîk'ar r'a (*lê, la*) t'evayî, an bêyî wan, di tewanga bangîniyê da hatine danîn. Û hema ew navdêr û cînav jî didin xuyan, k'a banga axavtvan ji bo k'ê/çi bûye. ?êwazên van p'eyv-p'arînan ên tewanga r'astane bê kirp in, ji bo wê jî nikarin bangawazîyê dîyar bikin. Ew t'enê, dema ku bi navdêr r'a (û mîna wî) tên tewangdin, her wê demê, di tewanga bangîni da kirpa duyemîni ya nîvhero werdîgirin, lê kirpa sereke li ya wan navdêr û cînavan e, yên ku di tewanga bangîni da tên bik'aranîn:

Hey (↑), lo(↓) bavo (↑), lo bavo!

*Hey (↑), lê(↓) daê(↑), lê daê!*²²

²¹ *Курдоев К. К.* 1) Грамматика курдского языка. М.; JL., 1957. С. 59–60; 2) Курдскорусский словарь. М., 1960. С. 491–493, 505–506, 890; 3) Грамматика курдского языка. М., 1978. С. 21, 57–59.

²² Di van mînakan da zaneka (şanek) ↑ kirpa sereke dide xuyan, lê ↓ — ya duyemîni, ya lewaz.

Di hevok û p'eyver'êzên weha da bangawazîyê *dengane* (*bang*) didin xuyan. Lê ev peyvên mijara gotinê her t'enê jimar û zayenda navdêran didin xuyan, bi wê r'a jî — makedêriya wan. Hevok û peyvebendên weha îro mirov dikare bêyî wan p'eyvên alîk'ar jî bik'arbîne. Û ewê di wat'eya xwe da t'u kêmasiyê nabînin, xazma, dema di hevokê da hinek lêker, ên ku bi şewazê daxwazî da hatine çemandin (*mirê! gulvedayê! xwişka min kiribûyê! û yê din*), êdî zayend û jmara navdêran, ne r'astedêr be jî, didin xuyan. Lê navdêrên di tewanga bangîni da bangawazî, gazî û berbir'îbûnê didin xuyan. Vê demê tiştê ku t'enê hinekî "lewaz dibe", ew jî makedêriya navdêr e. Wek mînak em şewazên hevokan ên bi wan p'arînan û bêyî wan hemberî hev bikin:

Ax, lê xweyê, la tu kor û k'otî bûyê!

Ax, xweyê, tu kor û k'otî bûyê!

Hey, lê, keç'îkê, bûka mala bavê minê!

Hey, keç'îkê, bûka mala bavê minê!

Lo bavo, çi bûye?

Bavo, çi bûye?

Lê daê, de bêje!

Daê, de bêje!

Lê xweê, de r'abe!

Xweê, de r'abe!

Lê Gulîzerê, tu li k'u mayî!?

Gulîzerê, tu li k'u mayî!?

La tu mirê!

Tu mirê!

Wek ku ji van mînanan jî tê xuyan, dema heman hevok bêyî p'eyv- p'arînen *lê, la, lê* tê sazkinin, ew bandor'a xw ne ku li ser bangawazî, gazî û berbir'îbûnê, lê ser makedêriya (zayend û jimar) navdêr û cînavan dike.

Lê ew, ku li hinek cîyan awazê bangawazîyê bi wan peyvan r'a p'eyda dibe, ew jî ji wê tê, ku, dema ew bi navdêran r'a (û weke wan) tên tewangdin, di tewanga bangîni da kirpa wan a lewaz a duyemîn çê dibe.

Û, ya here sereke, demeke dirêj ew bi danganeyên *wey!, hey!, ax!* r'a hatine bik'aranîn û t'imê caran bi wan r'a p'eyvên têk'el ên hevîrtî saz kirine (*weylê! axlo! heylo!* û.y.d.), yê ku îro êdî bûne peyvên serbixwe (*dengane*) û, helbet, hest, hîs û bangawazîyê didin xuyan. Piştî p'eydabûna van p'eyvên nû di zimên da, dema ev p'arîn (*lo!, lê!, lo!*), wek parçeyekî wan peyvên têk'el, cuda tên

bik'aranîn — li şûna hemû peyvê tên p'ejirandin. Vê demê jî ew êdî ne ku peyvên berê ne, lê beşên wan peyvên têkel in (*weylê!*, *axlo!*, *heylo!*) û li şûna wan tên bikaranîn. Û êdî vê carê taybetmendiyên wan ên diyarkirina zayend û hejmara navdêran bi berekê va lawaz dibin û tên jûbrkirin.

Lê bi demê r'a ev şêwazên wan firebûna wateya êbjeyî (lêksîkî) desttînin, dibin xwedî 'taybetmendiyên nû û di stranên gelêrî da, wek duawazî (r'êfrên) tên bik'aranîn, ên ku navdorên (kolorît) stranî disêwirînin. Weha, di derbarê wê da K. Kûrdoev çî dinivîse: «Di stranên da xêncî p'arînen *lo*, *lê* p'ir'ê caran (p'eyvên berbir'îbûnê): *weylo* (ji bo zayenda nêr), *weylê* (ji bo zayenda mê) wek p'arînen berbi'rîfûbnê tên bik'aranîn. Ev p'arîni bi r'êya bi hevva bûna (têk'elbûna) p'airnên *lo*, *lê û* bangeneya *wey!* saz bûne, ya ku heyfpêanênê, dilêşîyê dîyardike. Û weha, ev p'arînen *lo*, *lê* di stranên da gelek caran wek duawazîyên stranî tên dubarekirin û di navbera dubareyan da p'eyva *wey* dertê holê».²³

Hema Abovyan jî rastî peyvawazên wan duawazîyan hatye û ew hemberî duawazîyên ewropî yên *la – la – la!* kirye.

Ji xêynî vê, li vir bandora tiştêkî din jî heye. Ev peyvana, dema t'enê di axavtina zarkî û zargotina gel da, her weha di hinek gotinên bangawazîyê yên pêşîyan û p'eyver'êzên hîmî yên qewîn da (*phrase// phraseological collection*), yên ku wek dirozge, nifir'î, stran û y.d. di zimên da, di govekek a teng da hatine bik'aranîn, wat'eya wan a bêjêyî hatye guhartin û fireh bûye. Bi vê r'a wat'eyên wan ên bingehîn lewaz bûne û ew wat'eyên wan nû, yên r'adeya duyem derketine pêş. Weha, bi bingehî di van mercan da ye, ku ji xwendevan (hem jî ji guhdar) r'a dijarî çê dibin, ku ew jî hev derxin, k'a k'ijan p'eyvşêwazên ji kijan beşên axavtîne ne.

Lê, hema, wek ku me li jorê jî got, ev peyvana di zimanê k'urdî da *zayend*, *jîmar* û bi wê jî *makdêriya* navdêr didin xuyan. Evana bi van t'aybetmendiyên xwe va digihîjin *zêderên makdêrî*. Wek mînak em wan p'arînen mijara gotinê *lê*, *la*, *lê* û *zêderên k'urdî yê*, ya, yên/yêd hemberî hev bikin. Wek ku tê xuyan, peyvên herdu k'oman jî bi sazîya xwe ya dangan va nêzîkî hev in. Cudatîya di navbera wan da dengên wan ên destpêkê *l* û *y* ne. Lê hema dijar nîne, mirov bibîne, ku ev herdu deng jî dengdarên nerm in (*sonore*). Hê dawîya sedsala XIX — destpêka ya XX di wêjeya zanistî da nêrînek derketye holê, ku *l-ê* hindewropî di zimanên îranî da weguhêz *r*

²³ *Курдоев К. К.* Грамматика курдского языка. М.; Л., 1957. С. 60.

dibe, lê hê dereng ew jinûva dibe l ($l - r - l$), û ku dengê l di herdu zimanên kevnar ên îranî: farsîya kevnar û avêstayê da nînin, ku wisa jî ji nivîsa van herdu zimanan jî naê zanîn, k'a li k'u divê l bixwînin, li k'u — r .²⁴ Û di gelek zimanan da hinek dengên vê r'êzê, wek dengşewazîyên heman navdengê (*phoneme*) hesab dibin (mînak, di zimanê korêî da dengên r û l).²⁵ Di kurdî da îro jî dem bi dem dengên r û l weke hev, wek dengşewazîyên heman navdengê (*phoneme*) tên bikaranin.

Mînak:

lo-ro!, lê-rê!

gilêş — girêş, çelx — çerx

gilê — girê, bila — bira

gustîlk- gustîrk, kulîlk — kulîrk û yên din.

Lê ji $r - ê$ lewaz ê nerm heya $y - ê$ nîvdeng jî gavek dimîne.

Û di r'êza $l - r - y$ da dengê r , tuyê bêjî, dibe xelegeke navberî. Di nava pêşveçûnên zimên da di peyvşewazên *lê, la, lê* da bi vê qanûnê dengguhêrî pêk hatye: l dengguhêrî r bûye, lê evê dawîyê jî bûye y . Û îro jî di k'urdî da bi şewazên *lo* û *lê* r'a t'evayî şewazên *rê, ro* û *yê, yo* tên bikaranîn. Mînak:

De, yo xalo, dilê minê kîne- kîn e!

Lo-ro-ro, şivano, şivanê berx û mîyano!

Lê-rê-rê, keç'îka delalê, te serê xwe hildaye, wa k'uda diçî!?

De, yê-yê, de, lê daê!

Weha, bi hezarsalan, di axavtina kurdî ya r'oJane ya azad û dînamîk da ev dengguhêrî pêk hatye, ya ku yek bi yek anegorî pêşveçûna zimên a xwezayî û qanûnên wî yên hindurîn e.

Lê hinek şewazên wan, ên ku di nav hinek peyvebendên qewîn (*phrase*) da hatine bikaranîn, ji ber ku di axavtina ne aktêv a teng da mane û îro di zimanê k'urdî da wek bermayîyên pîvanên zagonî yên kevnar jiyana xwe didomînin. Û di wan da ew pêvajo, ya ku di zimanê r'oJane yê dînamîk da bûye û pêk hatye, îro bi derengî dubare dibe (şewazên *lo, ro* û *yo* hemberî hev bikin!).

Wek ku tê xuyan, şewazên *lê, la, lê* di kurdî da berî şewazên *yê, ya, yên* hebûne û di zimanên kevnar ên hindîranî da şewazên evên dawîyê gihîştine destê me, ne ku ên pêşin. Û ev şewaz jî ji hezarsala

²⁴ *Horn P.* Neupersische Schriftsprache // CI Ph. Bd I. Abt 2. Strassburg, 1898–1901. S. 55; *Salemman* Mittelpersisch // Ibid. S. 268; *Абаев В.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 35–41 и 81; *Цаболов Р. Л.* Очерк исторической фонетики курдского языка. М., 1976. С. 72–75.

²⁵ *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975. С. 56–66.

duyem a berî Îsa gihîştine me. Dertê, ku şewazên bi *l* — ê destpêkî di hîm — zimanê (mak — zimanê) hindewropî da hebûye, ji ber ku di şaxê zimanan ê arîyî (hindîranî) da ev *l* — ê destpêkî yê van peyvyan êdî dengguhêrî *y* bûye. Mînak: avêsta — *ya, yā*, sanskrît — *ya, yā*, farsîya kevnar — *hya/ya*.

Ji bilî vê di r'êze zimanên ewropî û zimanê tirahî yê hindî da îro jî zêderên makdêrî hene, yên ku bi şewaza xwe an mînanî, an jî nêzikî van p'arînen kevnar ên zimanê k'urdî ne.

Weha, êm mînakên r'êze zimanên ewropî û yên zimanê tirahî hemberî hev bikin:

Fransî — *le, la, les*;²⁶

Îtalî — *il, la, le*;²⁷

Îspanî — *el, la, los/las*;²⁸

Tirahî — *le, la*.²⁹

Lê di zimanê portûgalî da, yê ku jî heman malbata hindewropî ya zimanan e, dengê *l* — ê destpêkî yê van zêderan di demê da weryaye — ketye, û şewazên *o, a* (ji bo yekjimarê) û *os, as* (ji bo pirjimarê) derketine holê.³⁰

Ji van nîrxandinên jorê û hemberhevkirina mînakên zimanên hindewropî diyar dibe, ku:

a) peyvşewazên *lé, la, lè*, yên ku îro di zimanê k'urdî da hene, di kurdîya kevnar da zêderên makdêrî bûne, û paşê, bi pêşveçûnên zimên r'a di wan da dengguhêrî pêkhatine û şewazên wan ên îro — *yê, ya, yên/yêd* derketine holê;

²⁶ *Աճառյան Ն.* Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. 1957. С. 946; *Катагошина Н. А., Гурьчева М. С., Аллендорф К. А.* История Французского языка. М., 1976. С. 26–70; *Доза А.* История французского языка. М., 1956. С. 295, 300–301; *Ганшина К. А.* Французско-русский словарь. М., 1962. С. 463, 471.

²⁷ *Աճառյան Ն.* Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. 1957. С. 946; *Розенталь Д. Э.* Итальянский язык. М., 1949. С. 397–400.

²⁸ *Աճառյան Ն.* Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. 1957. С. 946; *Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В.* Теоретическая грамматика испанского языка. М., 1972. С. 63–67; *Канонич С. И.* Артикль в испанском языке. М., 1967. С. 5–33; *Кельина Ф. В.* Испанско-русский словарь. М., 1966. С. 350, 520, 541.

²⁹ *Աճառյան Ն.* Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի. 1957. С. 938.

³⁰ *Ibid.* С. 946; *Старец С. М., Феерштейн Е. Н.* Португальско-русский словарь. М., 1972. С. 9, 575; *Никонов Б. А.* Грамматика португальского языка. М., 1981. С. 8–33.

b) ji ber ku goveka bikaranîna şêwazên van zêderan ên di tewanga bangîni da (*lo!*, *lê!*, *lo!*) teng maye, bi demê r'a, anegorî r'ol û cîyê wan di zimên da, wat'eyên din ên r'adeya duyemîn derk'etine pêş;

c) yekşewaziyên van şêwazên zêderên makdêrî ên kevnar (arxayîk) îro jî di r'êze zimanên din ên hindewropî da hene;

d) hebûna şêwazên van zêderan ên kevnamayî di zimanê k'urdî da û yekşewaziyên (analogî) wan di zimanên din ên hindewropî da govenîya hebûna wan e di mak — zimanê hindewropî da.

Wek ku me li jorê dit, şêwazên kevnar ên zêderên makdêrî wek kevnemayî (arxaîzm) di zimanê k'urdî da hatine p'arastin, ên ku r'engê xwe va an mîna, an nêzikî zêderên r'êze zimanên hindewropî yên din in. Lê yekşewaziyên zêderên zimanê kuurdî yên îro? Ma gelo ew bi t'u cûr'eyî di zimanên din ên hindewropî da nehatine p'arastin? Yekşewaziyên wan nikaribûn bi t'u awayî t'unebin! An jî pêşk'etina şêwazên wan ên kevnar nikaribû t'enê di zimanê k'urdî da şêwazên weha bigihne. Qe na bi awayekî şop'ên wan, dibe ku, di zimanên din da hatibin p'arastin?

Û t'exmînen hîpot'êtîk ên giştî di derbarê peydabûna wan zêderan û yekşewaziyên wan di zimanên din ên hindewropî da, her weha lêger'inên p'ir'alî di vî warî da bêncam neman.

Û zûtîrekê nêr'îneke bi zanistî misogerkirî li bal me p'eyda bû, ku yekşewaziyên zêderên makdêrî yên k'urdî bi şêwazên xwe yên îro va (*yê*, *ya*, *yên/yêd*) bi dengguhêr'iyên biç'ûk va di zimanê r'ûssî da hene. Ev zêderana di zimanê r'ûssî da r'êyeke p'eyvguhêrîyê ya wisa derbas bûne, ku mirov bi dijwarî bikaribe bi carekêra serederiyê lê bike. Lê di nava çarçoveya zimanên hindewropî da hemberhevkirina wan û zêderên k'urdî derfetan dide, ku mirov bingehên wan r'avebike.

Lêkolênên zêderên zimanê k'urdî me ji p'eyvebendên makdêrî destêpkir. Bi wî awayî me wat'eya wan a bêjeyî (lêk'sîkî) ya xwezayî, r'ola wan di zimên da û, dawîya dawiyê cîyê wan ê r'ast di sistêma zimên da r'avekir. Me dema lêkolênên matêrialên zimanê r'ûssî jî heman r'ê hilbijart. Û li ber me tişteki bal'kêş hebû: der'ket holê, ku sistêma r'engdêran a herdû zimanan mînanî hev in. Lê ya here sereke, hebûna zayend, jimar û tewanga r'engdêran e di r'êzimanên k'urdî û r'ûssî da, her weha, hebûna wan p'arînan, ên ku di r'êzimana r'ûssî da wek daçekên r'engdêran (affîk'sên adyêktîvger).

Ev p'arînan di zimanê r'ûssî da r'êyeke wisa derbazbûne, ku mirov bi dijwarî bkaribe r'aveke, k'a ew konkrêt jî çi beşê axavtinê

ne. Lê, dema mirov di nav çarçoveya lêk'olinên hemberhevkirinî-
dîrokî yên di warê zimanên hindewropî da van p'arînên zimanê r'ûssî
bi zêderên makdêrî yên zimanê k'urdî r'a tîne ber hev, derfet ved-
ibin, bingehên p'eydabûna wan r'avebikin.

Wek ku tê zanîn, di zimanên hindewropî da peyvebendên
makdêrî (*attribute word combination*) ji hêla r'êza p'eyvan va du
şêwazên xwe hene. Di p'eyvebendên vî r'engî yên r'êze zimanan da
di sêrî da di r'ola makber da navdêr tê danîn û peyr'a- r'engdêr,
an navdêr û cînav di tewanga mêlberî (zayendî) da — wek makdêr.
R'êza peyvan a weha t'aybetîya zimanên îranî ye. Lê di peyvebendên
zimanên din ên hindewropî da r'êza p'eyvan berovajî vê ye: di sêrî
da makdêr tê danîn. Em mînakên wan zimanan hemberî hev bikin.
zimanên îranî: bi kurdî: *gul a sor*; bi farsî: گل سرخ (*gol-e sorx*); *zi-*
manên din ên hindewropî: bi almanî: *die rote Rose*; bi rûssî: *красная*
роза; bi ermenî: *կարմիր վարդ* (karmir vard).

Ev ji bo têngihîstineke giştî.

Lê naha em mînakên zimanên k'urdî (*gul a sor*) û r'ûsî (*красная*
роза) hemberî hev bikin.

Wek ku ji mînakên p'eyvebendên makdêrî yên wan zimanan tê
xuyan, cudaçîya sereke ya di navbera wanda — ew r'êza p'eyvan e di
wan da. Belê, ji hêla sazîya xwe (r'êza peyvan) va ev p'eyvebendana
ji hev cuda dibin, lê ji hêla peyvsazîyê (*morfologi*) va gelek tiştên
wan t'omerî ne.

Di mînaka k'urdî ya *gul a sor* da *gul* navdêr e, *a* zêder e û
girêfterî navdêr (*gul*) e, *sor* rengdêr e.

Naha em li mînakên r'ûssî binihêr'in. Eger em di vê p'eyvebendê
da r'engdêr heman p'eyvê bihêlin (*красная роза*) lê li şûna navdêrê
heyî yekî cuda daynin, emê binihêrin, ku ew p'arîn, a ku bi dawîya
r'engdêr va zêde dibe, tê guhertin. Minak:

красная роза (*krasnaya roza*) — *gul a sor*;

красный флаг (*krasniy flag*) — *al a sor*;

красное яблоко (*krasnoye yabloko*) — *sêv a sor*;

красные розы (*krasniye rozi*) — *sêv ên sor*.

Ango, hîmê r'engdêr, wek ku heye, dimîne, lê paşparinên lê zêde
dibin, angorî taybetmendiyên wan navdêran tên guhertin û zayend
û jimara wan didin xuyan (-ая /*aya*/ — yekjimar, zayenda mê; -ыѝ
/*iy*/ — yekjimar, zayenda nêr; -ое /*oyê*/ — yekjimar, zayenda bêhêl
û -ые /*iyê*/ — pirjimar), ên ku pey r'engdêr r'a tên.

Di r'êzimana r'ûssî da van p'arînan r'a dibêjin paşdaçekên
r'engdêrî, yên ku jimar û zayendê didin xuyan (?!). Ji xeynî vê,

di r'êzimana r'ûssî da tê gotin, ku r'engdêr tèn tewangdin. Li vir destxweda pirs dertê holê: çi p'ewendiya zayend û jimarê bi r'engdêr r'a heye? Ma ne zayend, jimar û tewang taybetmendiyên r'êzimanî yên navdêr in.

Eger zayend, jimar û tewang t'aybetmendiyên r'êzimanî yên navdêr in, wê demê 'rengdêr çawa dikarin bèn tewangdin û zayend û jimara xwe hebin?

Gelo ew ne dijî hişmendîya giştî ya r'êzimana zanistî ye?

Di r'êze zimanan da ji bo ku zayend û jimara navdêran bidin xuyan, peyvên alîkar ên taybet hene, ên ku di zimanzanîyê da *artîkl* (zayend) tèn navkirin. Lê dertê, ku di r'ûssî da r'engdêr weke navdêr têtewangdin û jimar û zayenda wan heye?! Eger anegorî qanûnên zimên be, divê wisa nînbe. Lê, eger wisa têtê nîrxandin, wê demê li vir tiştek ne wisa ye. Her zimanek qanûnên xwe yên hindurîn hene, divê mirov wan nas bike û zimên jî bi wan r'ave û nas-bike.

Mînakên ner'ast têgihîştina t'aybetmendiyên r'êzimanî yên r'engdêran li bal lêkolînerên zimanê k'urdî jî hene.

Sedema çewt têgihîştina weha çi ye?

P'eyvebendên makdêrî di zimanê k'urdî da sazîne t'aybetî ne. Ji bo wê jî ew gelek caran di hevokê da wek endameke yekgirtî têtê gihîştin, wek yekîneyeke bêjeyan a wa'teyî (*sêmantîkî*) ya serbixwe. Û di wê da r'ola sereke zêderên makdêrî dilîzin. Ew di navbera du endamên wan p'eyvebendan da tèn danîn û wek ku wan li ser bingeha wateyî ya t'omerî wek yekîneyeke bêjeyan a wa'teîyî (*sêmantîkî*). Di p'eyvebendên weha da, li k'u makber û makdêr wek yekîneyeke p'eyvwat'eyî ya yekgirtî pêşda tèn, t'aybetmendî û wat'eyên wan herdu endaman jî digihîjin hev. Ango, ev p'eyvebendan tişetên konkêrt ên bi çawanîyên (t'aybetmendî) konkêrt didin xuyan. Û ji ber wê jî, makdêr (r'engdêr an navdêr û cînavên di tewanga mêlberî da) derî peyvabenda makdêrî ya konkêrt, ya ku ew endama wê bûye, bi zadera makdêrî r'a têtê bik'aranîn:

Derî yê biç'ûk — yê biç'ûk;

Gulî yên dirêj — yên dirêj;

Gotin ên dersdarê — ên dersdarê.

Û li ser vê bingehê pisporên zimanê k'urdî gihîştine wê nêr'îên, ku di zimanê kurdî da zayend û jimara r'engdêran hene, û ew tèn tewangdin. Û îro ev nêirn di wêjeya k'urdzanîyê da serdest e.

Sedema xalîfîbûneke weha çi ye?

Dema r'engdêrek yê konkrêt ji p'eyvebendeke makdêrî ya konkrêt tê deranîn û bi zêderan r'a tèn bikaranîn, êdî ne rengdêr in, ew bi alikariya zêderan dibin xwedî zayend, jimar û taybetmendiyên din, dibin navdêr (di r'ûssî da ji wisa ye!) û di zimên da wek navdêr tèn bikaranîn.

Û li vir ew êdî, wek navdêrekî sazber, xediyê hemû t'aybetmendiyên r'êzimanî ye, yên ku yên navdêr in û zayend û jimara wî heye û dikare bê tewangdin. Ji vê demê pêva, dema bi zêderên makdêrî r'a tê bik'aranîn, r'engdêr di zimên da r'ola navdêr pêk tîne (binihêr'e r'ûp'elên. . . yên vê p'irtûkê).

Di p'eyvebenda *gul a sor* da *gul* navdêr e, lê *sor* r'engdêr e û çawanîya *gulê* dide xuyanr'engê *sor*. P'eyvên weha, dema di p'eyvebendên makdêrî da wek makdêr tèn bik'aranîn, bi demê r'a, tuyê bêjî, ji nav r'êza beşekî axavtinê derbazî nav yekî din dibin. Û, ji ber ku ew r'ola makdêr li hember navdêrekî konkrêt pêkîntin, ew t'enê di kontêk'sta konkrêt da dikarin wek navdêrê konkrêt bèn pejirandin. Û, dema şêwazê *a sor* cuda tê bikaranîn, ew êdî navdêr e û navdêrekê konkrêt e (*gul*), ê dêrê konkrêt bèn êtgihiştin. Ji ber ku ew bi wat'eya xwe ya navdêrî bi navdêrê konkrêt va girêdayîye û t'ên di nav têksteke konkrêt da dikare weha bê têgihîştin. Û di mîmnaçên weke *gul a sor* da *ya sor* navdêrekî konkrêt dide zaînn — *gul*, ya ku çawanîya xwe va *sor* e, zayenda mê û hejmar jî yekane ye. Ango, *gul a sor*.

Pêvajoyeke weha di zimanê r'ûssî da jî pêk hatye. Her çiqas di peyvebendên makdêrî (*attribute word combination*) yên r'ûssî da r'engdêr berî navdêr tê danîn, dîsa jî di van da pêvajoya mijara gotinê bi heman r'êê, lê bi cûr'ê xwe, dubare bûye.

Ji bo ku di vê da bi bawerbin, em p'eyvebenda красная роза (*krasnaya roza*) vebijêrin (anlîzbikin).

Wek ku me li jorê jî gotibû, di p'eyvebenda r'ûsî da, ya ku me li jorê anîbû, p'arîna *-ая (aya)* girêfterî navdêr e (*poza/r'oza*) û jimar û zayenda wî destnîşan dike. Hinekê bipirsin: “Eger wisa ye, lê çima ew p'arîn bi r'engdêran va têên gotin û nivisandin textit (красная роза — *krasnaya r'oza*), û wek dawîka wan p'eyvan tèn têgihîştin?” Di peyvebenda makdêrî da, peyvên ku li ser bingeheke wat'eya makkirinê bi hev va tèn girêdanan, wek r'êza peyvnan a hev girtî tèn bilêvkirin û bi t'evayîya xwe va wek yekîniyekê tèn p'ejirandin. Û di wê şîrdana p'eyvan da peyvzêdayî t'imê li dawîya p'eyvan va pêk tê, ji ber ku hem bi bêhnkekê va, bi hev r'a tèn deranîn û navbera di nav xelekeên wê şîrdanê da kurttir dibe. Hem jî di nav yekîneya

wat'eyî da ew p'arînan, vê carê êdî hem jî r'engdêr (makdêr) têk'ilidar dikin. Û li ser vê bingehe di p'eyvebendên makdêrî da ew bi wan va tèn gotin. Ev pêvejoya di zimanên din da jî pêkhatye û îro jî didome. Mînak, di zimanê kurdî da jî peyvebendên wek *ber bi yekî/tiştêkî* bergirêka *berbi* çêbuye, di zimanê ermenî da jî-jî p'eyvebendên wek *ηκυ η unni* (*dep i tun*) bergirêka *ηκυ η (depi)* çê bûye (her weha wê hemberî vê hevoka ermenî bike: *Դեպի վեր, սարնի հ վեր, ահվեհեր զհնւն'ը*//*depi ver sarn i ver, anveher zin-vor!*). Ji ber vê jî ew p'arînen mijara gotinê îro wek daçekên r'engdêrî hatine p'ejirandin.

Ev pêvejoyeke dengsazî (fonêtîkî) ya giştî ye, û mînakên weha di her zimanekî da dikarin r'astî mirov bèn. Mînakeke vê pêvejoyê jî çêbûna şewazên r'engdêran ên îro ye di zimanê r'ûssî da. ?êwazên r'engdêran ên îro di zimanê r'ûssî da piştî bi'kranîna wan a di p'eyvebendên makdêrî da çêbûne. Di nav p'eyvebendên makdêrî da r'engdêr bi navdêran r'a hatine bik'aranîn, ên ku bi p'eyv-p'arînen t'aybet (*ая, ое, ъе*) r'a t'evayî hatine bik'aranîn. Van p'eyv-p'arînan jî zayend û jimara navdêr dane xuyan (*красная роза//krasnaya r'oza; зеленое поле//zelyonoe pole; добрые отношения//dobrie ot-nosheniya*). Di axavtina zarkî (axavtina zarkî jî berî ya nivîskî hatye û bêt'ir dînamîk bûye) ji berekêva, çiqas çûye, nêzîki r'engdêr hatine gotin, ne ku nêzîkî navdêran, yên ku ew girêfterî wan in, û zayend û jimara wan didin xuyan. Û bi demê r'a ev p'arînen zimanê r'ûssî wek affiksên p'eyvhinêr ên r'engdêran hatine têgihîştin, her çiqas t'u pêwendîya wan bi wan r'a nîne.

Piştî jevbijartin û nirxandina mînakan, ên ku me li jorê anîbûn, mirov dikare bi bawer bibêje, ku ew p'arîn, ên ku di zimanê r'ûssî da hesabkirine "afik'sên"(daçek) p'eyvhinêr ên r'engdêran, zêderên makdêrî bûne, jiber ku:

a) — ew p'arînan, her çiqas bi dawîya r'engdêran va dibin, zayend û jimara navdêran didin xuyan û kevnemayîyên (arxaîzm) zêderên r'ûssîya kevnar in;

b) — dema bi r'engdêr r'a t'evayî tèn bikaranîn, ewan r'engdêr dikin navdêr û, dema tèn xwendin, an gotin, ê guhdar, an êdî jî kontêkstê dizane, k'a ew li şûna k'îjan navdêrî tèn bik'aranîn, an jî bi hişmendî (logikî) benda p'eyhatina navdêr dimîne.

c) — r'engdêrên r'ûssî, dema di hevokê da bi lêkeran r'a tèn bik'aranîn, dibin beşê kirebêjî (lêker/*predicate*) ê navî û bêyî wan "afik'san"(daçek) (*-ая, -ый, -ое, -ые*) tèn bikaranîn. Mînak:

Он был чист и не виновен — Ew paqij û bêguneh bû.

Наз и бос пойдешь в царстве небес — Tuyê tazî û pêxas herî p'adişahtîya asîmanan.

Пес был уродлив и страшен — Se ebilû û bi xof bû.

Он очень красив — Ew pir' bedew e.

Флаг так красен, что... (Al wisa sor e, ku...) û yên din. Ê di van hevokan da t'aybetmendiyên r'engdêr (zanîdana çawanîya navdêr) hiç piç'ekî jî lewaz nabe.

d) — û, ya dawîyê, dertê holê, di r'ûssî da ev p'arînên ku dawîya r'engdêr va zêde dibin, û ji wan r'a dibêjin daçekên r'engdêrî, ne paşdaçek in, ew zêderên makdêrî (*article indikatif*) bûne û bi şêwazên xwe yên dengî, wat'e û bingeha xwe va digihîjin zêderên makdêrî yên zimanê k'urdî. Wek mînak em zêderên herdu zimanan hemberî hev bikin:

zêderên makdêrî yên zimanê k'urdî	zêderên makdêrî yên zimanê r'ûssî
mêza: <i>ya</i>	-ая (<i>aya</i>)
nêrza: <i>yê</i>	-ый/уи (<i>îy</i>)
bêhêl: <i>*(î)</i>	-ое (<i>oyê</i>)
p'ir'jimar: <i>yên/yêd</i>	-ые (<i>îyê</i>)

Ev t'enê di derbarê katêgorîyek a r'êzimanî da bû. Lê çiqas p'eyvên bingehîn û katêgorîyên din hene, ên ku d yekşêwazîyên (*analogie*) wan di zimanên din ên hindewropî da hene û benda lêger'inên xwe ne!? Ew jî peyvên wisa, ên ku nikaribûn ji k'urdî derbasî wan zimanan, an jî, ji wan zimanan derbasî k'urdî bibûna!

Di vî warî da mirov dikare gelek tiştên t'omerî biger'e û bibîne, yên ku dikaribûn paşer'oja me ya hindewropî ya giştî r'onî bikira. Ji bo lêger'inên zanistî yên r'ojên pêş me hebûna yekşêwazîyên peyvên bingehîn di zimanên r'ûssî û k'urdî da hêjayîyeke p'ir' giranbiha ye. Ê ya here girîng jî ew e, wek ku me li jorê jî dabû zanîn, herdu gelan jî nikaribûn wan p'eyvan ji hev hildin, ji ber ku welatên ku herdu gel lê dijîn, bi hezarên kilomêtran jî hevdu yan hinek yekîneyên leşkerî, yan lêkolîner û missionêrên r'ûssî r'astî kurdan hatine jî, ew nikaribû bibûya bingeha p'evguhartinên bêjeyan. Ji bo vê p'ewendîyên p'ir'alî û pir'şêwaz ên demdirêj pêwîst dikirin.

Bi lêk'olinên dîrokî misoger dibin, ku cînartîya erdnîgarî û têk'ilîyên r'ojane yên aktîv ên darayî, bazirganî, siyasî û çandî bi dîrokî di nav k'urd û r'ûssan da p'ir' kêr û lewaz bûne... Têkilîyên

di navbera herdu gelan da dawîya sedsala XVIII — destpêka sedsala XIX hinekî ji cî liviyane, ew jî nikaribûn bibûna bingehêkê ji bo hebûna ewqas yekşewaziyên zimanî.

Û li vir, bi xwezayî pirs dertê holê: “Lê ewqas yekşewaziyên p’eyv û katêgoriyên r’êzimanî yên hevp’ar û t’omerî ji ku peyda bûn?”

Lêk’olînên himberhevkirinî- dîrokî di warê zimanên hindewropî da, yên ku heya naha pêk hatine, her weha diroka p’eydabûn, pêşvaçûn û li cihanê belavbûna gelên hindewropî û yekbûna binaxeyên zimanên wan dibin bingeh, ku mirov bersîva van û pirsên din bide.

Îro êdî mirov dikare bi bawer bibêje, ku herdu ziman ne tenê wek zimanên du gelên hindewropî bingeha wan yek e. Û hebûna ewqas t’aybetmendî, yên ku ji bo herdu zimanan jî t’omarî ne, di derbarê wê da dibêjin, ku herdu ziman di nav vê malbata zimanan da demeke dîrokî ya dirêj li ser yek bingehê pêşvaçûne.

Lê dîsa jî pirs dertên holê:

— *Ev bingeha çawa bûye? Lê îranîbûna k’urdî û slavîbûna r’ûssî li k’u man?*

— *Di çi warên zimên da bingeha t’omerî yek maye, û li ku ew ji hev cuda bûne?*

— *Ew pêşveçûn, ên ku peyr’a hatine, li ser çi bingehê çê bûne?*

— *Eger zimanê kurdî ewqas yekşewazîyîn xwe bi zimanên din ên hindewropî yên ne îranî r’a hene, ev tê wê wat’eyê, ku divê mirov hîn li ser cîyê k’urdî di malbata zimanan a hindewropî da serê xwe bêşîne, an... ?*

Ev hemû jî pirsên mijareke din a lêk’olînên din in. Bersîva van û pirsên din jî wê lêk’olînên zanistî yên zimanzanîyê yên berfiretir bikaribin bidin. Û, bi xwezayî, pêkanîna lêgerînen zanistî yên p’ir’alî ji bo r’onikirina vê pirsgirêkê mercekî sereke ye.

Beşekî wan tiştan, ên ku divê dema pêş me da li ser wan lêgerîn pêk bèn, dikaribûn ew yekşewaziyên peyvên bingehîn ên zimanên k’urdî û r’ûssî bûna, yên ku em pêşniyarî bala pisporan dikin.

Em bi t’evayî li wan binihêr’in.

yên k’urdî

bav

bê

beran

ber(-av)

bilqîn

yên r’ûssî

батя (batya)

без (bez)

баран (baran)

берег (bereg)

вулканье/вулкан

(bulkanie, vulkan)

<i>bira</i>	<i>брат</i> (brat)
<i>birû</i>	<i>брови</i> (brovi)
<i>bit</i> (<i>bibitin</i>)	<i>быть</i> (bit)
<i>çar</i>	<i>четыре</i> (chetire)
<i>çax</i>	<i>час</i> (chas)
<i>çêlek</i>	<i>теленок</i> (telenok)
<i>çima</i>	<i>почему</i> (pochemu)
<i>çors</i>	<i>черствый</i> (chorstviy)
<i>dar</i>	<i>дерево</i> (derevo)
<i>deh</i>	<i>десять</i> (desyat)
<i>derî/ çvêr</i> (bi zazakî)	<i>дверь</i> (dver)
<i>dîryayî</i>	<i>дранный</i> (dranniy)
<i>dot</i>	<i>дочь</i> (doch)
<i>dotin</i>	<i>долить</i> (doit)
<i>du</i>	<i>два</i> (dva)
<i>ez</i> (cînavê kesî yê dêmê I)	<i>аз</i> (az — cînavê kesî yê dêmê I di slavîya kevnar da)
<i>ga</i>	<i>говядина</i> (govyadina)
<i>gotin</i> (<i>govtin</i>)	<i>говорить</i> (govorit)
<i>jîn</i>	<i>жена/женичина</i> (jena, jenshina)
<i>ji nûva</i>	<i>снова</i> (snova)
<i>jîyan</i>	<i>жизнь</i> (jizn)
<i>kat</i>	→ <i>час</i> (chas)
<i>K'awa</i>	<i>ковать</i> (kovat)
<i>kevir</i>	<i>камень</i> (kamen)
<i>kit</i>	<i>кот</i> (kot)
<i>kuloç</i>	<i>кулуч</i> (kluch)
<i>kurdi-kî</i> (bi zazakî)	<i>курдский</i> (kurdskiy)
<i>liqîn</i>	<i>ликовать</i> (likovat)
<i>mak</i>	<i>мать</i> (mat)
<i>meh</i> (<i>mange</i>)	<i>месяц</i> (mesyats)
<i>mêş, moz</i>	<i>муха</i> (muxa)
<i>mêş</i> (<i>a tişteki/keseke girtin</i>)	↘
<i>(mirov ê) mêşindar</i>	→ <i>мишень</i> (mishen)
<i>mêşingeh</i>	↗
<i>tîr</i> (<i>û kevan</i>)	<i>тир</i> (tir)
<i>mîşk</i>	<i>мышь</i> (mish)
<i>na</i>	<i>нет</i> (net)
<i>ne</i>	<i>не</i> (ne)
<i>nig</i>	<i>нога</i> (noga)
<i>nizm/nimiz</i>	<i>низкий</i> (nizkiy)
<i>nû/nuh</i>	<i>новый</i> (noviy)
<i>petin</i>	<i>печь</i> (pech)
<i>pênc</i>	<i>пять</i> (pyat)
<i>qalbûn</i>	<i>закаляться</i> (zakolyatsya)
<i>qaz</i>	<i>гусь</i> (gus)

<i>qas</i>	час (chas)
<i>qasîk</i>	каска (kaska)
<i>qul</i>	укол, уколоть, колоть (ukol, ukolot, kolot)
<i>r'azan</i>	рожатъ (rojat)
<i>rîz</i>	рис (ris)
<i>se(g)</i>	собака (sobaka)
<i>sê</i>	три (tri)
<i>sêlav (< sêl + av)</i>	сель (sel)
<i>sol (bi zazakî)</i>	соль (sol)
<i>-stan (Kurdistan, gulistan)</i>	стан (станица) (stan, stanitsa)
<i>şeş</i>	шесть (shest)
<i>şêst</i>	шестьдесят (shestdesyat)
<i>tenîk</i>	тонкий (tonkiy)
<i>tîrs</i>	трус (trus)
<i>tîr (û kevan)</i>	тир (tir)
<i>toraq</i>	творог (tvorog)
<i>verg (bi zazakî)</i>	волк (volk)
<i>vir'</i>	вратъ (vrat)
<i>vîmîten (bi zazakî)</i>	видеть (videt)
<i>westyan</i>	уставать (ustavat)
<i>xaşîl</i>	каша (xashil)
<i>zanîn</i>	знание (znanie)
<i>zewal(a darê)</i>	завалить/завал (zavalit, zaval)
<i>zirîçk (a çavan)</i>	зрение, зрачок (zrenie, zrachok)
<i>zivîstan</i>	зима (zima)

R'êza van yekşewazîyan mirovê bikaribe hê jî bidomîne.

Em li vir her tenê li ser r'êze yekşewazîyên k'urdî û yên hinek zimanên din ên hindewropî r'awestyan. Me di derbarê lêger'inên bingehên destpêkî yên giştî yên zimanên hindewropî bi tomerî anîn ziman. Her weha me r'êze cotên yekşewazan ên zimanên kurdî û r'ûssî anîn. Lê hê çiqas ziman hene, yên ku benda lêger'in û lêk'olînên zanistî ne. Emê vî k'arê xwe her tenê wek destpêkeke nû ya di vî warî da hesab bikin û hêvidar in, ku ev mijara wê hêjayî bala wan zimanzanan bibe, ên ku bi pirsgirêkên zimanzanîya hindewropî va mijûl dibin, û wê bibe bingeh ji bo gotebêja zanistî û hevkarîya berhemdar di navbera pisporeên vî warî da.

* * *

Tiştêkî din jî, yê ku hêjayî baldarîyê ye. Wek ku me li jorê jî anîbû zimên, her çiqas welatên r'ûs û k'urdan bi hezarê kîlômêtran dûrî hev in, dîsa jî ewqas yekşewazîyên p'eyv û

katêgoriyên r'êzimanî di zimanên wan da hene. Wek ku zan-
yarê r'ûs yê vê dema me V. V. Makarênko dinivîse, di zimanên
k'urdî û r'ûsî da zêdetirî sê hezaran peyvên bingehî yên t'omerî
hene.³¹ Lê, balk'êş e, hinek gelên herêmê û kurd bi hezarê salan
cînarên hev bûne, heya di gelek waran da di nav hev da mane,
zargotina wan a hevbeş di dîrokê da tê nasîn, lê yekşewazîyên
peyv û katêgoriyên r'êzimanî di nav zimanên wan da nînin. Û,
eger heya hinek t'omerî hene jî, ew ji zimanekî derbasî yê din
bûne.

Ev jî bi serê xwe mijara lêger'îneke din e. Lê li vir jî ew tiş,
ê ku mirov li ser biaxêve, heye, qe na li ser r'adeya seret'ayî (li
peynivîsarê binihêr'e, r'û. . .)

Û, tiştêkî din ê balk'êş jî: 'ronaydarê ermenî yê mezin Xaçatûr
Abovyan, dema di derbarê govenda k'urdî da dinivîse, dibêje, ku ew
mîna *xorovod* (govend) a r'ûsan e.

Balkêş e, ne?! K'urd jî bo ermenîyan net'wek a xerîb nînbûne, lê
ronaydarê ermenî govenda k'urdî hemberî govenda (*xorovod*) gelekî
dîn dike, ê ku bi hezaran kilomêtra dûr diji!

Ev jî aspêkteke din a nêzîkbênê ye jî bo lêger'inên bingehên
destpêkî yên zimanên hindewropî.

Ji bilî vê, zimanê k'urdî û K'urdistanê r'êze nasnavên êt'nîkî û
erdnîgarî p'arastine. Û lêger'îna

wan jî wê derfetên nû veke, jî bo naskirin û zanebûna paşer'oja
dîrokî ya me ya hindewropî ya giştî:

Di K'urdistanê da eşîra bi Di Afganistanê da zimanê *tîrahî*
navê *tîrahî*hey.³²

heye, yê ku di'kev nav k'oma
zimanan a hind—îranî (zi-
manên dargî), ya ku digihîje
şaxê zimanan ên hindî (ên hin-
dariyî).³³

³¹ *Макаренко В. В.* 1) Откуда пошла Русь. М., 2005. С. 114–117, 260–280; 2) Ключи к дешифровке истории древней Европы и Азии. М., 2006. С. 20, 148, 155, 193–197 и др.; 3) У русского и курдского народов более трех тысяч родственных слов // Свободный Курдистан. 2006. № 6 (39).

³² *Feqî Huseyîn Saznîç.* Şêxadî // Laliş. 2004. № 21. P. 24–26.

³³ *Պէտրոսյան Հ. Ջ և ուրիշներ.* Լեզվաբանական բարարան. Երևան, 1975. С. 294; Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой и др. М., 2002. С. 127.

Di K'urdistanê da eşîra bi navê <i>sindî</i> heye.	Di herêma Sindh a Pakîstanê û herêmên Maxaraştra, Gûcarat û R'acastxa ên Hindistanê da gelê sindh dijî (3,5 mln) û zimanê wî jî <i>sîndhî</i> ye. ³⁴
Di K'urdistanê da eşîra bi navê <i>alan</i> heye.	Di Osêtîyayê da jî eşîra <i>alan</i> heye. ³⁵ (Osêtîn jî we k'urd gelekî îranî ne)
Di bakûrê K'urdistanê da herêma <i>Dîgor'</i> heye	Di heman Osetîyê da eşîra bi navê <i>dîgor'</i> heye. ³⁶

Dibêjin, ku Mêzopotamîya colanga çêbûna gelên hindewropî û şaristanîya hindewropî bûye. Îro k'urd û K'urdistan bi hebûna ziman, çanda net'ewî û wan bingehên hindewropî yên destpêkî va, yên ku di zimanê k'urdî da htine p'arastin, govenîya vê didin. Her çiqas gelên hindewropî li cîhanê belav bûne, lê di gelek hêjayî û nîrxên t'omerî yên hevbeş da, ên ku wan bi xwe r'a birine, r'engê wan hatine guhartin, lê dîsa jî gelek şopên bingehên wan ên destpêkî di mak — welatê wan ê dîrokî da mane.

Û şopên van hemûyan jî divê di nav k'urd û K'urdistanê da biger'in.

Ev jî di nava hindewropîzanîya giştî da ji bo lêk'olîn û lêger'îên vî warî bi serê xwe bingehê girîng a zînistî ye.

Di derbarê p'ewendiyên dîrokî û çandî di navbera k'urd û ermenîyan da t'êra xwe hatye nivîsandin.

Li ser vê mijarê, bi t'aybetî jî di serdema sovêtî da, gelek gotar hatine weşandin, konfêransên zanistî hatine pêkanîn, p'irtûkên cuda-cauda r'onayî ditine û heya t'êza doktirî hatine p'arastin.

Dibe ku, di herêmê da mirov p'ir' kêma bikaribe du gelên wisa nav bike, yên ku bi hezarsalan cînarên hev bûne û ewqas tiştên

³⁴Там же. С. 273; Там же. С. 178–179 и 445.

³⁵Созаев К. Г. Кто мы родом: осетины или аланы. Владикавказ, 2000. С. 4, 36–39, 41–43; Осетия: Историко-этнографический справочник / Сост. В. А. Торчинов, М. Ш. Кисиев СПб.; Владикавказ, 1998. С. 8; Калоев В. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 4–5.

³⁶См.: сн. 35.

wan ên hevbeş hene. Heya di dîrokê da têgehên wisa tèn zanîn, ên wek: zargotîna k'urd û ermenîyan, stranên k'urd û ermenîyan, dilanên k'urd û ermenîyan. Gelek syûjeyên (t'êma) k'urdî k'etine bingeha afrandinên nivîsk'arên ermenî (Raffi, Siras, K'oçar, ?iraz û yên din). Hraçya K'oçar serhtiyên (ç'ir'ok) xwe yên yekem bi t'êmayênk'urdî nivîsye. Kompozitorên mezin ên ermenî (Komîtas, Xaçatûryan û yên din). Lê heç'eyê sazbandîya ermenî dawîya sed-sala XIX di Bêr'lînê da nivîsa xwe ya dîplomî bi t'êma sazbandîya k'urdî p'arastye. Wêneger, derhinêr, sinemager... hemûyan nav nakî. Û îro jî ermenî û k'urd cînartîya hev dikin, û ne t'enê di Ermenîstanê da...

Lê di derbarê p'ewendiyên zimanî yên di navbera k'urd û ermenîyan da tiştek nîne, ku mirov bikaribe ser biaxive.

Dibe ku mirov bikaribûya di derbarê p'ewendiyên weha da r'êze nivîsên hêja û girîng amade bikira, xazma, dema di p'irtûkxaneyên zanistî da di derbarê zimanê ermenî da ji hêla lêgerînên hember-hevkirinî-dîrokî va ewqas p'irtûk. Û li her cîyan ew nê'rn serdest e, ku li ser pêşveçûna zimanê ermenî bandora zimanên îranî p'ir' mezin e, ku îro di zimanê ermenî da bi hezaran p'eyvên bingehîn hene, yên ku ji zimanên îranî, bi t'aybetî jî ji p'ehlevî (farsîya navîn), hatine hildan.

Lê di nav çarçoveya vê nivîsê da, ji bo pisporan em t'enê par-allêlên hinek peyvan ên di herdu zimanan da pêşkêşbikin û hinek agahiyên destpêkî di derbarê wan da bidin:

yên k'urdî

yê r'eng
yê r'ewan
ya dê (слово, в значении *pîredî*)
ç'epik
zêp
birinc (в мидийском: *brîndz*)
piştovan
hesper'êz
ga
freparak
femandar
Frat (< *Yê Frat*)
parzûn (*parzîandin, tûrparzk*)

(berx/golik a) hîlî
frêştê

yên ermenî

երանգ (erang)
 Երևան (Erewan)
 ադե (tade — диалектное)
 ճափ (cap')
 ծեփ (cep')
 բրինձ (brinj)
 պաշտպան (paştpan)
 ասպարեզ (aspresz)
 կով (kov)
 հրապարակ (hraparak)
 հրամանատար (hramanatar)
 Եփրատ (Eph'rat)
 պարզ (parz- в значении «ясный, чистый»)
 հղի (hγi — беременная)
 հրէշտակ (hreştak)

lawik

çors

êzdi (*ê ezdaî* < *yê ez dayî*)

bira < (*yê bira* < *yê birader* < *lê birader*)

լամուկ (*lamuk*)

շոր (*çor*)

Աստված (<աստված//*as tvac* — в значении курдского слова *ez dayî*)

Էրբայր (*eṙbayr*³⁷ < *el brayr*; ср. также: *Felestin* — *Paṙestin*, *fil* — *pîṙ*, *hli* — *hṙi* и другие. < *el brayr* < *el brader* < *le brader*)

³⁷Ev p'eyva di ermenî da wek: *exbayr*//*eṙbayr* tê bilêvkinin; *l-ê* hindewropî di ermenî da dibe *ṙ(ṙ)*, her weha hembîer hev bike: *Felestin-Paṙestin*, *fil* — *pîṙ*, *hli-hṙi* û êyn din.

Summary

GRAMMATICAL CATEGORIES OF A NOUN AND THE INDO-EUROPEAN SUBSTRATUM IN THE KURDISH LANGUAGE

The present work considers three ranges of questions that deal with grammatical peculiarities and analogies in Kurdish and other Indo-European languages. The first range of questions deals with gender and number expression of the nouns in the modern Kurdish language. The second one deals with the existence of the neutral gender in the Old Kurdish language. And the third range of question deals with two groups of main analogies in Kurdish and other Indo-European languages.

Kurdish being one of the languages of the Iranian group of the Indo-European family has a peculiar semantic and grammatical structure that on the one hand distinguishes it from other Iranian languages and on the other hand points at its Indo-European origin. This makes it so attractive for the scientific research.

One of the questions of the particular features of the Kurdish grammar that concerns the author is the so called system of “isaphet indices” or just “isaphets”, which in Iranian philology are believed to be the forms of expression of genitive case.

The author studies different forms of words-particles, the so called “isaphet indices”, which in one’s time were brought into the Kurdish grammar from the Persian grammar. While studying the history of their origin and development in the language, the author makes a conclusion that we need to take an approach that is different from the generally accepted one.

The questions are brought up in the present scientific work, and therefore the scientifically based answers are given to them: after all, possessive-genitive and attributive relations in the attributive

word-combinations in Kurdish are expressed not by “isaphets”, but by the noun objective case and the adjective correspondingly, or the other parts of speech used as an attribute?! If that is true, what is “isaphet” then? How does the so called “theory of isaphets” agree with the essence of the internal language laws? And in general, is it correct to call these words-particles in Kurdish grammar “isaphets” and to characterize them as such?

After all the word “isaphet” comes from the Arabic word *esaphe/esaphet* (*اضافه / اضافت*). In the Persian grammar the word *I* or *I index* denotes the unstressed grammatical index “e” which expresses the attributive tense relation. This index is even perceived as the form of the genitive case.

After making historical-linguistic excursus and exploring the facts of the Kurdish language using the comparative-historical method, the author of the book gives a comprehensive analysis of those forms, which express grammatical categories of gender and number of Kurdish nouns, and raises a question “What are those words-particles that the linguists specialized in Iranian philology used to call isaphets?” And on the grounds of the results of the scientific research, he makes the following conclusions.

Possessive-genitive and attributive relations in the attributive word-combinations in Kurdish are expressed not by “isaphets”, but by the noun objective case and the adjective correspondingly, or the other parts of speech used as an attribute.

In Kurdish, words-particles *ya*, *yê*, *yêd/yên*, which in the studies of Kurdish are still considered “relative pronouns” are in fact definite articles and express gender, number and distinctness of nouns.

Particles that are called “isaphets” of different series are the phonetic manifestations of those articles. Depending on the syntactical situation and on the function of the noun, they can take postpositional or prepositional position. In these cases, depending on the position regarding the noun, these articles may be phonetically modified in certain dialects in spoken language.

The sphere of use of definite articles in Kurdish is rather broad. Probably, just like the grammatical system of the Kurdish language in general, this grammatical category in the morphological noun system needs in-depth study. This general study could become the basis for demonstration of all aspects of the Kurdish language on the whole and its grammatical peculiarities in particular.

The book also talks about the place of definite articles in the

parts of speech system and their practical meaning. It also gives the descriptive analysis of different types of attributive word-combinations.

Thereupon the book gives the description of definite articles in the Kurdish language and their forms in different textual situations. The attributive word-combinations, in which the nouns with these articles are mostly used, are also given the grammatical analysis. The questions of spelling and orthoepy of definite articles are also touched upon.

In his studies of definite articles, the author pays attention to the fact that in Kurdish there also exists another particle, which in its character, its function and its role in word-combinations is similar to definite articles which, as it was mentioned earlier, are usually called "isaphets" in the studies of Iranian.

This particle is *î*.

And the linguists — experts mention this particle, as well as word-combinations where it is used, only fleetingly and occasionally. Very often this index is identified with phonetic variation of the definite article of masculine singular *ê*, which in some cases turns into *î*. However, nothing is said separately and in detail about the particle *î*, about its sphere of use, its peculiarities, and, which is very important, about its own meaning. That is why so many important questions concerned with this particle are still open:

what kind of lexical form is the particle *î* in the Kurdish language?

what kind of connection is there between this particle and definite articles, which in the Kurdish studies are usually called "isaphet indices"?

what role does this particle play in the Kurdish language?

what are the particular features that word-combinations using this particle have?

To answer this and other questions, the author begins its research with the sphere of use, the function and the lexical characteristics of this particle in the Kurdish language. After completing a thorough linguistic study, he comes to the conclusion that the particle *î*, which is used today only in word-combinations such as *nêzik î yek/ti?şteki* and combines with words-non-nouns (since they are neutral from the number and gender perspective), is an archaism of the article of neutral gender in the Old Kurdish language. And since the definite article of masculine gender *ê* in cer-

tain areas of spoken language was pronounced as *î* in the course of time, and this process at some historical point became a tendency, the difference between the masculine and neutral articles gradually disappeared. And so the differentiation of neutral gender does not exist in the Kurdish language any more. This way, the names of neutral gender gradually cross over to the nouns of masculine gender, and the period of neutral gender of nouns comes to an end in the Kurdish language. The fact that in the southern dialect of the Kurdish language (Sorani) the grammatical category of gender gradually died out, serves as another evidence of that. Today this dialect has only one *î*, which does not distinguish grammatical gender.

The many-sided investigation of the facts of the Kurdish language in the context of the historical — comparative study of the Indo-European languages, gives the author the scientific grounds to believe that the old forms of definite articles in the form of archaisms still exist in the Modern Kurdish language. He also believes that these particles in their form and lexical meaning are either identical or close to definite articles of other Indo-European languages. These are words-particles *lê*, *la*, *lê*, and their forms of vocative case *lo!*, *lê!*, *lo!*, that used to be definite articles in the Old Kurdish.

And the hypothetical supposition about the origin of these articles and their assumed analogies in other Indo-European languages, as well as the thorough research in this field were not done in vain. Very soon the author had the scientifically based suppositions about the analogy of the modern forms of definite articles (*yê*, *ya*, *yên/yêd*) of the Kurdish language in Russian, with some phonetic changes. These articles in the Russian language underwent such a historical word-changing process, that it is difficult to understand the essence of these changes at once.

The author began his study of definite articles in the Kurdish language mentioned above with attributive word-combinations. This way he defined their true lexical meaning, their role in the language and finally their place in the language system. He chooses the same approach in the study of the facts of the Russian language. In such a way the similarities of adjective systems of both languages were discovered. And the most important thing that was discovered was the “existence” of gender, number and declension of adjectives in the Kurdish and Russian grammars. And besides that, the essence

of forms of those particles that in Russian are customarily called adjective affixes (adjectivised affixes) was discovered.

As we know, it is believed in the Russian grammar that these affixes show gender and number of adjectives (?!). Besides, in the same grammar they say that adjectives are declined. At this point the author raises a question: how are gender and number connected to adjectives? After all, gender and number, being grammatical categories, belong to the noun! We can say the same thing about declension as grammatical category!

If gender, number and declension are grammatical categories, peculiar to the noun, how can adjectives be declined or have gender and number?

Doesn't this contradict the general logic of scientific grammar?

In many languages to express gender and number of nouns they have auxiliary words that, as it is adopted in linguistics, are called articles.

But it turns out that in the Kurdish and Russian languages, adjectives similar to nouns can be declined and have gender and number! If we approach this question in accordance with the internal language laws, it should not be like that! If it is perceived in this way, then something is wrong!..

This and much more is discussed in detail in the appendix in English, pages 110–137.

Tomerrîkirin

**T'AYBETMENDÎYÊN R'ÊZIMANÎ YÊN NAVDÊR
Û BINGEHÊN DESTPÊKÎ YÊN MAK-ZIMANÊ
HINDEWROPÎ DI K'URDÎDA**

Di vê p'irtûkê da sê govekên pirsên di derbarê t'aybetmendiyên r'êzimanî û yekşewazîyan ên di k'urdî û zimanên din ên hindewropî da tên nirxandin. Goveka yekem di derbarê hêmanên (p'ergal) zanîdana zayend û hejimara navdêr ên di k'urdîya îro da ye. Goveka duyem di derbarê hebûna zayenda navîn (bêhêl) a navdêran e di k'urdîya kevnar da. Û goveka sêyem jî di derbarê du k'omên yekşewazîyên bingehîn e di k'urdî û zimanên hindewropî yên din da.

K'urdî, wek yek ji zimanên k'oma îranî ya malbata zimanan a hindewropî, sazîya xwe ya bêjeyî (sêmantîkî) û r'êzimanî ya

xwedî şewazên t'aybetî heye, a ku ji hêlekê va wî ji zimanên din ên îranî cuda dike, lê, ji hêla din va, jêdera wî ya hindewropî ya giştî destnîşan dike. Bi vê jî hema ew ji bo lêgerînên zanistî balkêş e.

Yek ji pirsên t'aybetîyên r'êzimana k'urdî, ya ku li bal xudanê p'irtûkê gumanan derdixe holê, ew, wa gotî, saziya “şanekên îzafêti” yan “îzafetan” e. Ev navê van p'arînan jî di dema xwe da ji r'êzimana farsî derbazî ya k'urdî kirine. Di îranîzanîyê da ew herweha wek şewazên tewanga zayendî hatine p'ejirandin.

Xudanê p'irtûkê şewazên cuda yên wan p'eyv-p'arînan, lédik'olîne. Piştî lêgerînên dîroka çebûn û pêşk'etina wan a di zimên da, ew tê ser wê nêrînê, ku divê bi awayekî din nêzikî wê dîtîne bibin, ya ku ji hêla hemûyan va tê pejirandin.

Di vê p'irtûka zanistî da pirs tên danîn û anegorî wan jî bersîvên wan tên dayîn: ma ne di p'eyvabendên makdêrî yên zimanê k'urdî da p'ewendîyên zayendî û makdêrî ne ku “îzafêt”, lê tewanga mêlberî (zayendî) û r'engdêr an jî beşên axavtinê ên din, ên ku wek makdêr tên bik'aranîn, didin xuyan!? Eger ew wisa ye, wê demê “îzafêt” çi ye? Ew t'êorî, ya ku jê r'a “ya îzafêti” tê gotin, çiqasî anegorî eytîtiya (t'aybetîya) zimên a hindur'in e? Û bi giştî çiqasî r'ast e, ku ev p'eyv-p'arînana di r'êzimana k'urdî da wek “îzafêt” tên navkirin û li ser wê bingehê jî tên nixrandin?

Ma ne “îzafêt” ji p'eyva erebî ya “êzafê/êzafet” (**اضافه / اضافة**) tê. Bi p'eyva *îzafêt an “şaneka îzafêti”* di r'êzimana farsî da şaneka r'êzimanî “ê” ya bê kirp tê navkirin, ya ku ji bo zanîdana p'ewendîyên makdêrî yên navan tê bik'aranîn. Ev şanek, her weha, wek şewazê tewanga zayendî tê p'ejirandin.

Piştî r'êgerîneke (êk'skûrs) dîrokî-zimanzanî û lêk'olînen matêriyalên zimanê k'urdî li ser bingeha mêt'oda dîrokî-hemberhevkirinî, xudanê p'irtûkê nixrandina t'aybetîyên wan şewazan pêk tîne, yên ku zayend û hejîmara navdêran didin xuyan, û pirsê datîne: “Lê ew p'eyv-p'arînan çi ne, yên ku îranîzan — zimanzanan di dema xwe da *îzafêt* navkirine?” Û li ser bingeha destanînen lêgerînên zanistî ew dîtînen zanistî r'adixe holê:

Di p'eyvabendên makdêrî yên zimanê k'urdî da p'ewendîyên zayendî û makdêrî ne ku “îzafêt”, lê tewanga mêlberî ya navdêr û r'engdêr an beşên axavtinê yên din didin xuyan, ên ku wek makdêr hatine bikaranîn;

Di zimanê k'urdî da peyv — p'arînen *ya, yê, yêd/yên*, ên ku di wêjeya k'urdzanîyê da heya naha jî “cînavên p'ewendî” tên hesa-

bandin, di r'astîya xwe da zêderên (*artîkl*) makdêrî ne û zayend, hejmar û makdêrîya navdêran didin xuyan;

Ew p'arîn, ên ku wek “îzafêtên” k'omên (sêrîya) cuda tèn navkirin, şewazên dengsazî yên wan zêderan in. Anegorî navdorên r'êzhûnanî (sîntaksîsî) û anegorî wê p'eywirê, ya ku navdêr pêk tîne, ewana dikarin an pêşîya p'eyvê, an jî piştî wê bèn danîn. Di demên weha da, k'a ewê di hevokê da li pêşîya p'eyvê, an li piştî wê bèn danîn, di axavtina zarkî da dikare di sazîya wan a dengsazî da guhar'tin pêk bèn.

Goveka zêderên makdêrî di zimanê k'urdî da pir' berfireh e. Dibe ku, wek ku hemû sazîya r'êzimanî ya k'urdî, wisa jî ew katêgorîya r'êzimanî di nav sistêma p'eyfsazî ya navdêr a giştî da pêdivîya wê bi lêger'îneke k'ûr û berfireh heye. Lêger'îneke weha ya heralî dikaribû bibe bingeh ji bo r'avekirina hemû hêlên sazîya zimanzanî ya zimanê k'urdî bi giştî, û bi t'aybetî jî t'aybetmendîya wî ya r'êzimanî.

Di p'irtûkê da her weha li ser çiyê zêderên makdêrî di sazîya beşên axavtinê û bik'aranîna wan a di hevokê da tê r'awestandin. Û r'avekirina pêşdarî ya şewazên cuda yên p'eyvebendên makdêrî tê pêkanîn.

Û li ser vê bingehê t'aybetîyên zêderên makdêrî yên zimanê k'urdî û şewazên wan tèn r'avekirin, ên ku di r'ewşên r'êzhûnanî yên cuda da dertên holê. Her weha ew p'eyvebend, di klîjanan da navdêr bi wan zêderan r'a t'evayî zêdetir tèn bik'aranîn, bi r'êzimanî tèn vebijartin (analîzkirin). Her weha pîrsên r'astaxavtin û r'astnivîsandina zêderên makdêrî têne nîrxandin.

Di pêvejoya lêger'îna sazîya navdêrên makdêrî yên zimanê k'urdî da p'arîneke din jî bala xudanê p'irtûkê dik'îşîne ser xwe, ya ku bi t'aybetîyên xwe, p'eywir û r'ola xwe va mîna zêderên makdêrî ye, yên, wek ku li jorê jî hate gotin, di wêjeya îranîzanîyê da *îzafêt* tèn navkirin.

Ew p'arîna *î* ye.

Û pîspor — zimanzanan da derbarê vê p'arîne û wan p'eyvebendan da, yên ku di wan da ew tê bik'aranîn, dem bi dem hema wisa, nav gotinên xwe r'a bi bîranîne. P'ir'ê caran ew p'arîn wek şewazê zêdera zayenda nêr a hejmara yekane *ê* nîrxandine, ya ku di hinek çîyan da wek *î* tê gotin û nivîsandin. Lêbes, di derbarê p'arîna *î* û warê bik'aranîn, taybetî û, ya ku p'ir' girîng e, di derbarê wat'eya wê bi xwe da cuda û bi hûrgilî t'u tiştêk nehatye gotin. Ji ber wê jî heya naha gelek pîrsên girîng, ên ku girêfterî vê p'arîne ne, vekirî û bê bersiv mane:

- di zimanê k'urdî da p'arîna *î* çi şewazeke bêjeyî ye?
- di navbera vê p'arînê û zêderên makdêrî da, yên ku di wêjeya k'urdzaniyê da wek “*şanekên îzafêti*” tên navkirin, çi p'êwendî heye?
- ev p'arîna di zimanê k'urdî da çi r'olê dilîze?
- ew p'eyvebendan, ên k'u di wan da ev p'arîn tên bik'aranîn, xwedî çi t'aybetîyan in?

Ji bo bersîva van û pirsên din bê dayîn, xudanê p'irtûkê lêger'inên xwe ji war û wat'eya bik'aranîna vê p'arînê û taybetîyên wê yên bêjeyî destpêdike. Piştî pêkanîna lêger'inên zimanzanî yên p'ir'alî ew tê ser wê nêr'inê, ku p'arîna *î*, ya ku îro t'enê di p'eyvebendên wek *nêzîk î yekî /ti?şteki* da bi p'eyvên ne navdêr r'a tên bik'aranîn, yên ku ji hêla zayend û jimarê va bêt'eref in. Ev p'arîn kevnemaya (*arxaîzm*) zêdera zayenda navîn a di k'urdîya kevnar da ye. Û ji ber ku bi demê r'a zêdera makdêrî ya zayenda nêrza *ê* di hinek warên axavtina zarkî da wek *î* tê bilêvkirin, û ev pêvajoyê di serdemeye dîrokî da dibe mêla pêşveçûnê, cudayîya di navbera zêderên zayendên nêrza û navîn da windadibe. Û bi wê r'a cudakirina zayenda navîn di zimanê k'urdî da êdî namîne. Bi wî awahî, navên zayenda navîn derbazî nav r'êza navdêrên zayenda nêrza dibin, û bi demê r'a serdemaya hebûna navdêran zayenda navîn di zimanê k'urdî da bidawî dibe. Di derbarê wê da govenîyek jî ew e, ku di zaravê k'urdî yê soranî (kurmancîya jêrîn) da bi demê r'a cudakirina katêgorîya zayenda r'êzimanî winda dibe, û îro di vî zaravî da t'enê zêdera makdêrî ya *î* heye, ya ku ji hêla zayendê va bêt'eref e.

Vebijartina matêriyalên k'urdî di nav çarç'oveya lêger'îna dîrokî-hemberhevkerîna ya zimanên hindewropî da ji bo wê dîtina xudanê p'irtûkê dibin bingeş, ku di k'urdîya îro da r'êze p'arîn hene, yên ku wek kevnemayîên (*arxaîzm*) şewazên zêderên kevnar hatine parastin. Ku ev p'arînan bi şewazê xwe yê dengsazîyê û wat'eya xwe ya bêjeyî va wek an mîna zêderên makdêrî yên r'êze zimanên din ên hindewropî ne. Ew p'eyv — p'arînen *lê, la, lê* û şewazên wan ên tewanga bangîniyê — *lo!, lê!, lo!* ne, êyn ku di k'urdîya kevnar da zêderên makdêrî bûne.

Û dîtînen di derbêar çêbûna van zêderan û hebûna yekşewazîyên wan di zimanên din ên hindewropî da, her weha lêg'er'inên p'ir'alî yên di vî warî da bê encam derbaz nabin. Zûtîrekê li bal xodanê p'irtûkê dîtina bi zanistî misoger çêdibe, ku yekşewazîyên îro yên zêderên makdêrî yên zimanê k'urdî (*ya, yê, yêd/yên*), bi guh'artinên dengsazî yên p'ir' biç'ûk va di r'ûssî da hene. Ev zêderana di zimanê

r'ússí da r'éyeke p'eyvguhêr'iyê ya dírokí ya wisa derbazbûne, ku mirov dijwar bikaribe eyítya wan guhar'tinan têbigihîje.

Lêger'inên zêderên makdêrî yên zimanê k'urdî xudanê p'irtûkê jî p'eyvebendên makdêrî destpêdike. Bi wî awayî wî wat'eya wan a bêjeyî ya r'ast, r'ola wan di zimên da û, dawîya dawîyê, cîyê wan ê r'ast di sazîya zimên da r'avedike. Ew heman r'êê jî bo lêger'îna matêiralên zimanê r'ússí jî hildibijêre. Û bi wî awayî hemû yeksêwazîya sazîya r'engdêrên herdu zimanan vedibe. Lê ya here sereke, “hebûna” zayend, hejmar û tewanga r'engdêran e- di r'êzimanên k'urdî û r'ússí da. Û, jî bilê vê, t'aybetiyên şewazên wan p'arînan tên r'avekirin, ên ku di r'êzimana r'ússí da wek daçekên (*affik's*) r'engdêran tên navkirin. Di r'êzimana r'ússí da her weha hatye p'ejirandin, ku ev daçekana zayend û hejmara r'engdêran didin xuyan (?!). Ji bilê vê, di heman r'zimanê da tê gotin, ku r'engdêr tên tewangdin. Û li vir destxweda di serê xudanê p'irtûkê da pirs dertên pêş: çî p'êwendîya zayend û hejmarê bi r'engdêr r'a heye? Ma ne zayend û hejmar, wek t'aybetmendiyên r'êzimanî, têk'îlî navdêr in? Heman tiştî mirov dikare di derbarê tewangê da, wek t'aybetmendîya r'êzimanî, bibêje!

Eger zayend, hejmar û tewang t'aybetmendiyên r'êzimanî yên navdêr in, wê demê r'engdêr çawa dikarin bitewangin û zayend û hejmara wan hebin?

Gelo ev ne diji hişmendîya r'êzimana zanistî ye?

Li gelek zimanan da, jî bo ku zayend û hejmara navdêran bidin zanîdan, p'eyvên alêk'ar hene, yên ku, wek ku di zimanzanîyê da hatye p'ejirandin, zêder (artîkl) tên navkirin.

Lê dertê, ku hem di zimanê k'urdî, hem jî di zimanê r'ússí da r'engdêr wek navdêran tên tewangdin û zayend û hejmara wan hene!? Eger anegorî r'êzikên zimên ên hindur'in nêzikî pirsê bibin, wê demê divê wisa nînbûya. Eger ew wisa tê p'ejirandin, wê demê li vir tişteke ne wisa ye!

Di derbarê vê û gelek tiştên din da bi hûrgilî — di serzêdayîya bi zimanê k'urdî da, r'û 137–163 (Pêvek).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. И все началось с чужеродного «изафетного показателя».....	5
История вопроса.....	9
Раздел I. Грамматические средства, выражающие род и число существительного в курдском языке.....	15
Раздел II. О существовании среднего рода существительных в древнекурдском языке (<i>А утеряны ли полностью следы среднего рода существительного в курдском языке?</i>).....	49
Раздел III. Общинеоэвропейский субстрат в курдском языке.....	77
Послесловие.....	104
Литература.....	106
Приложения.....	110
<i>Приложение 1. Initial Indo-European Stems in the Kurdish Language (Appendix)</i>	—
<i>Приложение 2. Bingehên Destpêkî Yê Hemhîndewropî Di Zimanê K'urdîda (Pêvek)</i>	138
Резюме.....	165
<i>Summary. Grammatical Categories of a Noun and the Indo-European Substratum in the Kurdish Language</i>	—
<i>Tomerrîkirin. T'aybetmendiyên R'êzimanî Yê Navdêr û Bingehên Destpêkî Yê Mak-Zimanê Hindewropî Di K'urdîda</i>	169

Научное издание

Мамоян Азиз Джавоевич

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ОСНОВЫ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА
В КУРДСКОМ**

Историко-сопоставительное исследование
в общеиндоевропейском контексте

Редактор *Л. А. Карпова*

Художественный редактор *Е. И. Егорова*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Подписано в печать 03.12.2007. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,24. Тираж 600 экз. Заказ № 618

Издательство СПбГУ.
199004, Санкт-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41